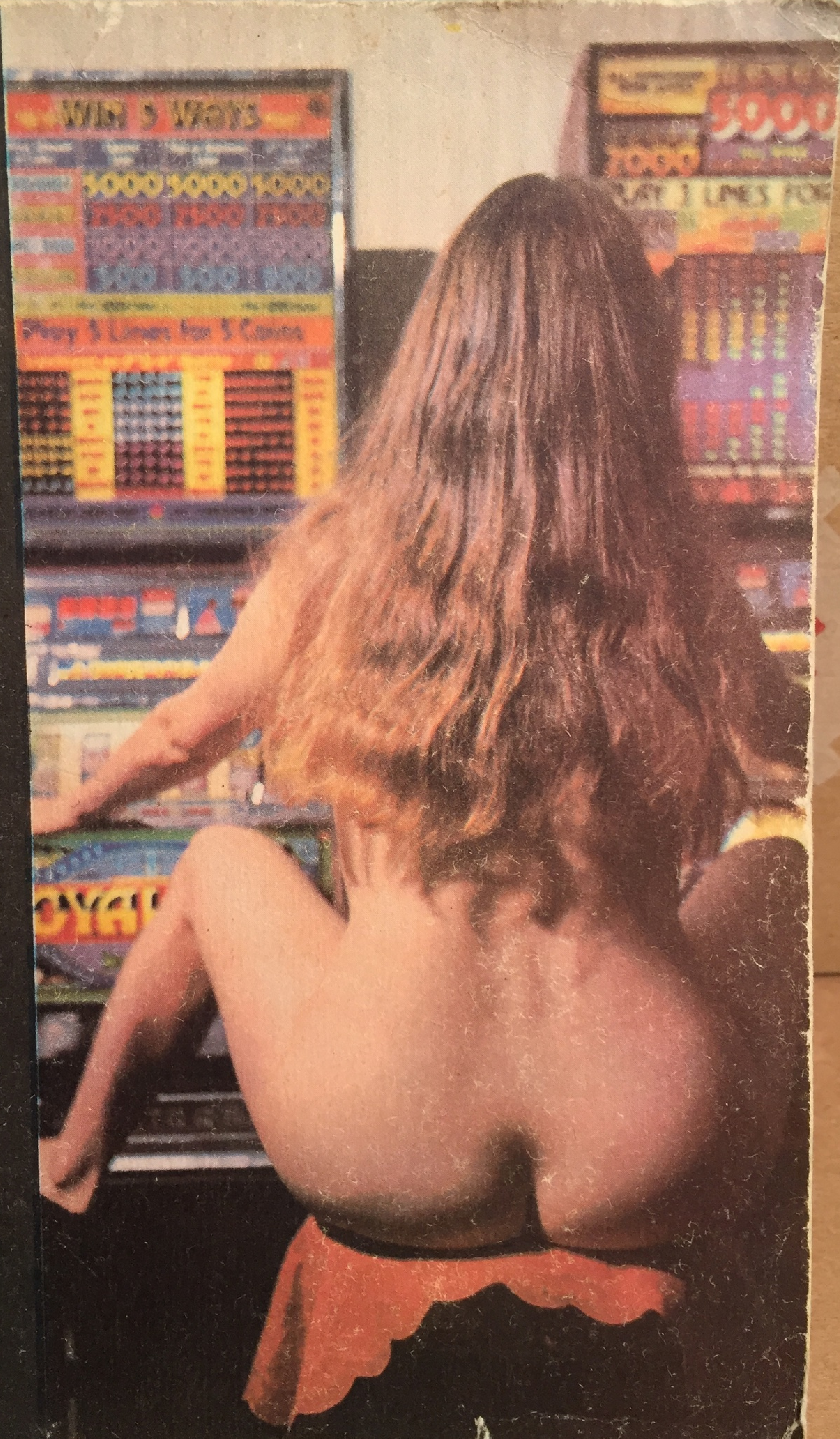
Секс Пир

Бульвар крупной эротики

БУЛЬВАР КРУТОЙ ЭРОТИКИ

Есть только три наслаждения:
есть мясо,
ездить на мясе
и втыкать мясо в мясо.

Восточная пословица

Мистер Икс
Москва
1993

ББК 84 (0) 6

Секс-пир. Бульвар крутой эротики.
Выпуск 8.
М.: ИИФ "Мистер Икс", 1993. — 192 с.

Б $\frac{4108110100 - 019}{Ш\ 85\ (03) - 93}$ без объявления

ISBN 5 — 85353 — 024 — 0
© Составление, оформление, перевод.
ИИФ "Мистер Икс", 1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

А.Салов
ГАЛЧЕНОК .. 3

Р.Браун
СТРАННЫЙ ПАРЕНЬ 95

Н.Сандх
ПИСЬМО ВПОПЫХАХ 104

РАССЕЯННАЯ ДЖЕННИ 109

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОЦЕЛУЕ. Из журнала
"Клаб Интернейшнл" 113

ВОЗМЕЗДИЕ ... 118

Аретино
РАЗГОВОР МАДДАЛЕНЫ И ДЖУЛИИ О РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ЛЮБВИ, ИЛИ СТРАНСТВУЮЩАЯ РАЗВРАТНИЦА .. 154

ГАЛЧЕНОК

Рассказ земского врача

Часть 1

Был отвратительный весенний вечер. Мелкая изморось неслышно туманила окна и крупными слезами скатывалась по стеклам. На дворе тоскливо завывал ветер и наводил хандру.

Но нас собралась большая компания, и мы не скучали. Мы сидели в мягких креслах перед пылающим камином, пили вино, курили и, конечно, говорили про женщин и любовь. Переговорено на эту тему было много. Каждый из нас рассказал какой-нибудь анекдот, конечно, пикантный, из своих любовных похождений.

Хохот иногда заглушал завывания ветра. Не хохотал только один земский врач, тоже участвовавший в компании. После каждого рассказанного анекдота он вскакивал с места, шагал по комнате и ворчал:

— Нет, это что! Это все ерунда... Это все и незанятно.

Наконец, это всем надоело, и мы пристали к доктору с просьбой рассказать «занятное».

— Извольте-с! — воскликнул доктор. — Только

уж не взыщите. Рассказ мой будет, во-первых, из реального быта, а во-вторых, самого натуралистического свойства.

— И отлично! — подхватили мы.

Доктор как-то осклабился, облизал свои толстые губы, словно у него заранее слюнки потекли, и, вынув из кармана какую-то тетрадку, проговорил:

— Я вам прочту рассказ, записанный мною со слов одной девушки, с которой я состоял в интимных отношениях. Как именно я познакомился с этой персоной, конечно, вам неинтересно.

— Нет, напротив, — перебили мы его, — очень интересно...

Доктор захохотал.

— Будто интересно?

— Конечно!

— Хорошо-с, согласен и на это. Итак, сперва расскажу вам, как я сошелся с этой особой, а потом и ее рассказ прочту.

— И отлично!

Доктор опять облизнулся, потер от удовольствия руки, выпил залпом стакан вина и начал:

— Познакомился я с ней в городском саду, куда забрел, повинуясь всемогущему случаю. Начало смеркаться. Забился я в самую глухую часть сада, сидел на скамейке и курил папиросу. Был я в самом отвратительном расположении духа, ибо только что перед этим умер один из моих пациентов, которого я надеялся поставить на ноги. Как он ухитрился помереть вопреки всем правилам науки, я до сих пор понять не могу. Смерть пациента просто бесила меня, я готов был на стенку лезть. Как вдруг слышу

какой-то шорох, чьи-то легкие шаги и в то же время робкий, как будто заискивающий шепот. Подняв голову, я увидел перед собой совершенно юную девушку, бедно одетую, но зато с такими прелестными черными глазами и с такими пунцовыми пухлыми губами, что у меня даже сердце замерло.

— Господин, — шептала она чуть слышно, — дайте на хлеб. У меня сегодня во рту ничего не было. Христа ради...

«Ах, черт возьми, — я встрепенулся, — какая прелесть! Вот если бы...» и, недолго думая, спросил:

— А может, поужинаем вместе?

Девушка пугливо взглянула на меня и опустила глазки. У меня даже дыхание перехватило.

— Ну, так как же? — замирающим голосом повторил я.

— Не знаю... — она опять взглянула на меня, но на этот раз так хорошо улыбнулась, что я совершенно потерял голову.

— Пойдем, — продолжал я. — Я один живу, совершенно один. Напою, накормлю...

Девушка медлила с ответом.

— Что ж, согласна?

Она что-то прошептала.

Тут уж я не выдержал! Смерть богатенького пациента мигом выскочила из моей головы. Я, поймав девушку за руку, принялся шептать ей прямо в ухо:

— Ну так вот. Ступай по этой дорожке, у ворот сада — слышишь? — подожди меня. Я сейчас, на минуту... Смотри, у ворот подожди!

— Хорошо, — прошептала она и пошла к воротам.

Не отрываясь, смотрел я ей вслед, любуясь почти детской семенящей походкой. Ноги мои дрожали, словно меня била самая патентованная лихорадка. Еще издали увидел ее, стоявшую у ворот сада, в ожидании дальнейшего. Заметив меня, она вышла из ворот, но тут же замедлила шаги.

— Иди за мной, — шепнул я углом рта и, сделав вид, что не обращаю на нее ни малейшего внимания, прошел мимо. Только очутившись в пустынном переулке, я остановился. Тем же семенящим шагом она приблизилась.

— Видишь тот белый дом? Там моя квартира, — проговорил я, указывая пальцем, — но ты погоди входить. Надо прежде кухарку спровадить куда-нибудь. Поняла?

— Я тут на тротуаре похожу, — прошептала она.

— А когда я отворю дверь, ты войди.

— Хорошо.

И, проговорив это, я чуть не бегом направился к моей квартире. Кухарка открыла мне дверь, и я, не раздеваясь, тотчас же откомандировал ее с поручениями купить сыру, колбасы, водки, пива. И в то же время строго-настрого запретил ей входить в мои апартаменты.

— Не смей, — говорю, — девочка у меня будет. Поняла?

— Не впервой, поди, — проговорила кухарка, — знаем уж ваши порядки-то...

Кухарка отправилась в лавку, а я сбросил с себя пальто, шляпу и осторожно открыл дверь. Девушка уже стояла на крыльце и, как только дверь приотворилась, тотчас же шмыгнула в прихожую...

рассматривала комнату и все, что в ней находилось. Наконец проговорила:

— Как у вас хорошо здесь!

— Очень рад, что тебе понравилось.

— Я еще отродясь не видела таких хором...

И, указав на кровать, спросила:

— А это что ли та постель, на которой мы будем...— Она вдруг хихикнула: — На нее и лечь-то боязно!

— Почему?

— Уж больно чисто...

— Тем лучше.

— Пожалуй, испачкаем как-нибудь. В деревне у нас не спят так. В городе, конечно, другие порядки...

Как будто даже осуждение послышалось в ее тоне.

— Зачем же ты в город приехала?

— Есть нечего.

— Разве у тебя родни нет?

— Нет никого...

— А как тебя зовут?

Девушка, вдруг спрятав лицо ко мне на плечо, засмеялась.

— Не поверишь, пожалуй, — проговорила она.

— Так как же?

— Галченок.

— Да, — говорю, — действительно, имечко птичье.

— Зовут меня по-настоящему Грушей, — подхватила она, подняв голову и взглянув мне в лицо. — Только никто меня по имени не звал, а все кликали Галченок. И вы меня зовите так же...

— Ладно...

В это время дверь в кухню заскрипела. Я догадал-

ся, что возвратилась кухарка, и поспешил к ней. Захватив с собою принесенную провизию, а также вино и пиво, я достал из комода скатерть, разыскал ножи и вилки, притащил все это в спальню и совершенно по-водевильному накрыл на стол. Немного погодя мы с Галченком уже сидели за столом и преусердно вкушали от трактирных яств. От водки она отказалась, зато с жадностью ела колбасу, ветчину и сыр и даже выпила потом стакан пива.

Не отставал и я от нее. Опрокинув несколько рюмок водки, почувствовал себя в самом прекрасном расположении духа. А выпитое затем пиво еще больше возбудило мою плоть. Когда все было съедено, Галченок вышла из-за стола, помолилась на образа, а затем, обратясь ко мне, проговорила:

— Спасибо за хлеб и соль.

— Сыта?

— Спасибо, — она, указав пальцем на остатки сыра, спросила:

— Это что такое было?

— Сыр.

— Впервые вижу.

— Понравился?

— Ничего.

Встал и я.

— Ну, — проговорил я, обняв Галченка, — а теперь спать пойдем.

— Пойдемте...

Галченок отошла в темный угол и принялась раздеваться. По мере того как она снимала с себя кофточку, затем платье, кровь у меня разгорелась, а сердце принялось колотиться сильнее. Наконец,

Доктор приложил руку к сердцу, как это делают актеры, и, обведя нас глазами, расшаркался.

— Благодарю вас, — проговорил он.

Затем, усевшись, прибавил:

— А теперь выпьем по стаканчику вина, и я прочту вам рассказ Галченка.

Мы выпили.

— Только предупреждаю вас, — проговорил доктор, развертывая тетрадь, — рассказ мой записан со слов Галченка, а потому не относитесь строго к его литературным недостаткам.

— Читайте, читайте! — закричали все.

Доктор пододвинул к себе лампу и начал читать.

Рассказ Галченка

Отец мой помер, когда мне одиннадцатый год пошел. Остались мы с матерью вдвоем и терпели горькую нужду. При отце еще кое-как перебивались с хлеба на квас, а похоронили отца — и совсем обнищали. Так промаялись мы все лето, а к осени к матери присватался один мужичок из соседней деревни. Мужичок этот тоже был вдовый, но бездетный. Старик был зажиточный, лет пятидесяти с хвостиком, высокий такой, плечистый, дюжий. Жил он исправно, имел скотину, пчельник и на работу был жадный-разжадный. Сложа руки сидеть не любил и все делал сам. Мать посоветовалась с родными, с соседями, и все порешили, что такого жениха днем с огнем не сыскать. Поплакала мать, что ей с родным селом расставаться приходится, сходила на кладбище,

побыла на родных могилах, а потом повенчались.

Мы переехали в дом вотчима. Избенку свою продали, а какая скотинка была, с собою взяли. Я долго не могла привыкнуть к вотчиму. Мать приказывала, чтобы я его отцом называла, а у меня язык не поворачивался. Все еще о своем родном батюшке тосковала. Только вотчим за это не серчал на меня.

— Не ругай, — говорил он матери, — привыкнет помаленьку, сразу-то нельзя...

Добрый он был страсть какой, ласкал меня, словно родную, и я, точно, помаленьку привыкать стала.

Девчонка я из себя была немудрящая, маленькая и черноглазая, за то самое меня и прозвали Галченком.

С матерью вотчим жил хорошо, согласно, прижил с ней ребенка, только этот ребенок прожил недолго, каких-нибудь месяца два, а потом помер.

В то время мне тринадцатый год пошел, и я начала матери пособлять. И корову, бывало, подою, и печку истоплю, и все такое по домашности. Однако вотчим меня работой не неволил.

— Что, — говорит, — с нее взыскать, пускай растет себе.

Пришло лето. Как-то купалась я в реке, а речка-то как раз позади наших гумен протекала. Купалась, купалась. Зачала раков ловить. Ущупаю норку, засуну туда руку, да и вытащу рака. Наловила их почти ведро цельное. Смотрю: вотчим лошадь поить ведет. Подвел лошадь к воде, а сам на берегу присел. Смотрит на меня и кричит:

— Никак раков ловишь?

— Раков, раков...

— А много наловила?

— А вот, говорю, покажу сейчас.

Выскочила я на берег и зачала раков из ведра высыпать. А вотчим хоть бы слово промолвил, ровно очумел. На раков-то и не взглянул даже, а только мне все промеж ног смотрит. Уставился глазами, а сам красный сделался. Лошадь давным-давно напилась уже, а он все глядит и глядит. Наконец, ровно проснулся, встал на ноги и засмеялся.

— И впрямь, — говорит, — ты Галченок, у тебя и тело-то черное.

А сам обнял меня, поводил по спине рукой, погладил и повел лошадь домой.

С той самой поры он еще пуще ласкать меня зачал. Мимо, бывало, не пройдешь, чтобы не пощупал меня. То, бывало, за плечо легонько ущипнет, то по голове погладит. При матери, бывало, редко ласкал, а уйдет мать, ну и зачнет, раз за пазуху залез, гладит рукой по голому телу, а сам шепчет:

— Никак сисеньки-то у тебя припухать начинают...

Где там припухать: грудь-то, словно лопата, плоская была, и только два сосочка, как две землянички, торчали. А другой раз посадил меня к себе на колени и под подол рукой залез. А я сижу и думаю: чего это он меня меж ног щупает? Смотрю на него, а он словно задыхается. Словно его лихоманка бьет. Так весь ходуном и ходит.

— С тобой, — говорит, — того и гляди набедокуришь.

А я только дивлюсь: про какую он беду говорит, а пуще всего чудно было, чего он у меня пальцем-то копает.

Прошел месяц. Однажды как-то мать к родным собралась, а мы с вотчимом должны были дома остаться. Запряг он матери лошадь, соломки в телегу подбросил, полостью покрыл, чтобы спокойнее сидеть было, и честь честью проводил со двора.

— Гуляй, — говорит, — весело.

Я все время на крылечке стояла, а проводивши мать, пошла в чулан и завалилась спать. Долго ли, коротко ли спала — не помню. Только слышу: тихонько кто-то толкает. Я открыла глаза. Смотрю — вотчим.

— Хочешь, — говорит, — в баню со мной?

— А баню-то истопил? — спрашиваю.

— Истопил, — говорит.

— Что же, — говорю, — пойдем, пожалуй.

— Так собирайся, — говорит.

Я собрала бельишко, и мы пошли. А вотчим идет и все на меня глазами косится, словно как не верит, что я следом за ним иду. Подошли мы к бане, он остановился и говорит:

— Ступай передом.

Я вошла, а следом и вотчим.

— Лезь, — говорит, — на полок, я там помою тебя.

Залезли мы и сели рядом.

— Давай, — говорит, — сперва попотеем.

А сам обнял меня и зачал по телу гладить. Гладил, гладил и опять промеж ног полез. Мне

инда щекотно стало, засмеялась я и скорее ноги вместе стиснула. А он задрожал весь, и слышу я, что он меня на спину гнет. Положил на спину... лезет на меня и шепчет, чтобы я, значит, ноги раздвинула... Я раздвинула... а пот с него так градом и льет.

— Лежи, — говорит, — смирно.

Я лежу и слышу, что он мне в сюку-то приставил что-то. Приставил да вдруг вскочил с меня, словно как испугался чего, сел на полок и свесил ногу.

— Нет, — говорит, — этак, того и гляди, в Сибирь угодишь!

Сидит так-то, промеж ног мне смотрит, а сам захлебывается инда.

— Давай, — говорит, — по-иному.

Взял меня за руку, поднял, велел на ступеньку с полка спуститься и поставил меня супротив себя так, что его ноги промеж моих угодили.

— Мой, — говорит,— мне шишку.

И шишку-то мне в руку сует.

— Ты, — говорит, — мне помой, а я тебе.

Я взяла его шишку, а он, значит, пальцем мне сюку щекотать начал. Я стою, пошевеливаю рукой шишку-то и думаю: «Что-то странно мы моемся...»

Сперва ничего, словно так и следует, а потом, маленько погодя, слышу, что по телу-то у меня словно дрожь пробежала. Сердце заныло как-то, в глазах помутилось, а промеж ног-то такой зуд пошел, что я инда упала вотчиму на плечо и, сказать стыдно, уссалась вся...

А вотчим словно как обрадовался этому и все мне в руку шишку тычет. Тыкал-тыкал, да как вытя-

нется вдруг, как задрожит, и слышу я: из рук у меня что-то потекло.

Тут уж я не выдержала, упала на вотчима. А когда очнулась и говорю ему:

— А мы, должно быть, угорели с тобой.

Он засмеялся.

— Есть, — говорит, — немного.

Однако мы вымылись, как следует, попарились и зачали одеваться. Выходя из бани, вотчим и говорит мне:

— Ты, смотри, не сказывай, что мы с тобой в бане были, ни-ни. Скажешь — со света сживу, живую в землю закопаю! А смолчишь — любить буду, без калачика с базара не приду...

С той самой поры вотчим так полюбил меня, что редкий день гостинцами не дарил. То, бывало, медовых пряников купит, то орешков, а то так яблоков принесет. И про гостинцы тоже говорил:

— Не сказывай, слышишь!

— Слышу.

— Тихонько ешь, чтобы мать не видала.

Я так и делала. Матери ничего не говорила и гостинцы ела тайком. А вотчим, бывало, так и следит за мной и ходит, словно как пришитый ко мне — куда я, туда и он. Чуть, бывало, увидит где, сейчас обнимать, целовать зачнет. Уж целует, целует...

Однова как-то я на огороде поливала, день был жаркий, умаялась, таская воду. Так что после обеда забралась на сеновал, уткнулась в сено и уснула. Только чую спросонка, что по мне ветер гуляет. Открыла я глаза и вижу, что лежу заголенная и что

вотчим лежит у меня промеж ног и языком сюку лижет. Я, было, вскочить хотела, да мочи не было, — уж больно приятно показалось. Лежу и слышу, что по жилам-то у меня словно огонь переливается, по телу-то словно мурашки бегают. Щекотно. Но так сердце и замирает...

Вдруг слышу, вотчим словно как задыхаться начал, заметался, засунул язык в сюку и притих.

Я инда задрожала вся и развела ноги... Что было потом — не помню, память отшибло. Только я очнулась — вотчима на сеновале уже не было. И лежу я по-прежнему на спине все еще с разведенными ногами, но только уже с опущенным подолом.

На другой день праздник какой-то был. Мать в село к обедне поехала. А мы с вотчимом остались дома. Зачала я печку топить... Только я чувствую, что он глазами-то словно съесть собирается. Вот ведь диковинка-то какая, словно у меня на затылке глаза торчат...

Слышу, скрипнула дверь. Ну, думаю, идет... И точно, подошел ко мне сзади, обнял и шепчет:

— А что, вчера на сеновале ты ничего во сне не видела?

— Ничего, — говорю.

А сама застыдилась, рукавом глаза прикрыла. Вдруг слышу под подол лезет.

— Пусти, — говорю.

Да он словно оглох. Повернул меня к себе лицом, прижал к печке, и в руку мне шишку сует... Стыдно мне стало. Так стыдно, что я даже отвернулась от него, а все-таки шишку-то взяла и зачала ее шевелить легонько. Полез он ко мне промеж ног. Лезет

рукой-то, а ноги у меня словно сами собой раздвинулись.

Зачали мы баловаться...

Вот диковинка-то. С той поры мы эдак-то, почитай, каждый день баловаться начали. Да это что... Сговариваться зачали, где бы сойтись так, чтобы никто не видел. И сходились то на гумне, то на огороде.

Я уже думала, что вотчим просто играет со мной, только не по-прежнему, а по-иному. Полюбилась я ему, думала я, ну вот он и играет. Я даже не знала еще, как по-настоящему это делают. Однако немного погодя узнала. И вот как это было.

Однова ночью спала я на своей постели, а спали мы все вместе в одном сарае. Я на одной кровати, а вотчим с матерью на другой. Крыша была соломенная, худая, вся в дырах, а месяц светил как раз на ихнюю кровать. С вечеру-то я заснула крепко, а возле полуночи проснулась и слышу скрип какой-то. Я открыла глаза и вижу, что вотчим на матери лежит и шишкой-то промеж ног ей тычет. Я притаилась, дышать даже перестала, а сама глаз с них не спускаю. Слышу, мать шепчет:

— Как бы дочка не услыхала...

— Ну вот... где ей услыхать, — шепчет вотчим, а сам тычет. Тыкал он крепко...

Тыкались-тыкались так-то, а потом перестали...

Немного погодя смотрю, вотчим слез с матери, а мать вздохнула, опустила рубашку и повернулась на бок.

А на другой день вот что я увидела. Пошла я на огород и слышу, что на соседнем огороде возится

кто-то. Я потихоньку подкралась к плетню. Заглянула в дыру и вижу, что соседка, тетя Настя, обнявшись с Романкой сидит. Тетя Настя была молодая вдова, красивая и ростом высокая, а Романка был парень лет пятнадцати, в доме у них в работниках жил.

Слышу, молодуха шепчет:

— Ты, видно, паренек, с бабами никогда не спал?

Романка инда застыдился. Покраснел весь.

— Хочешь, — говорит она, — научу?

А сама руку ему в портки засунула. Тот, было, замешкался, встать хотел, но не встал. Обвила она левой-то рукой его за шею, притянула к себе, а правой-то ему чирку зачала раскачивать. Романка покраснел, заерзал... А она раскачивает и шепчет:

— Сиди смирно. Чего стыдишься? Не стыдно, ничего...

Смотрю, Романка присмирел. Затих и даже глаза опустил.

А маленько погодя, слышу, что молодуха шепчет ему:

— Полезай теперь на меня...

Сама опрокинулась на спину, заголила подол и потащила на себя Романку.

— Тычь! — говорит.

И они начали тыкаться...

Смотрю я на них, а у самой-то в глазах зеленые круги завертелись. Сердце замерло, а в горле дыханье сперло, словно меня душит кто-нибудь.

Насилу дождалась, когда молодуха ушла. А как только она ушла, я сейчас же прыг через плетень, да к Романке и подсела. А он как обалделый, не

отдышится никак и только рот разинул. Меня даже смех взял. Захохотала я, ударила его по плечу и спрашиваю:

— Ну что, научился, как с бабами спать?

— А ты почем знаешь?

— Стало быть, знаю, — говорю, — коль спрашиваю.

— Ничего, — говорит, — маленько научился.

— И что, понравилось?

— Ничего...

— И чудесно, — говорю, а сама головой на плечо к нему прилегла. Слышу, паренек-то вздрогнул даже.

— Что дрожишь-то, — спрашиваю.

Он ощерился.

— Что, — говорю, — зубы-то скалишь?

А сама головой его толкаю.

— Да так, ничего, — говорит.

— Уж со мной не хочешь ли?

— Полно... — говорит, а сам обнял меня и к себе тянет.

— Что, — говорю, — испугался?

— Как бы не пришел кто...

— Кому, — говорю, — прийти-то? Народ в поле веет, а молодуха-то, небось, лежит теперь и не отдышится.

— Можно... — говорит

Я легла, раскорячилась, а на мне Романка и заерзал. Только у нас никакого толку не вышло. Тыкались мы, тыкались, измучились оба до смерти. А запихать всю чирку парнишка не смог. Раза три принимались мы тыкаться. Упарились, словно в

бане. Всю траву изъелозили, а кончилось тем, что он меня всю только сильно обрызгал... Меня инда злость взяла. Вцепилась я ему в волосы и давай его по огороду возить.

С этой поры начала я все понимать. Увижу, бывало, петуха на курице и знаю, что это они не дерутся, как я думала прежде, а тыкаются. Увижу кобеля на суке — то же самое. Прежде внимания на все это не обращала, а теперь остановлюсь, а у самой-то мысли самые скоромные.

Раз как-то увидела я на выгоне, что на кобылицу сесть жеребец собирается. Забежала сбоку и смотрю. Тычет он ей под хвост, а куда надо — не попадает. Кобыла разгорелась вся, хвост подняла, пляшет, а он все мимо. Досада меня взяла. Подбежала я к ним и поставила правильно.

— Вот, — говорю, — куда надо! Теперь пихай!

И не успела я мигнуть, как жеребец задул свою шишку. Долго я смотрела на них и до того растревожилась, что, подвернись мне в ту пору урод какой-нибудь, я бы и на него сама полезла.

Наконец поспела рожь, и надо было семена готовить для посева. Молотили мы все: вотчим, мать и я и к вечеру намолотили сколько требовалось. Осталось только перевеять. Когда солнышко начало садиться, мать пошла коров встречать, а мы с вотчимом остались на гумне ворох оправлять. Оправляли мы его долго, так что совсем стемнело и на небе звезды загорелись.

Гумно опустело, и только одни мы с вотчимом возились. Вотчим все время молчал и словно думал какую-то думу. Таскает солому, ворох прикрывает,

а сам на меня глазами-то косится. Наконец прикрыли мы ворох, убрали метлы, грабли, и надо бы домой идти. А вотчим вместо того по соседним гумнам ходить начал.

Я осталась одна. Кругом все затихло, словно как бы вымерло. На меня инда робость напала. Стою и думаю:

— Зачем это вотчим по гумнам ходит?

Думала, думала и смекнула, что это он смотреть пошел, не остался ли кто на гумне. Стою, а сама дрожью дрожу, зуб на зуб не попадает. Такой страх напал, что хотела бежать было домой.

И диковинное дело: прежде только и думала о том, как бы перепихнуться с кем-нибудь. Однова даже во сне видела, как будто вотчим меня тыкает. Даже, признаться, зашлась...

Наконец слышу, что шаги-то ближе и ближе раздаются, а немного погодя и сам вотчим показался. Шагал он не торопясь, прислушивался, а когда пришел на свое гумно, остановился и зачал глазами-то меня искать. Я стою ни жива ни мертва.

Слышу, зачал легонько окликать меня:

— Галченок, — говорит, — где ты?

Я не откликнулась, а только соломой зашуршала. Он услыхал и говорит:

— Пойдем сюда...

А сам взял меня за руку и тащит к омету. Я молчу и иду за ним, словно к смерти меня приговорили, трясусь вся, ноги подкашиваются.

Подошли мы к омету. Он шепчет:

— Ложись!

А я стою, пошевельнуться не смею. Видит он, что перепугалась, и силою повалил на солому.

— Пусти, — говорю.

— Пущу, — говорит.

А сам заголил мне подол, да на меня и навалился. Я, было, выскочить из-под него хотела, стиснула ноги. Он сильно раздвинул их и зачал мне в сюку втискивать свою шишку. Тычет, а шишка все соскальзывает. То по животу шмыгнет, то в задницу упрется. И сам-то умаялся, и меня замучил.

— Пусти, — говорю, — моченьки нету моей!

А он шепчет легонько:

— Согни ноги крючком.

Я согнула их в коленях и чую, что мне в сюку-то словно ножом пырнули. Я инда вскрикнула, а вотчим стащил у меня платок с головы, да платком-то рот мне заткнул

— Молчи, — говорит, — ситцу на сарафан куплю...

У меня инда глаза под лоб закатились. А он-то облапил мне шею и все на меня налегает. Запустит шишку-то, прижмется плотно-расплотно, а потом вытащит и опять запустит...

Всю солому изъездили. Зачали у одного конца омета, а кончили у другого. Словно бешеные сделались.

Он упрется ногами-то в землю и так запустит, что инда с места сдвинет.

Только соберусь подняться, а он опять опрокинет и опять задвинет. Крикнуть, было, хотела, а рот платком заткнут. Стиснула зубами платок этот и словно замерла.

А он-то еще чаще ширять начал. Ширяет, а сам зубами скрипит, раза два инда за плечо укусил. Ширял, ширял — вдруг, слышу, плотно прижался ко мне, задрожал, и в сюке шишка-то подергиваться начала... Подернется и плеснет, подернется и плеснет...

— Ну, — думаю себе, — кончилось!

И то, полежал он так на мне, плеснул еще разика два, а потом прильнул губами к моей голове.

Посидели мы немножко, а когда отдохнули, пошли домой...

Мать встретила нас на крыльце.

— А я уже, — говорит, — идти к вам собралась. Чего это вы там копались?

Вотчим что-то сказал ей в ответ, а у меня даже смелости не хватило взглянуть на нее...

Поужинали, я спать легла. Спала я в те поры в чулане, а вотчим с матерью — в сарае. Разделась и легла, а заснуть не могу, уж очень больно мне было, словно ножом мою сюку резали. Слышала я, как первые петухи пропели, как вторые, а заснуть все не могла. Вдруг слышу, что в сенях дверь скрипнула. Я прислушалась. Слышу, кто-то по сеням крадется. Ощупал чуланную дверь и легонько отворил ее...

— Кто тут? — спрашиваю.

— Молчи, — шепчет вотчим, — это я...

А сам прильнул мне к уху и сует в руку какую-то склянку и шепчет:

— Маслица я тебе из лампадки принес. Помажь, — говорит, — полегче будет.

И тем же следом вышел из чулана.

Я помазала, и точно, маленько как будто полегче стало, и я заснула.

Дня три я не могла ходить как следует. Мать заметила это и спрашивает:

— Что это ты раскорякой ходишь?

— Не знаю, — говорю.

— Пощупай-ка, — говорит, — намедни молотили, так, может, колос не запихнут ли? Бывает это с нашей сестрой. Сбегай-ка на речку, хорошенько промой...

Однако дней пять спустя все зажило, и никакой боли я уже не чувствовала. Только вот беда: не могла я матери в глаза посмотреть. Взгляну, бывало, и сейчас же глаза опущу. Все-то хорошенько я не понимала еще, а как-то чувствовала, что словно как в чем-то провинилась перед ней. Думала я об этом день и ночь, и до того дошло, что под конец начала представлять, что мать догадывается, и что неспроста спросила нас, чего мы так долго в те поры на гумне копались?..

Раз как-то вотчим пришел ко мне ночью, хотел было полежать со мной, так я его прогнала.

— Ступай, — говорю, — ступай от меня!

Тот, было, ломаться зачал, а я вскочила с постели и вытолкала его вон из чулана.

— И не моги, — говорю, — ходить ко мне.

А наутро вотчим спрашивает:

— Это, — говорит, — что же такое ты делаешь со мной?

— А то и делаю, — говорю, — что не смей ходить ко мне.

— Как так, — спрашивает, — по какому такому праву?

— А потому, — говорю, — что матери боюсь. Узнает, беда будет...

Вотчим рассмеялся даже.

— И только-то? — говорит

— Боюсь, страсть, как боюсь.

— Не бойся, — говорит, — она ничего не узнает.

А потом обнял и шепчет:

— Я к тебе сегодня ночью приду.

И точно, приходил он, а я опять прогнала его. Силою, было, хотел, а я вырвалась и выбежала на двор. Вотчим обозлился и пригрозил побить меня.

— Изуродую, — говорит, — со света сживу.

Однако все-таки ушел.

Недели полторы я так-то упрямилась. Наконец, изловил он меня на огороде. Подобрался так, что я не заметила, облапил и, не говоря ни слова, повалил на землю. Я вскочить хотела, но не тут-то было...

Задул он мне свою шишку и давай натягивать! Я, было, кричать, а голос-то словно у меня отнялся. Сердце заныло, в глазах помутилось, и помню я, что мне так хорошо стало, что я даже ноги развела и обвила руками шею вотчима.

Сделали мы так-то разик, отдохнули маленько, а потом в другой раз зачали. Тут уж я не ломалась. Сама легла на спину, сама заголила подол и даже сама вставила шишку...

С той поры вотчим, почитай, каждую ночь ко мне приходил, и я так полюбила его, что, бывало, жду не дождусь. Полюбил и он меня страсть как! Зачнет, бывало, пихать, а сам шепчет:

— Такой, — говорит, — у меня аппетит на тебя, что умереть на тебе могу.

И у меня аппетит был к нему. Даром что старик, а так, бывало, проберет, что ничком-то насилу отдышишься.

Разденемся, бывало, накроемся одеялом и зачнем. Сделаем разик, полежим маленько и опять сызнова... Точно ошалели мы с ним!

Только недолго мы прожили так. Какие-нибудь месяца два-три, а потом такая беда стряслась, что инда вспомнить страшно. А во всем виноват был вотчим. Уж больно он расхрабрился. Словно забыл, что у него законная жена есть. Прежде, бывало, гостинцы тайком мне возил, а тут дошел до того, что бояться перестал. Однова привез ситцу сразу на два сарафана, а другой раз платок шелковый, потом сережки, бусы. Да так при матери и отдавал.

— На, — говорит, — Галченок, носи на доброе здоровье!

Сперва-то мать ничего, а потом словно серчать стала.

— Уж больно много ты что-то даришь... — заворчала она как-то и таково-то подозрительно посмотрела на меня, я-то инда перепугалась.

И начала я с той поры примечать, что мать словно как поглядывает на нас. Я говорю вотчиму:

— Ты ко мне погоди ходить.

— А что, — спрашивает.

— Так, — говорю, — погоди.

— Да что такое?

— А то, что мать следит за нами.

— Пустое, — говорит.

Однако ходить перестал. Так прошло три дня.

Истомились мы с ним за это время. Взглянем друг на друга и вздохнем оба...

Вдруг мать на ярмарку отправилась, и мы словно как ожили. До ярмарки было далеко — верст сорок, и обернуться в один день никак нельзя было... Мать поехала и говорит вотчиму:

— Я и переночую там...

— Знамо, — говорит, — переночуй.

Мать уехала, а мы с вотчимом остались одни.

— Ну, — говорит, — Галченок, теперь ночь наша!

Сходил он в лавочку, принес сластей разных, водочки, и мы зачали пировать. Я водки-то не пила, а он выпил порядком. Вечером напились мы чаю, поужинали и пошли в чулан.

Я уж не знаю, что с нами было тогда. Наголодались, что ли, мы с ним или уж больно обрадовались, что мать уехала, только он до самой полуночи не слезал с меня. Сделает и лежит. Даже шишку из меня не вытаскивал. Так с засунутой шишкой и лежит. Лежу я под ним и хоть бы пошевелилась! Лежу себе и жду, когда шишка опять распухать начнет. А как только почую, что она словно шевелиться начнет, так сейчас же прижмусь к нему. Прижмусь, и готово... И опять за дело!

— Ну, Галченок, — говорит он, — мы с тобой словно ошалели!

А я знай себе лежу, да все крепче и крепче прижимаю его к себе.

Наконец уже после шестого раза он слез с меня.

— Довольно, — говорит, — кажись, досыта!

И точно, что досыта.

— Давай, — говорит, — спать теперь.

Мы сходили оправиться, укрылись одеялом и заснули.

Вдруг ночью слышу: кто-то хлопает дверью. Я хотела было вскочить с кровати, и вдруг вижу мать с лампой на пороге, а вотчим стоит возле нее в одной рубахе. И слова вымолвить не может. Я обомлела. Пальцем пошевелить не могу. А потом... что тут было! До сих пор трясет меня, как вспомню, как ругала мать вотчима, а заодно и меня...

Не знаю, как я нашла силы одеться-то и как мне удалось выбраться из дому. Еще не зачало рассветать, а я уже бежала куда глаза глядят. Бежала, как очумелая, а потом вышла на дорогу в город. Кто-то меня подвез, дал краюху хлеба, и уже, почитай, как две недели я тут. Намаялась, страсть, а работы подходящей не нашла. Мать, слыхала, разошлась с вотчимом, а как теперь живут-то они — не знаю...

На этом доктор кончил свое чтение и, сложив тетрадку, спрятал ее.

Мы были крайне заинтересованы и взволнованы услышанным.

— Ну, а какова дальнейшая история Галченка? — спросил кто-то из нас после минутного молчания.

— А дальше, что ж... я долго жил с нею. И полюбил, вероятно, не меньше... отчима. Одевал, обувал. Оставил у себя в качестве горничной. Уговорил кухарку обучать ее всяким делам по хозяйству: прибирать, стряпать. Пристроил ее в вечернюю школу. Через пару месяцев она уже привыкла вполне к новому образу жизни, поправилась, стала еще краше...

Удалось кое-как наладить доброжелательное покровительство над нею кухарки. Последняя сперва заметно дулась, относилась к Галченку свысока, все ожидала, когда я ее прогоню. Но постепенно привыкла к девушке и даже подружилась с ней. Со своей стороны я всячески содействовал этому. Какого-либо открытого проявления своих чувств к Галченку я, однако, старательно избегал. А при кухарке, гостях и знакомых даже подчеркивал свое полное равнодушие к молоденькой прислуге.

В отсутствие кухарки я тщательно и с удовольствием инструктировал Галченка: как и что следует делать, как себя вести и что говорить.

Спустя пару дней я справился равнодушным тоном у кухарки:

— Ну, как твоя помощница?

— А что ей? Спит, ест...

— Я не о том. Как она помогает тебе?

— Ничего, дивчина резвая...

— Так что, может, оставим ее?

После той ночи (кухарка, кстати, первый раз не видела в лицо Галченка) я сказал, что хочу взять «на пробу» девушку в помощь ей по хозяйству. И на следующий же день устроил инсценировку «случайного прихода» Галченка в дом.

— Так что, оставляем?

— А по мне так все равно. Разве что у вас лишний расход будет.

— Ну, расход-то не велик, а тебе ведь легче и веселей будет работать...

— А мне и так за работой не скучно.

— Ну, все же. Значит, раз мы ее оставляем, надо

немножко приодеть девушку. На вот тебе деньги и поди купи что следует: ботинки, платье, платок и прочее.

— Что вы! Без году неделя как служит и уже на платье! Да она завтра же убежит из дома.

— Не убежит, — отвечаю, — куда ей бежать? Сделай, как говорю, не скупись.

Так Галченок и осталась у нас в доме. Освоилась понемногу. Несколько раз в неделю ходила в вечернюю школу. Урывками я ей помогал осваивать школьные премудрости. Постепенно забота о порядке и чистоте в комнатах перешла к Галченку, а кухарка целиком переключилась на готовку. Это давало возможность Галченку часто находиться в комнатах. А потом и ее столик для занятий я передвинул поближе к моему кабинету. Одна беда — наша кухарка привыкла заходить в комнаты, когда ей заблагорассудится. О том же, кто у меня будет дома, я обычно ее заранее предупреждал. Но не мог же я делать такое же предупреждение по отношению к Галченку!

Я понимаю, что вы ждете «подробностей»... Ну, что ж, кое-что расскажу...

В первые два дня ничего — увы! — не произошло. Кухарка с утра до вечера торчала дома, а я томился на службе. Ночью же Галченок спала на маленькой кушетке в комнате кухарки. Помню, спал я неспокойно, чувствовал сильное возбуждение и мучился ожиданием.

На третий день я проснулся рано. Прислушался, кухарка собиралась на рынок. На службу спешить мне не надо было, но я быстро оделся и с замиранием сердца принялся ждать.

— Принесешь воды, — перечисляла несносная баба, — затопишь плиту, согреешь чайник и воду в этой кастрюле. Приберешь постель... Да, и еще, картошки к обеду начистишь.

— Все сделаю, тетенька, — отвечает звонкий милый голосок.

Наконец-то за кухаркой захлопнулась выходная дверь.

— Галченок! — позвал я, — скорей сюда!

— Я здесь.

— Иди ближе...

Сидя на краю кровати, я жадно обхватил одной рукой ее шею, а другой нащупал под платьем упругую задницу... Наши губы слились в продолжительном поцелуе, во время которого она стояла между моих ног, также обняв меня за шею. Пальцы моей правой руки заскользили все ниже и ниже... Я почувствовал, как ноги ее раздвигаются, облегчая этим движение моих пальцев, и затем явственно ощутил, как ее задница выгибается и слегка приподнимается навстречу моей руке. В ту же минуту кончики моих пальцев коснулись ее срамных губ, чуть приоткрытых и очень мокрых...

Выгибая навстречу моим нескромным пальцам свою задницу, она в то же время прижималась ко мне животом. Чувствовала ли она, как подрагивает мой напряженный половой орган? Наверное, да, потому что вдруг подалась всем телом ему навстречу, а кончик моего пальца ощутил как будто бы мягкое пожатие...

Я освободился от объятий, бросил подушку на край кровати и нежно положил Галченка поперек

кровати, животом на подушку. Ее ноги свешивались на пол. Она молча недоуменно взглядывала на меня, но без малейшего сопротивления подчинялась моим приготовлениям.

Наклонившись над нею, я приподнял платье и обнажил ее кругленькую задницу...

Она тут же сжала ягодицы и попыталась приподняться, но я воспротивился, слегка придавив ей спину рукой, потом втиснул свои ноги между ее ногами и, упершись согнутыми коленями о край кровати, медленно раздвинул своими коленями ее ноги... Я чувствовал, что и она тоже хочет... Но видел и край щеки, алеющей от стыда. Пришлось опустить платье, прикрыть ягодицы до самых бедер. Я сразу почувствовал, как Галченок расслабилась. Я не спеша расстегнул брюки, опустил их вместе с кальсонами до колен, затем освободился от рубахи.

Потом, опираясь руками о подушку, на которой ничком лежала Галченок, я медленно прижал разгоряченный член к ее ягодицам под легкой тканью. Вздрогнув, она чуть-чуть развела ноги. Я немножко присел и кончиком члена попробовал приподнять сзади рубашку. Удалось! Но дальше продолжать игру уже не было мочи... Эрекция стала слишком сильной.

Не менее сильная похоть овладела и Галченком. Сильно выгнув поясницу, она высоко приподняла голую задницу и раздвинула ноги так, что ее полураскрытая мокрая вульва и другое нижнее отверстие ослепили меня своей таинственной прелестью. Меня бросило в жар. Я знал, что она

ощущает мой похотливый взгляд на своих половых органах, но не пытается больше их прятать, наоборот, бесстыдно выставляет наружу, напоказ.

Опершись на левую руку, правой я нетерпеливо сдвинул ее рубаху и платье к шее. Галченок сильно прижалась лицом к подушке.

Еще больше разжигая себя и ее, я принялся водить членом по срамным губам вульвы вверх-вниз, вниз-вверх. Послышался сладостно-хлюпающий звук: так влажны были они, разбухшие, упругие, вздрагивающие и мокрые, очень мокрые...

И тогда, вложив головку члена во влагалище, я уперся на вытянутых руках в подушку и медленно, с трудом начал вдвигать свой толстый член во вздрагивающее тело Галченка...

О, как внимательно я наблюдал за последствиями своего действия: подрагиваниями спины и поясницы, подергиваниями ягодиц, трепетом ног. По мере продвижения полового члена в ее маленьком влагалище Галченок все больше входила в раж: сжимала обеими руками подушку под собой, стискивала ее, приподымала и опускала голову, положив ее, наконец, набок на подушку. Ее глаза были закрыты, ротик полуоткрыт, она часто дышала, личико пылало... А представьте себе мои чувства, господа!

Мой член почти целиком вошел в ее отверстие, еще немного — и я коснулся матки. Еще один небольшой нажим...

— О-о-о!.. — содрогнулась она всем телом.

Я потянул член назад, и сильный сосущий звук заставил мои яйца напрячься до боли... Я вновь прижал членом ее матку в глубине влагалища и

остался неподвижен, изогнувшись над Галченком в позе спаривающегося жеребца.

Галченок сделала еще несколько движений ягодицами, я почувствовал, что она спускает. Ноги ее конвульсивно стискивали и отпускали мои колени, она прерывисто, приглушенно стонала. Мой член исходил непрерывной горячей струей, руки слабели.

Спустя минуту я пришел в себя. Первая мысль — сделать промывание влагалища, предотвратить беременность, вполне возможную в результате такого страстного полового акта и сильного дружного оргазма.

Да, только две-три минуты я держал член в ее влагалище — держал и только. Но и этого оказалось вполне достаточно для такой бурной разрядки долго сдерживаемого полового чувства. Совершив задуманное и приведя затем себя в порядок, я велел Галченку хорошенько умыться холодной водой, чтобы умерить жар раскрасневшегося личика. А сам быстро натаскал воды, затопил плиту и даже помог ей немного с чисткой картошки.

Прошло еще два-три дня, а удобного случая остаться наедине с Галченком все не представлялось. Кухарка то и дело шастала по комнатам. Куда бы это отослать ее, ну, хотя бы на час, на полчаса? Помнится, я стоял у окна в раздумье. Ничего подходящего не пришло в голову.

Я вышел на крыльцо. Луна еще не взошла и было очень темно. Предстояла долгая и душная летняя ночь. Вдруг дверь тихо скрипнула и отворилась. Появилась Галченок с пустым ведром в руке.

— Ты куда? — прошептал я, нежно обняв ее за талию.

— Сами видите, по воду. Пустите, а то кухарка ждет.

— Хочешь? — Я взял ее руку и положил себе между ног.

Галченок слегка сжала пальчиками мой напряженный член и тихо вздохнула:

— Боюсь...

— Бояться нечего. Когда кухарка крепко уснет, я тихонько разбужу тебя. Ты встанешь и выйдешь в коридорчик, как будто на двор, за нуждой. Будем в коридоре слушать: если кухарка проснется — сразу воротишься. Ладно?

— Не знаю... — ответила она, отняла руку от моего члена, как бы с сожалением, и побежала.

Собрались чай пить.

— Ну что ж, Прокофьевна, — обратился я к кухарке, — не попить ли нам чайку с коньячком, а?

— А с чего бы это? И праздника-то как будто нету...

— Праздник, положим, может, и будет, — покосился я в сторону Галченка и наполнил добрую треть стакана кухарки коньяком, к которому, как я знал, она имела сильное пристрастие.

Старуха с видимым удовольствием опрокинула спиртное и мигом осоловела.

Спустя два часа все улеглись спать...

Выждав еще некоторое время, я принялся действовать. Быстро натянул носки и в одной нижней рубашке прокрался на кухню. Из-за закрытой двери доносился ровный, тихий храп кухарки. После

ужина с коньяком она видела, вероятно, уже не первый сон.

Потянув на себя дверь, я быстро скользнул к кушетке и слегка прикоснулся к ноге Галченка. После минутного колебания она поднялась, и еще через минуту мы были в коридоре, за плотно закрытой дверью. Босиком, в одной сорочке Галченок слегка поеживалась не то от прохлады, не то от волнения.

Я встал у притолоки двери и обнял девушку за плечи. Затаив дыхание, мы прислушивались, стараясь определить, крепко ли спит кухарка. Ее горячие ручонки несмело обвивали мою поясницу, а я, прерывисто дыша, жадно гладил ее по спине.

Так молча стояли мы, наслаждаясь внезапной близостью и предвкушая еще большее наслаждение.

Я поглаживал ягодицы Галченка, вздрагивающие под моими пальцами, и слегка прижимался к маленьким грудям.

Потом, сняв руку Галченка со своей поясницы, я спустил ее вниз, прямо на мошонку. Прикосновение ее робких пальчиков снизу было так бесстыдно и так невыразимо сладостно, что я чуть не застонал...

Захотелось большего, и я принялся водить ее ручку вокруг яиц, то прижимая, то слегка отодвигая, то вращая вокруг.

Вскоре мне показалось, что еще несколько минут такой близости, и я спущу ей на пупок...

В кухне послышался скрип кровати. Мы замерли. Кухарка, видимо, перевернулась на другой бок, и сейчас же раздался тихий храп...

Я хотел было потащить Галченка к себе в комнату,

но кухарка могла каждую минуту проснуться, хватиться Галченка, и наша тайна могла быть открыта...

Я размышлял, каким образом совершить желаемое. Сделать это стоя было бы почти невозможно, так как пришлось бы стоять с низко согнутыми коленями. Никакой лежанки или кресла поблизости не было. Однако рядом с вешалкой находился небольшой туалетный столик, покрытый бархатной скатертью. На нем стояло зеркало.

Шепнув Галченку «подожди», я тихонько принес подушку, снял со столика зеркало, бросил подушку на столик, а поверх подушки вниз животом расположил Галченка. Пальцами ног она касалась пола...

Осторожно приподняв ее ноги и придерживая их руками в полусогнутом положении, я, стоя между ее ног, медленно ввел свой член во влагалище. Затем присел и поднялся, поднялся и присел...

Минуты две, не больше, я как бы танцевал таким странным образом сзади Галченка, сгибая и разгибая колени. При этом я приподымал и опускал членом всю задницу Галченка, вызывая тем сильное и своеобразное трение члена во влагалище. Делал я это осторожно, так как и при этих движениях слышался хлюпающий и сосущий звук, особенно при перемене направления движения, хотя и не такой громкий, как при движении вперед и назад.

Головка моего члена ни на секунду не отрывалась от ее матки, прижимая ее все с большим и большим тщанием.

Вскоре тело Галченка вновь напряглось, вытяну-

лось, дыхание ее стало порывистым, как всегда бывает при оргазме.

Я медлил, продлевая наслаждение... Но задница Галченка жадно тянулась за членом, опускаясь и приподымаясь, вульва вновь начала сокращаться, судорожно сдавливая мой член. У нее вновь наступал оргазм...

На этот раз спускала она медленнее, полнее, дольше, вся изогнувшись, изгибаясь, напрягаясь...

Я снял с себя рубаху, тщательно вытер ею Галченка, с величайшей нежностью поцеловал ее, и она бесшумно скользнула в комнату, где ничего не подозревавшая кухарка досматривала свой десятый сон.

Уснул и я в ту ночь крепко, и наверное, с блаженной улыбкой на губах.

Прошла неделя. Повторить сценку у зеркала мне пока не удавалось. И хоть мы все-таки ухитрялись кое-как, второпях, наспех сближаться, но полного удовлетворения это не давало.

Так, один раз кухарка задержалась с соседкой у калитки. Я заметил это, схватил за руку Галченка, подвел ее к окну с занавеской и, наклонив вперед, торопливо овладел ею.

Голова над головой, мы оба смотрели на кухарку через занавеску, понимая, что в нашем распоряжении считанные минуты, а быть может, даже секунды. Комната сразу же наполнилась сосущими бесстыдными звуками...

Вдруг кухарка, перекинувшись последними словами с соседкой, направилась в дом.

Галченок вздрогнула и как была в наклоненной

позе, не разгибаясь, двинулась медленно к дверям... Разогнуться мешал ей мой член и моя грудь, давившая ей на спину. Не вынимая, я двинулся за ней. Мы оба дрожали, но никак не могли расцепиться...

Двигаясь за ней, придерживая ее под животом, путаясь в брюках, сползших почти до пола, я наконец прижал членом ее матку... Она вскрикнула и тут же спустила, облив головку моего члена. Затем рванулась и выбежала вон из комнаты. Мой член при этом выскользнул из вульвы и брызнул спермой вслед беглянке...

Тотчас я запер дверь, вытер тряпкой пол, привел себя в порядок и лишь после этого осторожно вышел. Пройдя мимо кухни, я заметил Галченка, что-то энергично делавшую у стола, повернувшись спиной к кухарке. Видимо, она пыталась скрыть свое пламенеющее лицо. Я позвал кухарку в комнату, чтобы помочь Галченку прийти в себя.

Однажды я овладел Галченком днем, перед обедом, когда кухарка отправилась к колодцу за водой.

На этот раз я насладился стоя, для чего поставил Галченка на низенький табурет. Хотя мы и торопились, конечный результат полностью удовлетворил и меня, и мою маленькую партнершу. Кажется, впервые Галченок так активно двигала задницей. Стоя на табуретке, она то приподнималась на цыпочках, то приседала... Я не прижимал ее к себе, а только слегка придерживал за поясницу.

В тот раз у меня и возникла мысль посадить

Галченка на себя верхом и посмотреть, что она будет вытворять в этой позиции... Осуществить эту мечту мне удавалось потом не раз и не два.

Вернувшись домой с полными ведрами, наша невольная врагиня застала вполне благопристойную картину. Я сидел за столом, а Галченок заботливо подливала мне супа в тарелку.

Все это было мило, сладко, страстно! Но полного удовлетворения — увы! — не давало.

Хотелось обладания продолжительного, не стесненного никакими рамками.

Условия для такого благодатного супружеского соития предоставил нам всемогущий случай.

Кухарка собралась в дальнюю деревню к родственникам. Таким образом, мы остались с Галченком вдвоем на целую ночь.

Весь день, пока кухарка собиралась в дорогу, я чувствовал невероятное возбуждение. Член все время находился в полуэрегированном состоянии, яйца надувались, отяжелели как-то.

В конце концов томительные минуты ожидания остались позади, и после наскоро состряпанного ужина мы с Галченком очутились в постели...

— Ну что же, — после минутной паузы продолжил доктор, — о дальнейшем расскажу после, уже скоро рассвет...

— Что вы, что вы! Продолжайте! — воскликнул кто-то из нас, устремив блестящие глаза на доктора.

— Нет уж, Дмитрий Павлович, увольте, как-нибудь в другой раз.

— Ну, ладно, давайте завтра в девять вечера соберемся здесь же. Идет? — сказал Николай

Васильевич, точно и тщательно записывающий рассказ доктора. — А то вот уже и рука приустала,— добавил он, складывая толстую тетрадь в портфель. — А рассказ стоит того, чтобы не пропустить ни одного слова...

На том и порешили. Все торопливо распрощались друг с другом. Было очевидно, что, возбужденные слышанным, все спешили удовлетворить свою страсть в объятиях жен, женщин, девушек... Вместе с доктором нас было пятеро, и значит, пятеро женщин и девушек через полчаса будут разбужены от сладкого сна... Да, быть может, после рассказа доктора каждый из нас согласится вспомнить и поделиться с нами воспоминаниями о том, как и с кем он провел остаток этой ночи...

Конец первой части.

Часть II

Не было еще и девяти часов, как мы все уже собрались и с нетерпением ждали продолжения рассказа доктора.

Николай Васильевич раскрыл свою толстую тетрадь, разложил на столе остро отточенные карандаши и приготовился записывать.

Между тем доктор как будто задался специальной целью разжечь наше любопытство. Как и в первый раз, он сначала просмотрел свой дневник, перелистал записную книжку, затем извлек и изучил какие-то записки. И только после этого...

— Ну как? Слушать будете? — спросил он с невинным видом.

— Вы что же это, сударь? Издеваетесь над нами, что ли? — возмущенно спросил Дмитрий Павлович.

— Извольте, извольте, господа. Слушайте...

И доктор начал:

— Итак, кухарка уехала, и мы наконец-то с Галченком наедине. Вдвоем, в совершенно пустой квартире. Стоит ли говорить, господа, что еще до наступления темноты мы уже лежали в кровати?

Мы лежали обнаженные под одеялом, тесно прижавшись друг к другу. Я лежал на левом боку, левой же рукой обвивал Галченка за шею и плечо, а правой поглаживал ее ягодицы. Головка моего члена покоилась на ее Венерином холмике. Не хотелось спешить, хотя я и чувствовал, что она томится желанием, что она уже хочет меня. Я решил-таки еще потянуть паузу.

— Помнишь, — спросил я, — ты говорила, что знаешься с мужчинами совсем недавно. А в городе после отчима ты была близка с кем-нибудь?

Она уткнула личико мне в грудь и тихо прошептала:

— Да...

— Расскажи, как это было!

— Нет, вы будете серчать на меня.

— Ну, что ты! Я же знал, что ты имела сношения с отчимом, и не сержусь. Мне будет только приятно знать и услышать от тебя все.

— А что знать?

— Ну, с кем и как ты имела сношение в городе?

— Стыдно вспомнить...

— Ничего. Расскажи. Когда это первый раз было?

— На четвертый, кажись, день, как я пришла в город. Было темно уже, и я шла в ночлежку. Вскоре

меня руками сильно-пресильно. Слышу: дышит часто и задыхается, и задвигает все сильнее, а сам инда всхлипывает, и когда зачал спускать, чуть мы оба не повалились на траву, еле устояли...

— Ну а ты... спускала? — спросил я и прижал головкой члена ее матку.

— О-о-ой, — тихо застонала она и согнула слегка колени.

— Спускала? — повторил вопрос я.

— Да-ааа... два раза...

— Скажи, а он, он доставал шишкой твою матку в сюке?

— Н-не знаю... Ой... ой, больно глубоко вы тыкаете... Он тоже... но не так...

— А как?

— В тот раз, первый раз, я не примечала, чтобы доставал, а другой раз было...

— Так он тебя и другой раз... употреблял? Скажи, сколько же раз он тебя употреблял?

— Разика три... не больше.

— Что? Употреблял?

— Да-а...

— Скажи: употреблял?

— Стыдно, не могу...

— Ну, скажи, — попросил я и начал медленно вдвигать член в ее влагалище.

— Скажу...

— Ну?

— У... у... употреблял, — прошептала она, задыхаясь и приподнимаясь мне навстречу.

— Как его зовут?

— Виктор...

— А яйца ты его... трогала?

— Трогала... — прошептала она, и я почувствовал, что ее влагалище стало еще мокрее.

В комнате уже раздавался сильный сосущий звук от движения члена во влагалище. Перенеся тяжесть моего тела на левую руку, я приподнял правой рукой одну ножку Галченка, стараясь придать ее вульве такое положение, при котором сладостный звук был бы особенно сильным. Это удалось, и я с невыразимым наслаждением упивался звуком, медленно протягивая член во влагалище...

Галченок порывисто дышала подо мной, и видимо, она так же возбуждалась этим бесстыдным звуком...

— Слышишь? — спросил я, сладостно вдвигая член.

— Слы-ы-шу...

— А с Виктором это было?

— Не помню-ю...

— Да ты не стыдись, говори...

— Было...

— Стоя?

— Немного... а больше, когда лежа...

— Когда он употреблял тебя лежа?

— Да-а-а... ойооой, — застонала она от слишком сильного трения головки о матку.

— Скажи, а с отчимом у тебя тоже было такое?

— То-о-же...

— А у Виктора большие яйца?

— Ой!.. Большие... о-ой, а-а-а... — задергалась она, ощутив сильное вздрагивание члена.

— Не помню… Кажись, сперва немного согнула… а после он рукой поднял мне одну ногу вверх и поддел ее плечом…

— Положил ее себе на плечо?

— Да, а потом…

— Что потом?

— Мне стыдно… — прошептала она и, уткнувшись в подушку, вздрогнула.

— Ну, скажи, что было потом? — прошептал я, целуя ее в затылок и придвигая член к ее половой щели.

— Потом и другую ногу мою запрокинул на плечо себе…

— Сладко было?

— Не знаю… немного болело…

— Отчего? — спросил я и ввел головку члена в ее уже сильно замокревшие срамные губы.

— У него длинный… — чуть слышно прошептала она.

— Достал до матки?

— …

— Ну?

— Да-а-а…

— А ты говорила ему, что тебе больно?

— Говорила. Пусти, говорю, больно так, а он не слушает… и туда… глубоко… и весь дрожит… и шепчет: «Подожди, потерпи немножечко, я чуть-чуть». И опять как задует! У меня инда глаза закатывались…

— И сладко было?

— Было… и болело очень… и стыдно было, так стыдно…

— Отчего?

— Что ноги мои так подняты... У него на плечах-то...

Я впился губами в ее затылок и медленно погрузил член в ее вздрагивающее влагалище, изогнувшись дугой над ее маленькой спиной.

— А он опять соскакивал с тебя?

— Да... раза три обходил кусты.

— А потом опять ноги себе на плечи?

— Ну да...

— А ты чувствовала задницей его яйца?

— Не помню...

— Задница у тебя была голая?

— Ну, голая...

— Чу-у-вствовала... ты его... его голые яйца? — спросил я, задыхаясь и прижимая ее маленькую матку членом.

— Ой!.. Ой!.. Аааа...

— Значит, чувствовала?

— Да...

— А когда Виктор тебя употреблял, ты обнимала, целовала его?

— Нет... я его держала за руки... А целовал он меня сам, когда наклонился...

— В губы?

— Да...

— Сосал губы?

— Да-а...

— Тебе сладко было?

— Да-а-а... — прошептала она, и ее влагалище, уже совсем мокрое, теснее сжало мой член.

— А сколько раз Виктор употреблял тебя?

— Три... всего...
— А ты хотела, чтобы он тебя употреблял?
— Не-е-е знаю...
— Признавайся!
— Хо-те-ла...
Я всадил ей чуть ли не по самые яйца.
— О-о-о! — застонала она.
— Чего... ты?
— Бо-о-льно...
— А тебе под Виктором было больно?
— Да... ой-ой!
— Лежи, я хочу тебя... употреблять.
Я делал ритмичные движения членом, вызывая такой знакомый, сладчайший, сосущий звук между нашими ногами...
— Скажи... ты хочешь, чтобы Виктор еще раз тебя употребил?
— Не-е знаю...
— Ну, скажи, хочешь, чтобы он тебе... задул свой длинный и сосал тебе губы?
— Хо-хо-чу... — лепетала она, охваченная похотью.
— Знаешь, — прошептал я, — я хочу, чтобы Виктор еще раз тебя употребил... ты пригласи его к нам домой, разгорячи его...
— О-о-о, — стонала она подо мной, делая задницей подмахивающие движения.
— Пусть он тебя употребит так, как я сейчас... сзади, как кобель суку...
— Ой... не могу! — всхлипывала она, извиваясь на животе.
— Как кобель суку... Хочешь?.. Хочешь?.. — шептал я, двигая в такт членом.

— Хо-о-чу...

— Скажи: хочу, чтоб Виктор меня употребил... как кобель суку, — задыхаясь, прошептал я и ускорил движения.

— Ой!.. Хочу... Витенька, Витя меня... что-об... употребил... как су-су-ку-у-у... — с трудом закончила она, судорожно вздрагивая всем телом и обильно увлажняя мой член.

Спускала она в этот раз дольше, сильнее, слаще. Я едва удержался, чтоб не облить ее матку. С большим трудом извлек член из влагалища и тут же обрызгал ее задницу...

В ту ночь я совершил еще один акт совокупления с Галченком. Это было уже на рассвете. Просыпаясь, я почувствовал приятную эрекцию моего пениса, который нечаянно прижался к теплому животику Галченка. Мы спали живот к животу. Едва пробудившись, я мягко коленом раздвинул ноги спящей подружки, нежно перевалил ее на спину и, осторожно нагнувшись над ней, ввел член в ее влагалище.

Галченок еще спала, но срамная щель ее была влажной, и большие половые губы слегка припухли...

Не двигаясь, я несколько минут лежал на ней и наслаждался вздрагиванием моего члена в ее теле. Затем вынул член и отодвинулся. Я хотел дать ей выспаться и отдалить наслаждение.

Полежав так несколько минут, я вскоре убедился, что сон мой как рукой сняло и мой орган напрягся еще больше.

Тогда я с большими предосторожностями повернул свою девочку на левый бок, оставаясь позади

нее, и с наслаждением начал водить твердым членом между ее пухленькими ягодицами. Она спала... Я подогнул ее ножки вперед так, что ее задница выпятилась навстречу моему члену. Она спала... Но когда я чуть-чуть коснулся головкой члена ее матки, она слегка потянулась, изогнула поясницу, отчего ее задница плотнее прижалась к моему животу, а матка — к члену, и застонала сквозь сон.

И опять я несколько минут лежал неподвижно, наслаждаясь соприкосновением головки члена с маткой, как вдруг почувствовал членом похотливые спазмы влагалища. Галченок еще больше вытянулась и выгнула поясницу и стала просыпаться, охваченная животной страстью.

— Хочешь? — шепнул я.

— Хочу... — просто ответила она.

— Ну, лежи так.

— Лежу...

Я снял руки с ее поясницы, немного отодвинул свои ноги, и теперь мы с нею соприкасались только половыми органами. Мой член стал твердым, как бревно. Ее срамные губы надулись, увеличились, напряглись и плотно охватили член...

Откинувшись назад, я начал коитальные движения, сгибая и разгибая свою поясницу, стараясь не касаться ее тела ничем, кроме члена.

Правой рукой я поднял ее правую ногу почти вертикально. Ее личико мгновенно залилось краской

— Я хочу тебя как кобель суку. А ты хочешь?

— ...

— Хочешь стать на коленки?.. А я тебя сзади...

как суку... — шепнул я ей, задыхаясь, и сильнее нажал на матку.

— Ой-ой-о-ох!

— Больно?

— Да...

— А ты хочешь?

— Хо-о-хочу...

— Тогда становись как сучка...

Я извлек член из ее трепещущего тела и помог встать на четвереньки на кровать. Вернее, она встала на коленки и локтями прижалась к подушкам так, что ее зад сильно выгнулся, а ее мокрая вульва выпятилась между ее ножек.

Я наклонился и впился губами в ее вульву... От неожиданности она вздрогнула, но позы не изменила. Я нащупал языком ее толстенький и тоже очень твердый клитор... До боли изогнув шею, я охватил губами ее пенек и принялся жадно сосать его.

— А-а-а, — услышал я приглушенный стон и по сжатию бедер почувствовал, что у нее приближается мгновенный оргазм. Тогда я оторвал губы от вульвы и вложил член, стоя на коленях сзади нее.

— Ты спускать захотела?

— Да-а-а...

— Подожди еще... я не... еще не хочу.

— Не мо-огууу...

— Подожди ... побью, если спустишь...

— Не могу... ой...ой...

Я тоже почувствовал, что не могу... и, прижав членом матку, стал ожидать ее оргазма. Галченок вся напряглась, ее ягодицы раскрылись еще больше, обнажив красивый коричневый кружочек зад-

него прохода, а под ним — плотно сжатые, обхватившие кольцом мой член большие срамные губы. Ее бедра и вся задница как-то всасывали меня…

Со стоном, извиваясь и выгибаясь, она спускала, сильно увлажняя мой член. Затем опустилась, обессилев, на живот, и я облил ее ягодицы сильной горячей струей…

Боже мой, что это была за ночь! А утром… утром вернулась кухарка из деревни.

Я уже чинно, с безразличным видом сидел за столом, а Галченок, свежая как роза, умытая, причесанная, разливала чай. Только ее щечки, немного более обычного пунцовые, напоминали о бурной ночи.

Прошло еще недели две… Незаметно наступила прохладная осень. Солнечные дни сменились пасмурными. Потом пошли дожди. Но тем уютнее казалась комната в моей квартире с натопленными печами. По-прежнему много времени я посвящал образованию Галченка, доставал ей книжки, учебники, журналы. Она уже ходила в вечернюю школу и была занята с утра до вечера. После ее возвращения из школы мы обычно пили чай, а потом в течение одного или двух часов я помогал ей готовить уроки. Кухарка убирала со стола и укладывалась спать.

Мы, услышав за дверью легкий скрип кровати, свидетельствовавший о том, что кухарка улеглась наконец, облегченно вздыхали… Галченок переходила со стула ко мне на колени, и мы еще некоторое время, тесно обнявшись, занимались ее уроками, а затем, убедившись, что кухарка крепко спит, про-

мол, ничего ему не будет и я не рассержусь. Виктор уже знал наш дом, несколько раз провожал Галченка до калитки, встречал также и меня, и кухарку на улице.

Обнимая и целуя Галченка, я шептал ей, что она может не стесняться и чувствовать себя хозяйкой, что она может запереться с Виктором в кабинете и спокойно наслаждаться.

— Знаешь что, — говорил я, поглаживая пальцем ее твердый клитор.

— Что?

— Ты сделай так, чтобы он тебя употребил сзади, как я.

— Он не умеет...

— А ты научи его. Он будет прижимать тебя, а ты поворачивайся к нему спиной... задницей, он и догадается. А ты мне потом все расскажешь. Да?

— Да... Я сама так хочу... — добавила она, покраснев и опустив головку.

В доме в это время никого не было, и я, не мешкая, поставил Галченка на диван на колени к себе задницей...

Желая при этом усилить наслаждение, я взял большое зеркало и поместил его перед личиком Галченка...

— Смотри в зеркало, — сказал я, медленно вдвигая член в ее горячее влагалище.

— Зачем? — спросила она, торопливо взглянув в зеркало. Встретившись в нем с моим страстным взглядом, она опустила головку.

— Я хочу видеть тебя!

— Но мне стыдно...

— Смотри.

— Смотрю.

Я, не отрываясь, глядел на ее красивое личико и делал медленные движения членом в вульве, надавливая головкой на матку.

Иногда она отводила глаза в сторону от зеркала, иногда опускала или прикрывала веки, но всякий раз я требовал:

— Смотри в зеркало!

Когда комната наполнилась привычными и громкими сосущими звуками, производимыми движениями члена во влагалище, тугом и влажном, мой Галченок уже не нуждался в строгом надзоре.

Сладкая боль и похоть все явственнее проступали на ее лице. Преодолев стыд, она уже не отрывала своего взгляда в зеркале от моего.

Я невольно ускорил движения. Она еще больше приподнимала задницу. А как покраснела она однажды, заметив в зеркале, что я впился глазами в ее заднепроходное отверстие, под которым обрабатывал вульву мой член!

Тут же она содрогнулась, напряглась и тихо застонала. Я мужественно выдержал до конца ее оргазм и лишь потом, выхватив член из влагалища и прижав головку к ее заднему проходу, несколько раз брызнул в него... При этом самый кончик головки члена проскользнул внутрь ее задницы, вызвал у нее протяжный тихий стон...

По-моему, она даже не поняла, что произошло...

...Оставшиеся до визита Виктора дни я использовал для подготовки пункта наблюдения. Дело в том, что за стеной моего кабинета была расположена небольшая комната — кладовка, загромож-

денная различной мебелью и прочим хламом. Признаюсь, мне пришлось порядочно повозиться с крепким деревом, прежде чем удалось проделать в стене маленькое «смотровое» отверстие. В конце концов все вышло как нельзя лучше. Тщательно замаскированная дырочка давала мне возможность обозревать почти весь кабинет, включая диван и кровать.

Наконец настал долгожданный вечер. Галченок сообщила, что условилась с Виктором о свидании сегодня, в семь вечера он будет у нас.

Ровно в половине седьмого я направился к выходу.

— Да, вот еще что, — небрежно, точно вспомнив что-то, сказал я. — Возьми-ка денег, да купи себе и Виктору конфет, пряников и еще чего-нибудь. И я чайку попью, когда вернусь.

— Хорошо, я мигом.

— Вот и умница, мне тоже надо торопиться — дело есть. Вернусь часам к десяти, не раньше.

Я крепко поцеловал простодушную девочку и заторопился к выходу. Не хотелось неожиданной вспышкой похоти испортить вожделенного зрелища, к которому я так тщательно готовился.

Мы вышли на улицу, Галченок отправилась в лавку, а я повернул в другую сторону, зашел за угол и сейчас же, внимательно озираясь по сторонам, вернулся домой, запер за собой дверь, забрался в кладовую, приоткрыл слегка замаскированное отверстие и стал ожидать развития событий. Все увиденное я приготовился занести вот в эту самую книжечку.

Минут через десять стукнула дверь. Не спеша я

прильнул к отверстию. Галченок зашла в кабинет и, стоя перед зеркалом, поправила на себе платье и волосы. Затем побежала к окну и некоторое время из-за занавески выглядывала на улицу. Потом вновь подбежала к зеркалу, погляделась в него и кокетливо улыбнулась.

Вскоре раздался звонок. Галченок опрометью кинулась к двери. Скоро послышались голоса в передней, и внезапно я увидел Галченка, которая тянула за руку Виктора. Тот застенчиво улыбался, внимательно оглядываясь вокруг.

Теперь оба стояли передо мной, держали друг друга за руки, смотрели друг другу в глаза и улыбались.

Виктор оказался стройным парнишкой, на полголовы выше Галченка, красивый.

Оба казались смущенными.

— А я-то боялась, что ты не придешь, — сказала Галченок.

— Что ты! Я с утра собирался. Целый день глядел на часы. Вот только...

— Что только?

— А вдруг придет Алексей Николаевич?

— Да говорю же тебе — нет!

Галченок схватила его руками за шею и поцеловала в щеку. Виктор вспыхнул, по своей привычке оглянулся и привлек ее к себе, жадно целуя в губы. Правой рукой он поглаживал ее спину и поясницу. Обняв ее затем рукой чуть пониже поясницы, он все теснее привлекал ее к себе, одновременно стремясь просунуть колени между ее ног. Слегка сопротивляясь, она все же уступила и раздвинула ноги.

Виктор, уже задыхаясь, шептал:

— Я хочу... очень хочу... А ты?

— Не знаю...

Виктор осторожно опрокинул Галченка, уже переставшую сопротивляться, на мой широкий диван и лег на нее, продолжая жадно целовать ее в губы. Она вновь немного посопротивлялась, хватая его за руку и мешая.

— Нельзя... пусти... что ты от меня хочешь?

— Лежи, я хочу немножко... — бессвязно лепетал он, продолжая сладкую возню.

Показались гибкие, стройные оголенные ножки Галченка... Рука Виктора их поглаживала, сжимала, раздвигала, заставляя их вздрагивать и изгибаться...

Затем он расстегнул пояс брюк. Не отрываясь от губ подружки, он пытался занять «боевую позицию». Предприятие оказалось, однако, слишком сложным. Тогда он поднялся, подошел к окну, поглядел на улицу сквозь занавески и затем, быстро подбежав к дивану, спустил брюки до колен.

Признаюсь, я с наслаждением смотрел на его юную, тонкую, с заголенной розовой головкой палочку — впрочем, довольно длинную.

Виктор снова поднял платье Галченка и принялся укладываться между ее обнаженных ног. С покрасневшим личиком и со стыдливой улыбкой на губах моя Галченок поглядывала на торопливые приготовления Виктора.

Тот, по-видимому, ввел член во влагалище, так как все тело Галченка вытянулось в сладкой

истоме. Она еще больше раздвинула ножки, закрыла глаза и охватила руками его шею.

Пухлые оголенные ягодицы Виктора быстро и ритмично поднимались и опускались. Движения их постепенно ускорялись. Когда он приподымал свою задницу, ягодицы его округлялись, а когда опускал, на них появлялись ямочки от сильного напряжения мускулов.

Лицо Виктора пылало, щеки вздрагивали, дыхание становилось прерывистым, порой он как-то всхлипывал, порой сквозь сжатые губы у него вырывался приглушенный стон. Сильная животная похоть овладела им, и, видимо, он уже ничего не осознавал, весь отдавшись ощущениям вульвы Галченка.

Незаметно для меня мое дыхание участилось, и я определенно почувствовал очень сильную эрекцию своего члена. Поглаживать его ладонью я перестал, так как при этом возбуждающем зрелище мог бы вызвать у себя преждевременное извержение. А мне не хотелось делать этого в самом начале упоительной сцены. Состояние сильного полового возбуждения обострилось ранее мне незнакомым чувством ревности. Я ревновал мою девочку к Виктору. Появилось и неясное вожделение к извивающемуся в похоти телу самого Виктора...

Чуть согнутые колени Галченка в такт толчкам Виктора то раздвигались, то сдвигались. Ее лицо было скрыто от меня головой Виктора, но зато за его шеей были видны ее носик и приоткрытый рот. Вначале она обнимала Виктора за плечи, а затем ее руки соскользнули ниже и обхватили его голую поясницу...

Вдруг я заметил в ее ногах уже знакомое мне напряжение. Ее бедра изогнулись сильнее, ягодицы заметно сжались и приподнялись, на них появились ямочки, затем они опять округлились. Вот в этот-то момент я и услышал так хорошо мне знакомый сосущий звук! Галченок внезапно подняла свои ноги и пятками уперлась в ягодицы Виктора. Все ее тело вздрогнуло, изогнулось, и она громко застонала:

— Витя... Ви... тенька, что ты... де-е-лаешь?

Она спускала! Моя Галченок под чужим мужчиной — пусть совсем юным, почти мальчиком.

Я почувствовал, что еще немного — и я последую вслед за ними. Осторожно я расстегнул брюки и освободил член. Стало немного легче.

Виктор же все лежал на Галченке, не прерывая своих быстрых толчков. Когда она подняла ноги, я увидел часть члена Виктора, быстро появляющегося и тут же исчезающего в вульве девочки. Сосущий звук резко усилился в момент оргазма Виктора, как и у Галченка, затем ослаб.

Галченок утомленно сняла ноги с ягодиц Виктора, вытянула их вдоль ложа, раскинула по сторонам руки и несколько минут лежала неподвижно под ним.

Вскоре она опять согнула колени, ее рука вновь обняла его вибрирующую поясницу.

Вдруг Виктор встрепенулся, тяжело поднялся, и в этот момент мои глаза и глаза Галченка, которая приподняла голову, впились в его длинный, мокрый член. Курчавые волосики на лобке также были заметно увлажнены страстной девчонкой...

Виктор встал на ноги, подтянул брюки, не закры-

глаз от ее тела, видно было: оно ему нравится. Я похвалил себя за придуманный наблюдательный пункт, откуда мне виден был акт во всех подробностях, откуда я мог созерцать ягодицы Галченка, похотливо танцующие перед моими глазами.

Вот Виктор изогнулся еще больше, любуясь голым задом девочки и ни на минуту не прерывая своих движений. Быть может, и она почувствовала его похотливые взгляды, так как мускулы ее бедер вновь заиграли. Теперь мне были видны только ее бедра и икры, красиво изогнутые и обхватывающие Виктора, но они давали возможность угадывать и движения ее поясницы. По-видимому, она отвечала Виктору, приподнимая и опуская свою задницу.

Я почти физически чувствовал взгляд Виктора, устремленный на ее прелестный задний проход, мелькавший и перед моими глазами. Виктор вовсе изогнулся дугой, любуясь движениями своего члена в ее вульве и упиваясь сосущими звуками, вызываемыми этими движениями.

Вдруг бедра Галченка сжали ноги Виктора, вздрогнули, напряглись, затем ослабели, и с новой силой напружинились, и опять ослабли, и вновь вытянулись... Я услышал знакомый приглушенный стон. Она опять спускала... На этот раз, видимо, еще сильнее и слаще.

Я почувствовал, что мои яйца отяжелели, и еще выше приподнял вздрагивающий член. Пытаясь облегчить напряжение, я раздвинул ноги. Я знал, что, если я сожму их, этого будет достаточно для того, чтобы спустить, не прикасаясь к члену.

Оргазм Галченка на этот раз вызвал бурный

3 Зак. 623

оргазм и у Виктора. Широко расставив ноги, он коитировал с жаром и пылом молодого жеребчика. Все тело его трепетало. Ягодицы с силой сжимались и разжимались. Колени его разгибались и сгибались, бедра то сближались, то удалялись друг от друга. Локти его рук то сдавливали бока девчонки, то отпускали их. Вдруг он упал грудью на спину Галченка, ягодицы его сильно сжались, вытянулись еще больше между бедер девчонки и так сильно, что ноги ее неестественно широко раздвинулись и приподнялись, повиснув беспомощно в воздухе. Было очевидно, что в этот момент головка члена Виктора с силой прижала ее матку...

Галченок застонала, но Виктор, сжав локтями поясницу, с силой прижал ее к себе, не давая возможности отодвинуться, в этом положении, прижимая свой живот к ягодицам Галченка, он начал короткими вибрирующими движениями как бы ввинчиваться в нее... Эти движения были мне мучительно знакомы. Головка члена Виктора жадно, не отрываясь, натирала матку девочки. Ее ножки дернулись на обнаженных бедрах Виктора. И мой член вздрогнул особенно сильно, я почувствовал, что больше не могу... Я схватил его у корня, у самых яиц и сильно сжал. Этого было достаточно. Семя брызнуло на стену передо мной, затем еще и еще... Колени у меня ослабели, голова затуманилась, и уже смутно я услышал глухие, сдавленные стоны парочки.

Вы хотите знать, что было дальше, господа?

Через час после ухода Виктора я сидел с ней на диване. Оба, по-разному насытившиеся и утомлен-

ные, мы молчали. Мне было приятно обнимать обмякшее девичье тело. Разомлевшая Галченок не противилась, когда я молча целовал ее пылающие щеки, нежно ощупывал бедра, ягодицы. Все в ней, только что принадлежавшей другому, казалось мне как будто новым, незнакомым. И от этого еще более привлекательным!

А как выглядят ее срамные губки, из которых только что выскользнул половой орган другого мужчины? Галченок приоткрыла глаза, пытаясь, видимо, проникнуться моим состоянием. Может быть, она опасалась, что ей еще предстоит потрудиться? Она ведь не знала о тайнике. О том, как сладко кончил я от одного вида ее вздрагивающих под Виктором бедер.

— Хочешь спать? — спросил я ее.

— Да... — неуверенно ответила она.

Через пять минут, голые, мы были в кровати и очень скоро, прижавшись друг к другу, заснули.

Спали мы крепко и долго. В полусне я чувствовал, как мой возбужденный член упирается в голую попку Галченка и ее тело чуть заметно прижималось к моему.

Светало. Я припал губами к затылку Галченка. Она же, поджав колени, выгнула свою задницу навстречу мне и судорожно прижала ее к моему животу. Я погрузился в ее горячее тело, исторгнув у полусонной девушки стон наслаждения. Вздрагивание напряженного члена в тугом влагалище дарило мне несказанное наслаждение.

Снова застонав, она попыталась сделать своей поясницей коитальное движение. Но я силой

своих рук и ног принудил ее лежать неподвижно.

— Не двигайся... — прошептал я.

— Почему?

— Так... лежи...

Она прекратила свои попытки «подмахнуть», но головкой члена я почувствовал еще большее увлажнение ее вульвы. Ее влагалище как-то напряглось, натянулось, плотнее охватило мой член, и вскоре я почувствовал, как оно начинает ритмично сжиматься. В унисон этим движениям влагалища мой член так же ритмично вздрагивал.

Вскоре из широко открытого ротика Галченка начали вырываться стоны. Глухие, с каким-то особенным надрывом...

Я весь сжался, и такой же похотливый стон вырвался у меня.

Судороги влага́лища участились, приближался оргазм, причем впервые без участия бедер и поясницы.

Она первая не выдержала. Быстрым движением Галченок приподняла правую ногу (она лежала на левом боку), одновременно изогнув до предела поясницу. Тем самым она прижала головку члена к своей матке и, громко, протяжно вскрикнув, разрядилась...

Вслед за этим и я со стоном облил спермой ее ягодицы — неожиданность этого движения позволила мне «перетерпеть» оргазм, не подвергая партнершу опасности.

Прошло довольно много времени. Я успел познакомиться и даже сблизиться с Виктором. Он прилежно учился в восьмом классе. Был он действи-

тельно красивым, немного застенчивым и даже несколько женственным юношей. Не знаю, это ли обстоятельство или то, что он был близок к Галченку, или какие-нибудь тайные, доселе неизвестные мне инстинкты, но я скажу откровенно, чувствовал к моему мальчику симпатию и даже влечение. С течением времени Виктор стал частым гостем в моем доме. Обычно втроем, иногда вдвоем мы проводили вечера в играх и беседах — то серьезных, то легкомысленных. Иногда, нечаянно соприкасаясь с Виктором, я чувствовал мгновенное напряжение члена.

Другой раз я отмечал неменьшую напряженность члена моего собеседника в присутствии Галченка. После ухода Виктора я указывал на это Галченку, и вместе мы намечали день для полового сношения с Виктором. Порою и Галченок ябедничала мне, что «у него, мол, сильно стоял» и что когда я вышел в столовую, а они остались одни, Виктор взял ее руку и прижал к своим брюкам. Галченок с улыбкой говорила, что «он у него стал еще длиннее, чем раньше».

Интимные отношения Галченка с Виктором стали почти регулярными (два-три раза в месяц). Славный мальчик перестал меня дичиться, и мы даже вели с ним откровенные беседы на самые заповедные темы. В конце концов, я признался, что не только знаю его влечение к Галченку, но и одобряю его, и что он может оставаться в моем доме с Галченком наедине. Услышав это, Виктор сильно покраснел...

С тех пор я открыто оставлял их одних в кабинете.

и двигал им между ножек, стараясь разъять их пошире. Но штанишки не позволяли мне этого сделать...

Я наконец приладил член к лобку и начал двигать им вверх-вниз, поддерживая снизу пальцами. Женя не отталкивала меня больше, наоборот, приподнялась на цыпочки и выгнулась навстречу... Тотчас же головка члена проскользнула дальше, в отверстие ее вульвы. Я задрожал от наслаждения, но вдвинуть его дальше во влагалище не мог...

Но теперь я получал возможность натирать и клитор, и всю срамную щель. Наслаждение увеличилось, член стал заметно вздрагивать.

— Женя, Женечка...— шептал я,— позволь штанишки с тебя... снять.

— Не-е-е-т, — порывисто дыша, отвечала она, а затем чуть слышно добавила: — Делай... так.

Помню, что я чуть не задохнулся от сладости и продолжал ей «делать». На счастье, нам никто не мешал, было тихо, темно.

Затем ее ножки, животик, ручки напряглись, и я вдруг заметил, что она делает своей маленькой задницей ответные движения, сперва еле заметные, робкие, а затем... и бедрами.

Меня бросило в жар от этого открытия. Вскоре в вульве девочки стало мокро. Женя вдруг обмякла, сильно вздохнула. Я догадался о наступавшем конце...

С большим трудом я оторвался от милой Женечки и, сжав член потной рукой, спустил на траву...

Много позже моя подружка призналась, что это было ее первое, пусть и неполное, совокупление.

Был у Виктора и опыт интимных отношений другого рода. Ему приходилось слышать, что некоторые мальчики пытаются вводить свои члены в задний проход сверстников. И вот с полгода до описываемых событий, то есть когда ему было пятнадцать с небольшим лет, его двоюродный брат, ученик шестого класса реального училища, несколько раз пытался совершить это с Виктором. Эти попытки предпринимались мальчиками во время летних каникул, но завершения не имели.

Возможно, причиной этому были значительные размеры пениса кузена. Однако, несмотря на боль, правда небольшую, Виктор все же позволял иногда вводить головку члена, хотя и неглубоко, в свой задний проход. Он говорил, что, ощущая на спине горячее дыхание брата, он и сам начинал приходить в состояние сильного возбуждения...

Во время этих сношений он ощущал стремление к активной роли. Пассивная его не удовлетворяла. Вот тут-то кстати и пришлась сестренка Зина.

Зина была хорошо развитая, веселая девочка, темноволосая, с кругленькой задницей и стройными ножками. Но, разумеется, ее Венерин холмик был совсем голый, гладенький и пушок на нем еще не появился.

Однажды, когда после невинной игры в ее постели Зина заснула, Виктор осторожно придвинулся к ней сзади. Задыхаясь от возбуждения, он приподнял ей рубашку и придвинулся вплотную. Затем, полежав несколько минут, чтобы успокоиться, охватил пальцами свой затвердевший член и начал осторожно поглаживать его головкой задний проход сестрен-

двигалась. Но теперь я уже точно знал, что она не спит. Не спит и позволяет мне...

И вдруг я услышал, как кто-то подошел к закрытой на защелку двери и слегка постучал в нее.

— Витя, Зина, вы спите? — Это был голос нашей мамы.

На мгновение я замер, но головку члена из задницы сестры вытянуть не было сил. Секунду помедлив, я ответил сонным голосом:

— А? Кто там? Ты, мама?

— Вы спите уже? И Зина?

— Да, мама, Зина спит. Может, разбудить ее? — сказал я, вдвигая поглубже свой член в задний проход сестренки.

— Да нет, не нужно. Пусть спит с дороги. Портниха принесла ей платье. Но примерить можно и завтра. Спите!

— Хо-хо... хорошо... ма-мочка, — почти простонал я, чувствуя, как Зина выгибает задницу навстречу моему члену.

За дверью послышался смешок:

— Э, да ты совсем сонный, Витя! Ты даже языком не в состоянии ворочать. Ну, спи, маленький.

За дверями наконец все стихло. Я прижался губами к спине Зины и начал, задыхаясь от похоти, сосать, целовать, покусывать ее. А член, казалось, сам двигался у нее в заднице.

— Витя, — прервал я его, — неужели ты весь член вдвинул ей тогда?

— Да, это было первый раз, когда я засунул его весь, до самых яиц. Но было так сладко, что я скоро спустил. А ночью проснулся и опять сделал это.

— А она спала? — спросил я, недоверчиво покачивая головой.

— Конечно, нет. Когда, проснувшись среди ночи, я начал ее обнимать и целовать, она ответила мне тем же. И все это делала молча, но потом, когда я опрокинул ее на живот, лег ей на спину и начал слюной смачивать ее вход в задницу и свой член, она сказала:

— Витя, мне стыдно...

— Зиночка, миленькая, — отвечал я, — полежи так... я совсем немножко.

Потом я ей задвинул. Она отвечала мне, немного приподымая задницу... Раза два-три я вынимал, чтобы получше смазать слюной член. Тогда становилось слаще. На этот раз мы очень долго делали так. Зато спустил я так сладко, как никогда до этого...

— А она? — спросил я.

— Тогда я не знал. А много позже она сама мне призналась, что еще весной, когда она притворялась спящей, она чувствовала, что кончает... Во время совокупления в задний проход у нее набухали половые органы и становились очень мокрыми. Клитор напрягался, выдвигался вперед и сильно вздрагивал. Эти вздрагивания, толчки становились все чаще и сильнее, и потом после особенно сильного напряжения — спазмы всей ее... ну, вся ее...

— Пизденка, — подсказал я.

— Ну да... пизденка обливалась... она спускала. Она еще говорила, что ей тогда, весной, очень хотелось двигать задницей, но она стеснялась и притворялась спящей. Но зато она своими бедра-

ми сильно сжимала свои срамные губы и клитор...

На другой день после этой нашей первой ночи наслаждения мы встали поздно, радостные, веселые, и весь день гуляли, бегали вместе. О происшедшем мы не говорили.

Когда же поздно вечером мы отправились в нашу комнату и, торопливо раздевшись, улеглись в ее кровати, Зина прошептала:

— Витя, встань и возьми в моей сумочке баночку... с вазелином.

Я все понял и весь задрожал от страсти.

На этот раз она легла на спину, сильно подтянув к себе бедра. Когда я лег на нее, она касалась своими пятками моей спины. Тогда я первый раз ее...

— Употребил, — подсказал я опять.

— Да, в такой позе впервые... Я обильно смазал член вазелином и легко вдвинул его в задний проход. Лежа на ней, я поднял ей и себе рубашки до самого горла и своей грудью теперь касался ее горячих маленьких грудок... Помню, что от этого мой член вытянулся еще длиннее. Зина немного опустила ноги, но держала их все время согнутыми. В таком положении, лежа у нее на животе, оказалось еще слаще делать это. Мы целовались взасос и спустили еще сильнее, чем раньше... Ну, вот и все. С тех пор уже почти три года мы с ней делаем это...

— И всегда в задницу?

— Конечно! Я ведь очень люблю сестренку и лишить ее невинности я бы никогда не решился. Да и зачем? Мне и так сладко.

— И никто до сих пор не догадался? Никто не заметил?

— Почти... Ведь мы осторожно. Правда, были разные случаи, и нас могли заметить, но пока все, в общем, сходит благополучно.

— А ты расскажи подробнее.

— Да всякое бывало. Вот в начале этого лета были мы в гостях в деревне у дяди. Гостили там несколько дней. Как-то вечером отец и мать с дядей и тетей долго засиделись в гостиной за картами, а мы с Зиной вышли на веранду. На веранде было темно и очень уютно. Мы стояли, обнявшись, и я гладил ее ягодицы. Оба мы чувствовали сильное желание. Несколько дней перед этим мы не имели случая... соединиться. Я и попросил у нее.

Она испуганно взглянула на меня:

— Что ты! Увидать могут!

Я ее продолжал горячо убеждать, и она, понемногу сдаваясь, уступила.

Мы встали у перил веранды в тени, боком к двери, с тем, чтобы видеть эту дверь и дорожки возле веранды.

Она немного наклонилась вперед над перилами, я поднял ей сзади платье и спустил до колен штанишки. Уже по одному тому, как сильно она выдвигала задницу, я почувствовал, как она хочет. Я увлажнил слюной член и с трудом ввел его в задний проход. У нее даже ножки задрожали, а у меня закружилась голова... С минуту мы не двигались, наслаждаясь ощущением соединения. Ну, и прозевали, как к веранде подошла горничная Маша.

— Ой, кто там? — воскликнула она, всматриваясь в темноту. — Это вы, барышня? — продолжала она, узнав Зину.

Сестра сразу приподнялась с перил, стала почти прямо, но с еще больше выгнутой ко мне задницей, при этом мускулы ее заднего прохода как-то еще туже охватили мой член.

— Да, Маша, это мы с братом... любуемся вечером, — ответила она.

— Ах, и Виктор с вами, а я и не заметила, — говорила Маша, внимательно всматриваясь в мой силуэт, выглядывавший из-за плеча Зины.

Перила веранды доходили нам до пояса, а голова Маши находилась чуть ниже перил, и поэтому она не могла рассмотреть нашего соединения.

Я же, насколько мог, отклонился от спины Зины в сторону, охватил ее левой рукой за бедра, а локоть правой положил на перила.

— Да, в гостиной ду-у-у-ушно,— равнодушным тоном проговорил я.

— Тогда пройдемся в сад, — предложила Маша.

— Ой, нет! Тут так хо-ро-шо-о-о, — протянула Зина, ощущая вздрагивания головки моего члена в своей заднице.

— Да нет же! Сейчас над речкой еще лучше!

— Ма-а-ша, что-то не хо-о-чется. Ты... Иди-и... а мы за то-бо-о-ой!

— Так я вас вытащу сама с веранды, — решительно сказала Маша и двинулась было к ступенькам, но Зина, сильно наклонившись над перилами, схватила ее за шею и притянула к себе. При этом движении член мой едва не вышел из ее зада, но я тотчас же вогнал его опять по самые яйца.

— Какая ты у-у-упрямая Маша-а-а, — говорила Зина, обнимая ее за шею и поднимая свой зад ко мне.

— Вот я вас вытащу, всю лень из вас вытряхну! — с шутливой угрозой сказала Маша, схватив Зину руками и дергая к себе.

— Ну, попробуй. Я Зину в обиду не дам, — сказал я и, делая вид, что хочу ее удержать, стал поудобнее позади Зины и схватил ее бедра обеими руками.

Маша продолжала шаловливо тащить Зину к себе, а Зина, нервно смеясь, обнимала ее за шею и пыталась даже укусить за щеку.

У меня от удовольствия дрожали ноги, и я, не удержавшись, начал двигать поясницей... Все тело сестренки вскоре начало ритмично двигаться взад и вперед.

Маша, видимо, почувствовала эти движения, а может быть, и догадалась об их причине.

Зина, то прижимаясь, то отталкиваясь от Маши, пыталась скрыть от нее то, что делалось сзади, между ее ножками. Но она постепенно теряла силы и уже не столько смеялась, сколько всхлипывала на плече у Маши.

Маша же, удивленная вначале, вскоре, несомненно, поняла причину ее жаркого дыхания и сладостного подергивания. Стараясь облегчить той достижения оргазма, она поудобнее схватила Зину за плечи и, поддерживая ее, искала своими губами раскрытый ротик сестренки.

И тут я понял, что Маша уже знает, что я делаю, хотя и не догадывается, что я делаю так стыдно, в задницу. И я уже отчетливо представил себе, как в эту минуту красивая Маша стоит, сжимая бедрами свои набухшие мокрые срамные губы и чувствуя приближение оргазма у моей сестренки.

И Зина, кажется, поняла, что Маша догадалась, что делается у нее сзади.

Никогда я не чувствовал такой сладости... Теперь я уже боялся, как бы Маша от нас не ушла.

Вдруг дверь из гостиной скрипнула и широко распахнулась, сноп света брызнул на веранду, и на пороге показалась наша тетя.

Последним усилием воли я извлек член и быстро опустил платье Зины. Затем, повернувшись к перилам, торопливо запихнул мокрый член себе в брюки...

Точно не знаю, но мне кажется, что тетя ничего тогда не заметила, потому что вошла на веранду со света. Она могла заметить лишь наши неестественные возгласы и деланный смех, которым мы старались прикрыть наше смущение. Помогло и то, что с нами находилась Маша.

Все сошло благополучно. Поговорив с нами несколько минут, тетка ушла, пригласив нас за собой в гостиную. Однако мы дружно заявили, что хотим еще чуть-чуть побыть на воздухе.

Все мы были возбуждены, хотя и по-разному. У меня было только одно желание, но оно было непреодолимо: как можно скорее добраться до задницы сестренки... Вероятно, ее желание отвечало моему, так как она без сопротивления позволила Маше оттащить нас подальше от дома, в беседку.

Охваченный страстью, я не раздумывал тогда над поступками Маши, которая торопливо повела нас к беседке, заявив, что ей очень некогда, и оставила нас вдвоем. Мне тогда казалось, что все это так и должно быть...

Не успела Маша сделать и нескольких шагов, уходя от нас, как я очутился сзади сестры и, упираясь в ее спину, наклонил ее вперед так, что грудью она легла на деревянный столик, стоявший в углу беседки. У меня еще хватило терпения снять с нее штанишки, против чего она не возражала.

Затем, прижавшись к ее спине, я жадно задул ей в задницу, обильно смочив то, что полагается, слюной... Помнится, от охватившей меня сладости я даже схватил ее зубами за плечо...

Когда первый сильный порыв страсти чуть прошел, и я начал немного спокойнее ее накачивать, я оглянулся по сторонам и замер. В нескольких шагах от беседки стояла Маша. Она стояла, слегка согнувшись, за деревом и жадно смотрела... Краска бросилась мне в лицо. Стало стыдно, но тотчас же я почувствовал, что мой член стал еще больше и что... под взглядом Маши мне становилось стыднее и слаще...

Я задул Зине так, что она только охнула. Я искоса, почти не поворачивая головы, смотрел в сторону Маши. Было очень плохо видно в ночных сумерках, но все же мне удалось заметить что-то белое. Маша была все время в темном платье, значит, мне была видна ее нижняя юбка или белые штанишки. А это означало, что ее рука находилась между ножек... Невозможно передать, с каким наслаждением я двигал членом, изгибаясь на спине Зины под взглядом Маши и чувствуя, как моя страсть передается им обеим...

Позже Зина призналась мне, что она давно так сладко не спускала, потому что чувствовала как-то

особенно остро мое наслаждение. Мою руку, которую я держал впереди, у нее между ножек, она обмочила так, как никогда раньше. Ее клитор так напрягся, что она могла бы им и Машу удовлетворить...

Когда я спускал, Маши рядом уже не было.

Вот какой произошел случай! Но кончилось все благополучно. Тетя, видимо, так ни о чем и не догадалась, а Маша, конечно, никому ни слова не сказала.

— А с Машей ты имел сношения?

— И да и нет. Целовались, конечно, обнимались. Несколько раз трогали друг друга под платьем. Но всегда это делали второпях, при случайных встречах, то в коридоре, то на кухне, то в садике.

— Ну, и кончали?

— Я раза два кончил ей в руку... Иногда так приятно было. Один раз стоя возле калитки, вечером, а другой раз утром в спальне, куда Маша забежала прибрать постель. Как раз все вышли из дома в садик. Мы стояли у окна за занавеской, и я сделал в руку.

— А она?

— Она всегда успевала кончить первой. Моя рука всегда была мокрой... А когда мы не слишком торопились, то она делала мои руки подряд два раза мокрыми.

— А волосики у Маши большие?

— Конечно! Ей ведь почти шестнадцать лет было. У нее они такие густые, мягкие... ну, и сзади у нее волосики...

— Вокруг заднего прохода?

— Да, но она мне не разрешала туда. А пальцами

разрешала. А когда я ласкал ее там пальцем, она мне делала рукой на члене очень сладко. Мне до сих пор хочется повторить это ощущение. Может быть, этим летом и удастся.

— Витя, извини, что я тебя перебил. Ты, кажется, собирался рассказать еще случай, когда вас с Зиной чуть не застали вместе?

— Да. Это был случай похуже того, что на веранде... Мы чуть не попались! Это было уже у нас дома, в конце прошлого лета, вскоре после того, как мы вернулись из деревни.

Это было в воскресенье после обеда. Все ушли из дому и наша горничная Поля тоже. О Поле скажу заранее, что с ней я не имел ничего общего. Она взрослая, ей уже 18 лет, и к ней ходит жених. Я даже видел два раза, как они, стоя у калитки...

— Совокуплялись?

— Да. Он прижал ее к калитке, согнулся в коленях и делал это, а она целовала его в голову, и очень долго Во второй раз я разбудил Зину и показал их ей в окно. Ведь калитка как раз напротив окна нашей комнаты. И через минуту Зина сама попросила... Мы, стоя у окна, успели кончить немного раньше, чем Поля со своим женихом.

Ну так вот. В то воскресенье, когда все ушли, мы с Зиной долго дурачились, возились, смеялись, ну и наконец соединились. Но нам пришло в голову пошалить при этом. Она немного наклонилась вперед, а я, хорошо смазав член и ее задний проход вазелином, стоя сзади нее, вдвинул ей в задницу. Затем она чуть приподнялась и вместе со мной, плотно прильнувшим к ее спине, начала ходить по

спальне... Мы старались при этом ступать одновременно правой и левой ногой.

Она шла почти прямо, с сильно выгнутым ко мне задом, а я — слегка согнув ноги в коленях и стараясь держать член как можно глубже в ее горячей заднице. Обычных движений, как при совокуплении, мы не делали, но передвижение наше по комнате сопровождалось непроизвольным трением члена в ее заднице, и получаемое наслаждение было очень сильно.

Мы были одеты. Я только расстегнул спереди брюки, а она спустила штанишки и приподняла платье по пояс. Я охватывал ее одной рукой под грудь, а другой за животик и подталкивал к зеркалу. Она краснела, смеялась, упиралась, тянула меня в другую сторону. Мы медленно двигались по комнате, дрожа от наслаждения...

Возле открытой двери в гостиную мы остановились на минуту, я поглубже задвинул ей член и толкнул ее к столу, стоявшему у двери, так как хотел, чтобы она легла на него животом. И вдруг, когда она уже прижалась грудью к столу, противоположная дверь в гостиную от прихожей отворилась, и на пороге показалась наша мама. Увлекшись, мы не слышали, как она открыла парадную дверь...

Правда, ей были видны только наши головы, моя и под ней Зинина, и то лишь на одно мгновение... Менее чем в один миг я выдернул член из задницы сестренки, она выпрямилась, платье само упало вниз и закрыло ее голый зад. Вероятно, инстинктивно Зина бросилась вперед:

— Мамочка, ты уже вернулась? Что это у тебя за сверток в руках? Покажи!

А мама ей в ответ:

— Что это ты так раскраснелась? Что это вы тут делаете? А Виктор убежал?

Я же, как только извлек член из задницы Зины, бросился в глубь комнаты, чтобы торопливо застегнуть себе брюки... вслед за этим я поспешил на помощь Зине, еще не зная, как это сделать и что сказать...

— Да я никуда не убегал, — пробормотал я, входя в гостиную и сразу садясь за стол, чтобы скрыть то, что мой член оттопыривал брюки. — Я хотел Зину побить или запереть в кладовую, так как она затащила куда-то мой ранец.

— Ну ладно, не дурите, — сказала мама. — А ты Зина, возврати брату ранец!

— Верну, верну, подумаешь, важность какая! — поддержала мою уловку Зина.

Ну и на этот раз мы кое-как выкрутились. Потом мы стали осторожнее, а в тот раз, когда минут через десять мама опять ушла из дому, мы не в состоянии были долго ждать, и нам было уже не до шалостей. Мы устроились в прихожей, возле вешалки, чтобы сразу слышать, если кто-нибудь войдет. Делали мы стоя, наши ноги дрожали... Она захотела лечь, и мы тут же на ковре улеглись живот к животу... Помню, что я ей запустил по самые яйца, и в тот же момент почувствовал, что ее задний проход то сжимается, то разжимается... И она тоже очень сильно спустила...

На этом доктор остановился.

— Вот что мне рассказал Виктор, — сказал он. —

Конечно, во время рассказа я много раз его прерывал, выясняя детали, и сейчас же после ухода все торопливо записывал...

— Ну, — сказал Дмитрий Павлович, — это и так видно, ведь без записок все подробности в голове не удержишь. Но ведь это еще не конец! Очень просим вас продолжать!

— Э, батенька, уже день... А у меня, как видите, вон сколько еще записок! А вот это дневник Зины. Эта тетрадь — записки Галченка. Правда, записывал я сам, но с ее слов. Они относятся к ее предбрачной и брачной жизни. Тут хватит рассказывать не на одну ночь. А сейчас по домам! Ведь так?

— Хорошо, — сказал Николай Васильевич, — пусть так. Я тоже уже исписал всю свою тетрадь. Но давайте сойдемтесь на маленьком компромиссе — только в двух словах расскажите нам о дальнейшей судьбе действующих лиц. Идет?

— Ладно, но буквально в двух словах, — согласился доктор. — С того памятного лета, ну, и зимы, прошло уже пять лет. Виктор с отличием закончил реальное училище и сейчас заканчивает Политехнический институт. Ему теперь двадцать один. В прошлом году после нескольких сцен с родителями он женился на Галченке. С родителями вскоре помирился.

Галченок закончила вечернюю школу, сейчас занимается на Высших женских курсах. Она уже с полгода как беременна. Живут они с Виктором очень хорошо, счастливо. Кстати, родители ее, то есть мать и отчим, вновь сошлись, и оба были у нее

на свадьбе. Галченку сейчас девятнадцать. Она с мужем часто бывает у меня.

У Зины, ее ровесницы, своя история. Я ведь с ней тоже сблизился и не знаю, кто из них прекраснее: она или Галченок. Но Зина тоже скоро выходит замуж. Вот с Зиной-то я и познал впервые сладость совокупления сзади...

Вот, кажется, и все. А теперь нам пора. Как-нибудь в другой раз я прочту вам дневник Зины и другие свои записки.

На этом большая и оригинальная повесть нашего земского врача прервалась.

Уходили мы под сильным впечатлением от услышанного. Все были очень возбуждены. И вновь нашим девушкам и женам предстояло, на этот раз уже днем, удовлетворить наше вожделение, доведенное до предела...

СТРАННЫЙ ПАРЕНЬ

Вот и думай теперь, как и отчего это все произошло...

А началась эта история с того, что мы сдали одну из комнат наверху мужчине, который был старше, чем моя Сю и я, вместе взятые. А нам обеим по двадцать.

Его имя было Грэгсон.

— Зовите меня Грэг, — сказал он, сразу вступая на дружескую стезю.

Он был крепкого телосложения, по-спортивному подтянут. Я сразу заметил, что он посмотрел на Сю довольно не безразличным взглядом. И я понимаю его. Сю молода, очень красива, с прекрасной фигурой. Но, должен признаться, что, когда мы поднимались наверх, я ощутил странное волнение, поймав его взгляд, обращенный на ее прелестно округленную попочку.

...Однажды днем, когда Сю вышла из дома, а Грэг еще не вернулся, я поднялся в его комнату. Под кроватью постояльца стоял какой-то сунду-

чок. Мне вдруг страшно захотелось узнать: что в нем?

Со мною оказалась связка ключей к разным замкам, и как нарочно один из них подошел к сундуку. Когда я поднял крышку, то ахнул от изумления.

Сверху лежало около дюжины прелестных женских трусов всех фасонов и размеров: от широких до самых узеньких. Но вот странность: все они не были новыми, они были ношеными.

Под ними лежали фотографии, перевязанные резинкой... На некоторых из них Грэг был один, на других — в обществе голых или полуодетых женщин. На многих фотографиях был запечатлен половой акт.

Я не знал, как долго будет отсутствовать Грэг, и поэтому не мог задерживаться в его комнате. Но вот еще что я увидел в сундучке: пакет, завернутый в шелк. Я развернул его и с изумлением глазел на несколько отлично сделанных искусственных пенисов. Некоторые были изготовлены из резины, другие — из дерева, а парочка — из кожи.

Несомненно, в этом сундуке хранилось еще много интересных вещей, но я услышал внизу шум, второпях захлопнул крышку и вышел из комнаты. Я увидел достаточно для того, чтобы понять, насколько Грэг был грязным и развращенным стариком.

С лестницы я услышал голоса в холле. Видимо, моя жена вернулась одновременно с Грэгом. Они не подозревали, что я дома, поэтому, когда Сю направилась в кухню, Грэг схватил ее за плечи.

— Не убегайте, дорогая, — услышал я его голос. — Вы всегда убегаете от меня.

— О, мистер Грэгсон, вы знаете...

— Да, я знаю, вы молодая женщина, счастливая в браке. Я все знаю, но это не причина, чтобы отказать старине Грэгу в маленьком поцелуйчике.

Он повернул ее лицом к себе.

Я хотел сойти вниз и заявить о своем присутствии, но решил обождать и посмотреть, что случится дальше.

А дальше было вот что: Грэг одной рукой обнял Сю за шею и прижал губы к ее рту.

Я видел, как она пыталась отвернуться. Тогда вторую руку он положил ей на спину и прижал мою Сю к себе. Она попыталась отстраниться. Грэг пробормотал сдавленно:

— Душечка, ну один настоящий поцелуйчик. Ведь никто не узнает...

Сю что-то промычала в ответ широко открытым ртом. А рука Грэга с шеи спустилась к ягодицам, попеременно сжимая каждую половинку ее задницы. Видимо, объятия его были слишком крепки, и она сникла.

Я видел, как старый хрен, крепко прижав к себе мою молодую жену, терся о нее животом, не вынимая ни на минуту язык из ее рта.

Сю застонала, затем подняла руки и обняла его за плечи...

Это было верным знаком, что ее сопротивление сломлено.

Я смотрел, как он продолжал свой поцелуй. Потом он повернулся и прижался к ее боку. Его правая

рука спустилась по юбке и остановилась внизу живота. И он не успокоился, пока не пробрался под юбку.

Я видел, что Сю раздвинула ноги, видимо, не сознавая, что делает. Затем она снова сжала их, но для Грэга этого мгновения было достаточно, чтобы протиснуть ладонь между ног.

Я видел, как он вовсю старался возбудить ее. Его рука двигалась все быстрее и быстрее. Снова раздался протяжный стон, этому наглому типу удалось-таки пробудить в ней страсть. Грэг, лишь почувствовав ответную ласку, оторвался от ее рта.

А бессовестная Сю уже тяжело дышала, закрыв глаза, и позволяла ему ласкать ее через белье.

Я стоял как вкопанный, не смея шелохнуться. А тот прямо прилип к ней, нашептывая что-то на ухо. Мне так хотелось услышать, что он там ей говорил. Но увы!

Я увидел только, как она, отрицательно качая головой, вдруг открыла глаза и, посмотрев ему прямо в лицо, схватила его за руку и отстранилась. Тогда он сразу же опустился на колени, обеими руками обхватив ее юбку.

Я видел, как он целовал ткань и просил:

— Ну подними юбку. Я же знаю, что ты этого хочешь...

Он стал целовать и лизать ей живот. Он явно давал ей понять, что если она выполнит пожелание, то... И тут его рука снова проникла под юбку, скользнула по чулку вверх.

И тогда решительным движением моя жена приподняла юбку и откинулась назад...

И вот странность: мне уже самому захотелось увидеть, как он сдернет с нее трусы и как его рот встретится с ее пылающим влагалищем. Она, по-видимому, тоже ждала этого и... не сопротивлялась...

Его пальцы нежно взялись за резинку ее трусиков...

Громкий вздох, резкое движение руки вниз. Приоткрывшееся пространство было достаточным для того, чтобы я стал свидетелем, как мою дорогую супругу целовали и сосали в самом интимном месте...

Внезапно он поднялся, продолжая двигать рукой между ее ног, чтобы держать в возбужденном состоянии.

— Ты хочешь хорошую быструю еблю?

Она кивнула.

— Да, но совсем нет времени, — сказала эта сучка, — мой муж может вернуться с минуты на минуту.

— Пойдем в мою комнату. У меня есть всякие французские игрушки. Я применю одну из них. Такой красивой женщине, как ты, нужно много хуев. Сколько мужчин дают тебе их сейчас?

— О, ни одного. Только мой муж Крис, разумеется.

Он засмеялся.

— Нечего скромничать, моя дорогая. Смотри, как быстро я тебя возбудил. Ты хочешь ебаться? Не говори, что нет!

Я видел, как она кивнула:

— Да, Грэг, должна признаться.

Он погладил ее по щеке, опустил ее юбку и посмотрел ей в лицо.

— Скажи это вслух! Не забудь, что я сосал твою пизду, а поэтому нечего скромничать!..

Она покраснела.

— О, Грэг, ты заставляешь меня чувствовать себя такой гадиной. Я бы хотела... ты понимаешь... быть поебанной...

Он улыбнулся:

— Скажи это громко!

Теперь он гладил ее грудь. Ее слова как гром среди ясного неба заставили меня подскочить на месте.

— Я хочу быть поебанной...

— Я хочу быть поебанной!..

— Я ХОЧУ БЫТЬ ПОЕБАННОЙ!

— Конечно, моя дорогая, и будешь. Пойдем в мою комнату.

Он обнял ее, и они пошли вверх по лестнице.

Я быстро взлетел в комнату, находящуюся под комнатой Грэга.

Было слышно, как они идут мимо, поднимаясь наверх. Я не выдержал и выглянул...

Он шел сзади, рука его была у нее под юбкой и ласкала ее ягодицы.

И вот дверь его комнаты закрылась за ними.

Я подумал о том, чтобы сойти вниз и хлопнуть дверью: они прекратили бы свою миленькую игру. Но странное чувство овладело мной. Я не хотел останавливать их. Почему-то хотелось, чтобы этот старый развратник в полной мере познал мою жену. Я прокрался вверх по лестнице и прильнул к запертой двери.

В этот момент Сю воскликнула:

— Грэг, какой он большой, я не могу поверить. Какой громадный!..

Он засмеялся:

— Да, красавчик, Сю. Иди, сядь со мной на кровати и поиграй с ним... О, твои ручки такие мягкие и теплые. Он гораздо больше, чем у твоего мужа? Я заранее знаю твой ответ...

— О да, Грэг, гораздо больше: толще и длиннее!..

— Так, дорогая, отведи немного кожу, он станет еще больше. Как насчет того, чтобы ему дать небольшой поцелуйчик? Нагни свое лицо...

— Нет, Грэг, я не могу... я не могу это сделать.

— Нет, ты можешь... Я придвину его к твоему лицу. Открой пошире рот. Не правда ли, приятно?.. Прекрасно... Пососи хорошенько. Тебе это нравится, не так ли?..

Я остолбенел.

Я много раз предлагал сделать это жене, но она всякий раз была шокирована моим предложением. А сейчас она собиралась отсосать у чужого, почти незнакомого ей мужика.

Я слышал его голос:

— Не усердствуй слишком, а то я кончу, и тебе придется отложить удовольствие почувствовать этого гиганта внутри себя.

Чмоканье прекратилось — я догадался, что она оставила его член в покое. А по скрипу кровати сообразил, что они перешли к делу.

Снова голос Грэга:

— Если хочешь, дорогая, я надену резинку, но я предпочитаю в натуральном виде. А ты?

— Я всегда заставляю Криса надевать резинку...

Это правда: она никогда не позволяла мне порезвиться без презерватива. Но конечно же, другое дело — любовник:

— Я пососу твои соски, пока ты его направляешь...

Затем последовал крик и стон, и я понял, что в Сю находится член старины Грэга.

С того момента, когда он поцеловал ее в холле, прошло не более получаса.

Когда Сю была подо мной, кровать безмолствовала. Теперь, если судить по звукам, издаваемым матрацем, она неплохо двигалась.

Кстати сказать, и они не помалкивали. Сю, та просто вопила от удовольствия:

— О, еби меня! Еби меня!.. Какой замечательный член!.. Глубже... Дай мне его весь!.. О-о-о-а-а-а... р-р-р... А-а-ах... Это меня уби...ва...е!.. Еби меня!..

Никогда не предполагал, что моя жена может быть способна на такое.

И вот наступила тишина...

Я лишь слышал тяжелое дыхание. Сердце мое останавливалось при мысли, что моя жена была полна спермой этого старого хуя.

Я тихо сошел вниз и хлопнул входной дверью, будто только что вернулся.

Несколько минут спустя я услышал, как Сю спускается по лестнице.

— Я была в ванной, дорогой. Я не слышала, как ты вошел.

Мы поцеловались.

У нее не было времени даже вымыть рот: я ощутил

запах спермы, но сделал вид, что мой насморочный нос ничего не ощутил.

Я поцеловал ее продолжительней, чем обычно. Мне весьма понравилось возбуждение, которое я испытал, представляя себе красивый ротик моей жены, сосущий член старого Грэга.

Я спросил ее:

— Ты видела сегодня Грэга?..

— Да, мельком. Думаю, что он в своей комнате, — был ее мгновенный ответ.

И мы пошли к себе, в свою комнату...

...Странный я все-таки парень, а?

ПИСЬМО ВПОПЫХАХ

Дорогая Сюзанна!

Поздравь меня, недавно я познакомилась с Эсхилом [1]. Знаешь, был такой греческий герой? Эсхил совершал всякие подвиги, в том числе и с женщинами. Так вот, и мой Эсхил многому меня научил. Я думаю, что тебе забавно будет узнать, чему. Хочешь, я все опишу тебе? Кстати, у меня есть время. Сейчас я дома одна. Но он только что звонил с работы. Ох, если бы ты слышала этот голос! Его низкий тембр просто ласкает мое ухо. И очень возбуждает, видишь, у меня руки дрожат, и ты, наверное, это замечаешь по почерку. Для Эсхила я сначала была как бы подопытным кроликом. Но это только сначала.

Не обижайся, что я прямо напишу: ты говорила, что получаешь удовольствие, когда пассивно лежишь под мужчиной во время совокупления...

Но мне гораздо приятнее самой двигаться на

[1] Влюбленная Гудрин, очевидно, спутала Эсхила с Ахиллом (*Прим. ред.*)

торчащем члене, ощущать удивительные удары, сотрясающие все тело, и божественную дрожь мужской плоти. Чувствовать, как его горячие губы ласкают и лижут кончики грудей, возбуждая мое сладострастие. Голова кружится и хочется кричать, орать, когда кипящая «лава» брызжет в матку. Пробовала ли ты быть активной? Пробовала ли ты возбуждать член, забавляясь с ним, как с игрушкой? Очень советую попробовать! Все это я познала благодаря Эсхилу. Вначале я была очень стыдлива. Скованно лежала голой под одеялом, а он ласкал меня. Его рука рыскала по сокровенным местам моего тела, открывала мою щель так, как будто снимала завесу с чего-то необыкновенного. Затем его пальцы раздвинули мои половые губы. Млея от удовольствия, я согнула и расставила ноги. Он лег между ними, и я увидела член, торчащий из темных волос на его животе. Удивительный, большой!

Я не могла оторвать от него глаз, я дрожала от возбуждения и желания. Однако он медлил. Он целовал груди, живот, потом замер где-то рядом. Я открыла глаза и увидела: он сидел передо мной, чуть наклонив голову, и с блаженным лицом любовался моим вспухшим и горячим от похоти межножьем. Я засмущалась и сдвинула ноги. Тогда он стал обрабатывать меня так, как месят тесто — гладил и мял, и при этом стонал от желания проникнуть в пылающую щель. С трудом его рука протиснулась между моими бедрами, и, в конце концов, я не смогла больше противиться — я раздвинула бедра. Он лег на меня и, поместив свой торчащий член в мою щель, вдвинулся в меня так,

что отдалось в спине! Мне показалось, что в меня забили сваю!

Свершив эту нелегкую работу, мой Эсхил некоторое время лежал, неподвижно и тяжело дыша. Затем стал подсказывать, как мне надо двигаться.

— Если ты хочешь, я научу тебя, как надо отдаваться, — шептал он, задыхаясь.

— Я, я... я хочу, — пропищала я, тихо извиваясь под ним и ощущая в себе все ту же сваю.

Это был мой первый урок.

Не скрою от тебя, Сюзанна, я оказалась способной ученицей!

В следующий раз я сама подошла к Эсхилу, сидящему у стола, и, обняв сзади, стала ласкать его лоб и волосы, прижимаясь грудью к спине. Под моим платьем не было ничего. Когда я прижалась сильнее, то услышала его частое дыхание. Тогда я скользнула рукой к ширинке, расстегнула ее и извлекла уже начавший набухать член. Взявшись за ствол, я сжала его так, что головка раздулась. Потом стала двигать рукой, обхватив его всей ладонью. Такая ласка возбудила член, он выпрямился и напрягся... Но Эсхил совершенно спокойно продолжал сидеть. Я прижалась щекой к его щеке и через плечо надолго уставилась на маленькое жерло в конце лиловой головки члена. Это невероятно возбудило нас обоих! Тогда я как можно дальше сдвинула его крайнюю плоть, полностью обнажив распухшую круглую головку. Вот тут Эсхил не выдержал и... поднялся! Я расстегнула его одежду, сняла с него брюки и все остальное.

Теперь он стоял передо мной совершенно голый,

его член поднимался до пояса и был похож на резиновую дубинку. И я заметила, что «дубинка» ритмично подергивается. Я не удержалась, взяла в руку член, и эта дрожь передалась мне. Я, кажется, теряла сознание от ужасного возбуждения.

Эсхил увлек меня в постель и лег на спину. Лежа на спине, он, не мигая, смотрел на меня, заложив руки за голову. Он слегка улыбался. Это придало мне уверенности.

Медленно я сняла свое платье. Я делала это как можно медленнее, чтобы разжечь его похоть.

Теперь я стояла совершенно голая около кровати, и его горящий взгляд скользил по моему телу. Затем сильные руки коснулись моей груди, живота, бедер. Мы обняли друг друга, и мои заросли оказались рядом с его носом, и он мог почувствовать мой запах. Я протянула руку к возбужденному члену. Вертела, поворачивала его так, чтобы лучше рассмотреть со всех сторон. Эсхил охнул, когда другая моя рука просунулась между бедер и стала ласкать яйца. Затем я наклонилась и стала лизать его пупок. Вот когда я почувствовала, что он находится в моей власти! Это было необыкновенное удовольствие — ощущать, что мужчина — игрушка в твоих руках.

Я села на кровати, поцеловала головку члена, а затем начала лизать наиболее чувствительное место около головки. Эсхил содрогался. Его рука стала потихоньку ощупывать мою щель. Я села верхом на него, повернувшись расставленными бедрами к лицу, чтобы он мог лучше ознакомиться с щелью, пока я обрабатываю «холм любви» язычком и руками. Мне захотелось как можно сильнее разо-

греть его, прежде чем всунуть член во влагалище.

Я чувствовала его жаркое дыхание на своих ягодицах и дрожащей щели. Очевидно, Эсхилу нравилась моя изощренность, и он стонал от похоти и вожделения.

Продолжая держать член руками, я сперва смочила его соком своей щели, затем стала усердно ласкать пальцами, наблюдая, как лицо мужчины напряглось и вспотело от страсти.

— Ну, скорее! — сказал он страстно, помогая мне руками медленно насаживаться на член. Я поглотила член полностью и, сидя на нем, смотрела в лицо Эсхила. Он улыбался, и на его глазах были слезы счастья.

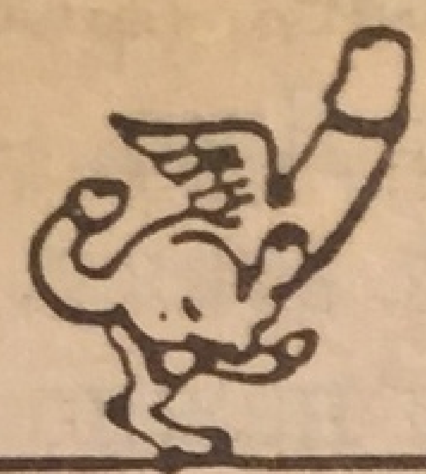
Я тоже была необыкновенно счастлива и хотела, чтобы это продолжалось всю жизнь...

Но это было только начало, первая «пристрелка». Моя утонченность увеличивалась с каждым днем. За эту неделю мы напридумывали столько всякой всячины...

Но уже поздно, скоро он должен прийти... Я дрожу от возбуждения и желания.

Ага, звонок в дверь! Он идет. Прощай, дорогая, до встречи... Или, вернее, до следующего письма...

Твоя Гудрин.

РАССЕЯННАЯ ДЖЕННИ

Джо — сосед Дженни. А Дженни такая рассеянная девушка. Сегодня, например, забыла запереть вечером двери в свою квартиру. И вот вам, пожалуйста.

— Джо!? Ты с ума сошел! Разве ты не понимаешь, что неприлично заходить к девушке, когда она в постели. Уйди! Вдруг кто-нибудь увидит!..

В спальне царит полумрак. Жарко и душно. Дженни, вытянув одну ногу, поджав другую и прикрываясь нежными руками, умоляет парня не трогать ее. Но ее маленькие торчащие груди так милы, улыбка так обворожительна и вся она так юна и нежна, что Джо — известный весельчак и юбочник — поспешно сбрасывает трусы и решительно забирается под бочок рассеянной Дженни.

— О, Джо, оставь меня! Как не стыдно. Это нехорошо. Не надо!..

Но он уже впился в ее губы и, несмотря на то что она брыкается, уверенно и властно торит дорожки к заветному местечку.

— Ой! — вскрикивает Дженни. — Что это?

— Пусти, — сопит Джо. — Шире ножки, дуреха! — И продолжает атаку.

Его руки крепко и нежно сжимают пухленькое девичье тело. И она плотно приникает бедрами к волосатым мускулистым бедрам парня. Через минуту все уже кончено.

Довольный Джо орошает девичий пах струей вязкой спермы, горячей и бодрящей.

— Я чем-нибудь отличаюсь от других девочек? — спрашивает Дженни, когда они, потные и усталые, лежали, тесно прижавшись друг к другу.

— В каком отношении?

Джо постарше Дженни, он уже начал понемногу полнеть...

— Ну, в любви! — смущенно бормочет Дженни.

— Глупенькая! Девочки все одинаковые. А если они послушные и так мило раздвигают ножки, как ты... Но такие скромницы, как ты, встречаются теперь не часто...

— Но какая же я теперь скромная?

— Ха! Ха! Дурочка! Ведь любая девчонка проходит через это.

— Но я просто забыла закрыть входную дверь, — лепечет Дженни. Не слушая, Джо поворачивается и щекочет ее лобок, перебирая мягкий девичий пушок. И та, хихикая, привстает на коленки и ложится на парня. Сосед выгибается, рукой поднимает напряженный член и направляет его во влагалище. Дженни довольно дрыгает ногами...

Вечером он снова приходит в спальню Дженни. Сразу снимает трусы, обнимает сидящую перед зеркалом девушку и страстно шепчет:

— Пошли в кроватку!

Вздрагивая от желания, он прижимается горячими губами к ее шее.

Дженни — в одной коротенькой нижней сорочке. Джо поспешно снимает сорочку и, подхватив на руки, кладет девушку в постель.

— Не волнуйся, киса... я отпущу тебя через часок... шире ножки, киса...

Дженни не без удовольствия раздвигает ноги и подчиняется мужской похоти.

Когда часы пробили полночь, Дженни попыталась высвободиться, но Джо, прерывисто сопя, продолжал обрабатывать девушку.

Потом, крепко обнявшись, они уснули.

Джо настолько овладела похоть, что однажды, удостоверившись, что дома никого нет, он вошел к Дженни днем.

Она в это время читала интересную книгу, склонившись над столом и опершись коленом на сиденье стула.

Джо подкрался к ней сзади и, обняв одной рукой за талию, другой стал крутить ее груди.

— Ой, я опять забыла запереть двери!

— Кто же их запирает днем? — удивился Джо.

Он потянул ее в постель. Дженни удивилась:

— Но я читаю и сейчас день... подожди до вечера.

Целуя ее в шейку, он прошептал:

— Я стосковался по девочке... понимаешь...

Она не соглашалась:

— Ну, оставь меня... я все равно не лягу, пусти...

Тогда, видя, что она не пойдет в спальню, он решил обойтись без постели.

Задрав ее рубашку, он попросил Дженни еще больше нагнуться и воткнул стоящий член в девичью промежность. Причем так умело воткнул, что ни одна капля не пролилась мимо.

Дженни хихикнула, забавляясь его находчивостью, и, нагнувшись и раздвинув ноги, предоставила ему возможность действовать в полное его удовольствие. При этом она не выпускала из рук книги, чем ужасно рассмешила Джо. Наконец и она загорелась. И он заставил ее взять в губки еще влажный кончик члена.

Пососав, она, повинуясь развратному капризу парня, все же пошла в спальню.

И он принялся изобретать всевозможные способы, чтобы расширить и углубить и без того вместительное влагалище. Парень заставил присесть Дженни на корточки и снизу подкармливал свою лошадку обильными излияниями. Потом садился ей на живот и водил членом по ее грудям, касаясь шеи. Наконец, благодарно поцеловав девушку, он сказал:

— Видишь, как хорошо позабавились днем. Помни, что от занятий всегда нужно отдыхать… а пока до вечера. И не забудь… закрыть двери, киса!

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОЦЕЛУЕ

Вспоминает мужчина: Едва ли иное какое занятие любовью можно считать символом взаимности.

Правда, иногда я не расположен к этому, особенно когда начинаю с кем-то новеньким. Тогда я предпочитаю просто целоваться и обниматься стоя до тех пор, пока мы не устроимся более удобно, что обычно вскоре случается. Затем я становлюсь на колени так, чтобы мой рот оказался на уровне гениталий новенького, а руки могли бы дотянуться до его груди и ягодиц, вот почему я предпочитаю, чтобы он стоял, а не лежал или сидел.

Предпочитая мягкость и гармоничность в занятиях любовью, я всегда предварительно смазываю член обильной слюной, прежде чем приступить к делу. Языком отодвигаю крайнюю плоть с головки, а затем начинаю лизать и сосать ее, варьируя силу, скорость и давление. Так как я сам парень, то знаю, как нарастает степень максимального удовольствия у моего партнера. Знаю, что только за несколько секунд до того, как он будет кончать, нужно прекратить стимуляцию.

Иногда, если я действительно чувствую настоящий интерес к парню и убежден в его чистоплотности, помимо обычного сосания, я пользуюсь ртом и языком, чтобы добраться и до его ануса. Это возбуждает и меня, и обычно я пускаю в дело свободную руку, чтобы мастурбировать, так что я кончаю одновременно с парнем.

Когда я имею постоянного партнера, мы занимаемся оральной любовью длительное время. Раздеваемся... Мы имеем коллекцию курток, сделанных из мягких тонких материалов. Предпочитаю, чтобы мой партнер надевал куртку из тончайшей замши. Это очень возбуждающая картина — видеть его в тонко облегающем наряде, из-под которого торчит эрегированный член. Какое наслаждение сосать его! Это ощущение настолько захватывает меня, что партнеру невозможно долго оттягивать наступление оргазма. Напротив, когда мы занимаемся взаимным сосанием, он, как правило, кончает не так быстро.

Я должен сказать, что оральный секс является важной частью нашей любовной жизни. Я знаю несколько парней, которые говорили, что они видят в использовании рта замену влагалища. Многие не идут на оральный секс, и это хорошо для них. Я не вижу в этом единственного способа, я просто считаю рот более многосторонним, нежели влагалище.

Некоторые женщины открыто признают и принимают оральный секс, но я сомневаюсь в их искренности. Во всех статьях, которые мне приходилось читать по этому поводу, создается впечатление, что им дороже всего, что извергается из постоянно

домогающихся их бедных членов парней. На мой взгляд, если они ценят только это, им лучше проводить вечера в ресторане. Я даже читал об одной даме, которая обожала втирать измельченное имбирное мороженое себе во влагалище — мне это кажется настоящим садизмом.

У меня было несколько случаев сосания члена женщинами, но я думаю, что для них это некоторая разновидность эксгибиционизма или уступки любовнику. Ни одна из них не выказала ничего даже близкого той степени мастерства, каким владеют мужчины.

Они невпопад останавливаются и просто капризничают обычно в самые напряженные моменты. Я был даже награжден однажды оплеухами (мне попалась женщина, которая совершенно не имела понятия о такого рода стимуляции члена).

Что необходимо, чтобы осуществить удачное сосание, — это энтузиазм, плюс мастерство, плюс понимание всех чувственных нюансов. Тут должна быть совершенно необыкновенная женщина, которая могла бы заключать все это в себе, ну а если она не готова взять член, то как она может понять, как все это осуществить?

Нет, как я и говорил вначале, для меня наибольшим удовольствием в моей сексуальной жизни является получать от него или награждать оральным сексом мужчину, которого я люблю.

Вспоминает женщина:

Я обожаю член моего парня настолько, что временами могу спустить только от одного сосания,

пользуясь ртом — губами, языком, — подобно мягкому, умелому, способному на контроль влагалищу. Иногда меня привлекает взаимная оральная связь, но в большинстве случаев я предпочитаю сольную роль, оставляя партнера полностью пассивным. Таким образом, моя любовная энергия концентрируется на том, чтобы наградить его удовольствием.

Когда у меня появляется желание взять член в рот, я все проделываю медленно и обстоятельно. Я полагаю, что тот же самый принцип заложен в стриптизе. Если бы актриса появлялась на сцене и сбрасывала свое платье меньше чем за две секунды, то тут не было бы времени, чтобы создать даже минимальное возбуждение. Поэтому мы начинаем медленно.

Мы с партнером оба совершенно голые, я лежу на нем. Он неподвижен, а я двигаюсь по нему очень нежно. Касаюсь его лба, целую лицо, сосу мочки ушей. Теперь его член уже эрегирован, и я сжимаю его между своих бедер и двигаюсь вверх-вниз попрежнему очень медленно. Это возбуждает нас обоих, и я орошаю его моим любовным соком. Позднее я сама попробую этот напиток — он необычайно ароматен.

Теперь ритмично, сантиметр за сантиметром, я начинаю скользить вниз, сохраняя контакт с телом партнера с помощью рук и рта.

Некоторое время ласкаю его соски круговыми движениями языка, постепенно уменьшая круги до тех пор, пока соски не набухнут, и начинаю сосать их, слегка ударяя языком. Все это проделы-

ваю ласково, нежно, потому что соски очень чувственны.

Затем я перехожу к поцелуям внутренней стороны бедер, после чего подкладываю подушку под ягодицы так, чтобы добраться до анальной зоны, — части его сексцентра, скрытой для языка и рук. Провожу языком вдоль щели. С необычайной осторожностью беру краем рта его яйца, и мой язык совершает круговые вращения. Затем поднимаюсь по стволу члена и начинаю лизать головку. Рука следует вслед за ртом.

Становлюсь на колени между ног партнера, беру головку члена в рот: эта наиболее нежная часть члена, и мой язык двигается вверх-вниз по головке.

Так как мой рот все больше и больше захватывает ствол члена, руки освобождаются, и я начинаю ласкать яйца, двигаясь вдоль промежности. На некоторое время я выпускаю член изо рта и просто лижу его, обращая наибольшее внимание на особо чувствительные части головки.

После этого мои мускулы немного отдохнули, расслабились, и я снова беру член в рот. Усиливающаяся дрожь является признаком начала спазм — партнер уже близок к оргазму. И, разумеется, я проглатываю каждую пахучую каплю его любовного извержения...

Журнал «Клаб интернейшнл»

ВОЗМЕЗДИЕ

Я почти уверен в том, что мои слова ни в ком из вас не встретят серьезного отклика. Может, правильней было бы не высказывать суждения, столь далекого от идей, которыми живет наш век. Однако я не стану противостоять искушению и все-таки выскажу этот несовременный взгляд: я уверен, в жизни существует возмездие.

Не потому, что мне хотелось бы надеяться на отмщение как человеку, на самом себе испытавшему неотвратимость судьбы и подведшему черту под случившимся событием жизни... но не буду больше говорить об этом. Перейду прямо к рассказу о трагическом происшествии, печальный след которого тенью пал на всю мою жизнь.

Пусть не обманет никого несколько фривольное и слишком отступающее от салонных тем содержание моего рассказа... Впрочем, довольно предисловий.

Мне было 28 лет, началась война, которую в непонятном ослеплении мы так долго называли великой. Мой дед и мой отец были военные, и я с

детства впитал в себя убеждение, что высшее проявление благородства человеческого есть военная доблесть. Когда мобилизация оторвала меня от семьи, я ушел на фронт с чувством радостно исполняемого долга. Оно было так сильно, что моя жена готова была почти разделять эту горделивую радость.

Мы были женаты три года, спокойное нежное чувство людей, не слишком страстных, но любящих друг друга крепкой любовью, реальной любовью здоровых людей, не имеющих связи на стороне, не успело еще остыть, и разлука стала быстро тягостной для меня. Однако на фронте, вдали от жены, я остался безупречно верен ей. Пожалуй, во многом это можно объяснить тем, что, рано женившись, я не поддавался влиянию слишком легкомысленной и пустой жизни, которой жили мои однополчане.

Только в начале второго года войны мне удалось получить отпуск. Я вернулся из него точно в назначенный день, лишний раз укрепив репутацию не только хорошего, но и педантичного аккуратного офицера.

Мои успехи по службе умеряли до некоторой степени разлуку с женой, если говорить честно, отсутствие женщин вообще.

К весне 1916 года я был уже одним из адъютантов Верховного главнокомандующего. За несколько дней до наступления знаменитого Брусилова я получил предписание срочно приехать в штаб Западного фронта с самыми важными документами. От своевременности и сохранения тайны могла зависеть судьба всей кампании. В мои руки доверяется судьба массы людей.

Передвижение войск не могло дать мне вагон раньше следующего дня. Нельзя было думать о промедлении — я выехал обычным поездом, чтобы в Гомеле пересесть в киевский скорый, идущий в Вильно, где стоял штаб фронта, куда я направлялся. Отдельного купе в вагоне первого класса не оказалось. Проводник внес мой чемодан в ярко освещенное четырехместное купе, в котором находилась всего одна пассажирка. Я старался не смотреть слишком навязчиво, но успел-таки заметить тонкое, как бы чем-то опечаленное лицо, глухо закрытый с высоким воротником костюм показался мне траурным. Мысль остаться с этой женщиной вдвоем почему-то смутила меня. Желая скрыть это неожиданное чувство, я самым безразличным тоном спросил проводника:

— Где здесь можно напиться кофе?

— В Жлобине, через два часа. Прикажете принести?

Он хотел поместить на верхнюю полку чемодан, в котором лежал пакет с приказом о наступлении. Я испугался и так резко и неожиданно схватил его за руку, что, сделав неловкое движение, он внезапно углом чемодана разбил электрическую лампочку. Я увидел, как женщина вздрогнула от громкого звука лопнувшего стекла. С бесконечным количеством извинений проводник постелил постель, зажег ночную синюю лампочку и вышел. Мы остались вдвоем.

Еще полчаса назад, ожидая на перроне гомельского вокзала прихода поезда, я мучительно хотел спать, мне казалось величайшим блаженством вытя-

нуть ноги и склонить голову на чистое полотно подушки. Теперь сон совершенно покинул меня. Я старался разглядеть в полумраке лицо женщины и чувствовал, что неожиданное ее присутствие воспринимается мною именно как присутствие женщины. Как будто невидимый неотступный ток установился между нами. Впрочем, я ощутил его лишь потом.

Вначале я решительно терялся от своей ненаходчивости. Я хотел и не знал, как мне с ней заговорить. В синем свете ночника едва белеющее лицо женщины казалось красивым и значительным, и я невольно ждал того момента, когда она начнет раздеваться. Но она спокойно, будто не обращая на меня никакого внимания, смотрела в окно, повернув тонкий профиль, казавшийся в полумраке печальным.

— Простите, вы не знаете, где здесь можно напиться кофе? — спросил я наконец, чувствуя всю нелепость этого вопроса. Она молчала, и мне показалось, что улыбка тронула ее губы. Внезапно решившись, я пересел на диван. Она не отодвинулась, только слегка отстранила голову как бы для того, чтобы лучше разглядеть меня. Тогда осмелев и уже не пытаясь найти слов, я протянул руку и положил ее на подушку около талии. Она резко пересела дальше, и вышло так, что ее бедро крепко прижалось к моей протянутой руке. Кровь ударила мне в голову. Долго сдерживаемое желание заставило меня, не рассуждая, не задумываясь над тем, что я делаю, обнять гибкую талию. Женщина отстранилась, уперлась мне в грудь руками и в слабом синем

свете лицо ее бледнело нетерпеливым призывом. Не владея собой, я стал покрывать это лицо поцелуями, и она сразу сникла, опустившись в бессилии на подушку. Склонясь над ней, я все еще не осмеливался прижаться губами к ее алеющему рту. Но против воли, совсем инстинктивно рука моя забиралась все выше и выше по туго натянутому чулку. Мои пальцы вздрагивали, и ответная дрожь пробегала по неподвижно лежащему женскому телу. Когда за смятыми поднятыми юбками над черным чулком показалась полоса белого тела, она блеснула ослепительней, чем если бы в купе загорелась разбитая проводником лампа. И тут, наконец, я понял, что женщина отдается: ее голова и туловище все еще в бессилии лежали на подушках, она закрыла лицо руками и была совершенно неподвижна, настолько, что уже никакая дерзость не в состоянии была встретить тут отпора. Ноги беспомощно свешивались к полу и нестерпимо резала взгляд белизна тела между чулками и легким батистовым бельем.

Тело думало за меня. Тяжелая тугая кровь налила мои члены, стеснила дыхание. Я чувствовал, как невыносимыми тисками мешает мне закрытое на все пуговицы военное платье. Как будто постороннее, не зависящее от моей воли тело с силой и упорством стальной пружины просится на свободу. Незаметным движением я выпустил его на свободу, расстегнув пуговицы. Рука моя уже без дрожи прошла расстояние, отделявшее первую полосу открытого тела от места более потаенного и пленительного. Мои пальцы чувствовали через тонкое белье гладкий, как у совсем юной девушки, живот, кос-

нулись нежного упругого холмика, которым он заканчивался... Я предчувствовал уже, как через несколько мгновений утону в этом покорном, свежем, как спелое яблоко, теле, и в эту минуту заметил, что дверь в коридор не совсем плотно захлопнута. Закрыть ее на замок было делом нескольких секунд, но и их хватило, чтобы освободить для грядущего наслаждения ту часть моего тела, которая была значительно более нетерпеливой, чем я сам.

Никогда до того дня не испытывал я припадка такого всепоглощающего сладострастия. Как будто изо всех пор моего существа, от ступней, ладоней и позвонков вся кровь с бурной силой устремилась в единственный канал, переполняя его, подняв с силой на высоту, еще небывалую. Я чувствовал, что каждая минута промедления наполняет меня страхом, боязнью, что телесная оболочка не выдержит напора кровяной волны и в недра женского тела вместе с семенной влагой потечет горячая алая кровь.

Я поднял по-прежнему сжатые ножки, положил их на диван и, окончательно приведя в необходимое состояние свой костюм, вытянулся около женщины. Но скомканный хаос тончайшего батиста мешал мне. Думая, что это сбившаяся слишком длинная рубашка, я резким движением свернул ее кверху и сейчас же под еле ощутимым покровом ткани почувствовал шелковистую нежность мягких курчавых волос. Мои пальцы коснулись покрытой батистом ложбинки, прижались к ней, скользнули в ее глубину, которая раздалась с покорной неж-

ностью. Как будто я дотронулся до скрытого невидимого замка — тотчас же вздрогнули, согнулись в коленях и разошлись сжатые ножки... Мои ноги без усилия разжали их до конца. Капля влаги, словно слеза, молящая о пощаде, проступила через батист на мои руки.

Меня переполняло предчувствие неслыханного наслаждения, невозможного в семейной жизни. Но эта семейная жизнь связала меня. Она не дала достаточно опыта, чтобы справиться с секретом женских застежек. Я бестолково искал каких-то кнопок, чтобы устранить последнюю преграду, я тянул какие-то тесемки — все было тщетно. Вне себя от нетерпения, я готов был просто порвать в клочки ненавистный лоскут батиста, когда в дверь резко постучали. Не хватит сил описать мое раздражение, когда проводник сказал, что скоро станция и можно напиться кофе. Я грубо сделал ему замечание, что нельзя ночью из-за таких пустяков будить пассажиров. Он обиделся, и пререкания с ним заняли несколько минут.

Когда я вернулся в купе, в позе женщины не произошло, по-видимому, никаких изменений — ее замкнутые руки так же закрывали лицо, по-прежнему белели обнаженные ножки. Я по-прежнему хотел этого тела, хотя уже не было прежней жажды, поборовшее меня нетерпение исчезло настолько, что я почти испугался, когда, приникая снова к этому телу, почувствовал, что устранено последнее препятствие к обладанию им, курчавый шелк необыкновенно приятных пушистых волос был открыт, мои руки свободно коснулись таинственного возвы-

шения, я легко скользнул в эту теплую влажную глубину. Но, увы, это была только рука, все остальное будто потеряло охоту погрузиться следом за ней.

Соблазнительная прелесть ножек была теперь широко раскинута, так, что одна из них падала на пол, не давая мне другого места, как среди уютного беспорядка... Женщина ждала, и я не мог обмануть ее ожидания, но в то же время не было никакой возможности дать быстрого и убедительного ответа. Острый унизительный стыд охватил меня, стыд, доходящий до желания сжаться в комок, стать меньше и незаметнее, но с какой дьявольской поспешностью на это желание откликнулась всего одна часть моего тела, та самая, которая повергла меня в этот стыд. Больше я не мог сомневаться — это был крах, банкротство, позорный неискупительный провал. Я не мог сознаться в этом, моя рука продолжала ласкать тело женщины, она с деланным жаром проникала к его поверхности, она дерзала даже прикоснуться к самому чувствительному его тайнику и строжайшему выходу, жаждущему, чтобы его закрыли. Я, имитируя внезапно угасшую страсть, отнял маленькие женские ручки от лица, увидел крепко сжатые ресницы и рот, стиснутый нетерпением. Я впился в этот рот искусственным поцелуем, и тонкая рука закинулась за мою шею, прижала меня к себе. Другая, свободная рука упала вниз, летучим прикосновением прошла по беспорядочному костюму, коснулась... впрочем, нет, она ничего не коснулась, весь ужас в том, что у меня не осталось даже ничего, чего могла бы с некоторым удовольствием коснуться женская рука.

Да, да, я сжался в комок, я съежился от стыда, и женщина поняла. Она сделала движение, желая сесть, но я не хотел признаться в поражении.

Я не мог поверить, что страсть, только что столь необыкновенная, могла покинуть мое тело бесповоротно. Я надеялся поцелуями вернуть ее прилив. Я насильно разжимал упорно сжатые губы, впивался в них языком. Очевидно, я был ей просто противен. Я хотел приподняться, однако руки не пускали меня, они с силой пригнули мою голову, и подбородок прижался к овалу груди. Твердый, как крохотный кусочек резины, сосок вырвался из распахнутой блузки, и я почувствовал опять прилив в застоявшихся истомой икрах.

Я целовал это темное острие с исступлением, с жадностью и всю крохотную, как большое яблоко, грудь втягивал с поцелуем в рот и чувствовал, как груди набухают, делаются полней от томящего желания. Руки женщины все более настойчиво отталкивали мою голову, я вдруг услышал приглушенный голос, с трудом прошедший сквозь губы:

— Поцелуйте хоть меня...

То были первые слова, произнесенные ею за весь вечер. Мой рот потянулся к губам, яркая краска которых алела под слабым светом ночной лампочки. Но она с особенной силой прижала мою голову к своей груди, толкая ее еще дальше вниз, а сама быстрым движением передвинула тело по скользкой подушке, и я опять услышал измененный задыхающийся голос:

— Да нет, не в губы. Неужели вы не понимаете? Поцелуйте меня там...

Я действительно едва понял. Конечно, я слышал о таких вещах. Немало анекдотов рассказывали на эту тему мои сотоварищи. Я даже знал название французской кошечки. Но я никогда не представлял, что это случится в моей жизни.

Руки женщины не давали мне времени на изумление, они впились ноготками в кожу под волосами, ее тело поднималось все выше и выше, ноги разжались, приблизились к моему лицу, поглотили его в тесном объятии. Когда я сделал движение губами, чтобы захватить глоток воздуха, острый, нежный и обольстительный аромат опьянил меня. Мои руки сжали в судорожном объятии мальчишеский торс, а язык утонул в поцелуе, бесконечно сладострастном, заставляющем забыть все на свете. Больше не было стыдно.

Тонкий и острый аромат дышал у моих жадно раскрывшихся ноздрей, мои губы впитали в себя, сами тонули в непрерывном лобзании, томительном и восхитительном. Тело женщины изгибалось, как лук, туго натягиваемый тетивой, и влажный жаркий тайник приникал в бесчисленных поворотах все вновь к моим поцелуям. Как будто живое существо, невиданный оживший цветок небывалой прелести, впитывал в себя все безумие страсти, неведомой мне до 28 лет. Я плакал от радости, мои щеки, мой рот были влажны...

Возможно, что то не были слезы. Мой язык плавал в блаженстве и содрогался от радости, чувствуя, что женщина готова замереть в судорогах последней истомы.

Легкая рука, ласково спрашивая, пробежала по

моему телу, на секунду задержалась на тягостно помертвевшей его части, сочувственно и любовно пожала бесполезно вздувшийся клубок кожи. Так, наверное, ласковая девочка слегка прижимает ослабевшую оболочку мячика, из которого вышел воздух. И эта дружественная ласка сделала чудо. Это было буквально пробуждение из мертвых, неожиданное и стремительное воскрешение Лазаря. Сперва чуть заметно тронулась его голова, потом слабое движение прошло по всему телу, наливая его первой свежей кровью. Он вздрогнул, выпрямился, качнулся как бы от слабости и вдруг встал во весь рост. Желание благодарно поцеловать исцелившую меня женщину переполнило мою грудь. Я сильно прижался к бархатной коже ножек, оставляя на них следы влаги, потом оторвался от ее источника, его ароматная теплота дохнула в лицо воскресшего Лазаря — и жадный нетерпеливый, мучительно сладострастный тайник поглотил его в свои недра.

Наслаждение было мгновенно как молния и бесконечно как вечность. Все силы моего ума и тела соединялись в желании дать как можно больше радости полудетскому телу, сплетавшему меня своими объятиями. Ее руки сжимали мою шею, впивались ногтями в мои руки, касаясь волос, не забывая о прикосновениях более интимных и восхитительных. Не было места, которое не чувствовало бы их прикосновений. Будто бы у нее стало несколько пар рук и ног. Я сам чувствовал невозможность выразить двумя руками всю степень страсти в моменты, когда пальцы бродили по спелым яблокам наливавшихся ее грудок, было мучительно, что я не имею

еще рук, чтобы ими ближе, теснее прижать к себе обнимавшие меня бедра. Я хотел бы, как спрут, иметь четыре пары рук, чтобы ими впить в себя ее тело. Мгновение или вечность продолжались эти объятия — я не знаю. Внезапно, обессиленные, мы одновременно разжали объятия, замирая от счастья и томления, и я заснул рядом с ней почти мгновенно. Не знаю, как долго я проспал.

Разбудил меня осторожный шорох, когда иногда в самой глубокой тишине может разбудить слабое царапанье мыши. Еще бессознательно я приоткрыл глаза и увидел, что женская фигурка, наклонившись над полом, как будто ищет чего-то или желает прочесть при слабом свете. Рядом с ней никого не было, я быстро приподнялся, но в тот же миг раздался испуганный крик:

— Не смейте смотреть, отвернитесь, я раздеваюсь!

Мне трудно было удержаться от смеха. Эта неожиданная стыдливость после всего, что произошло, была слишком забавна. Но я послушно закрыл глаза с чувством некоторого удовольствия, которое всегда доставляет нам мысль, что мы овладели женщиной, не слишком доступной и не лишенной стыдливости. И как только мои веки опустились, я снова почувствовал присутствие непобедимой дремоты. Однако женщина не дала мне уснуть, прежде чем я ушел на свою постель. Я разделся, вымыл лицо водой и погрузился в неясную прелесть сновидений.

Ни одного из них не запомнилось мне. Бывает так, что целый сон осеняет наш ночной покой, сменяясь радостным и быстрым чередованием, которое со-

5 Зак. 623

ставляет смутно волнующее воспоминание полноты и свежести счастья. Мне врезался в сознание лишь последний из них. Мне грезилось, что ранним утром я лежу у себя в комнате, где прошли мое детство и юность. Я сам еще юн, мне не более семнадцати лет. Я только что пробудился, и мне лень открыть глаза, но и через опущенные веки я чувствую, как сквозь прикрытые ставни врывается в комнату солнечное золото и в сверкающих полосках пляшут серебряные пылинки. Крошечный ласковый котенок играет, бегая по моему телу. Движения его бесшумны и осторожны, как будто он боится разбудить меня. Маленькие лапки щекочут кожу. Вот он пробегает по ногам, остановился будто в раздумье: идти или свернуться клубочком. Теперь, приоткрыв глаза, я ясно вижу его любопытную и смеющуюся мордочку. Он делает грациозные движения, но вдруг в узких зернышках зрачков загорается игривый интерес — он увидел что-то привлекательное, оно так близко от его мордочки, что, не меняя позы, можно достать, надо только протянуть лапку. Какая забавная игрушка! Он быстро и шаловливо касается ее и смотрит, как она слегка качнулась. Котенок заинтересован. Осторожно приподняв этот смешной предмет, он заглядывает дальше, чтобы узнать, что там. Это необыкновенно интересно! Забавная игрушка, словно угадывая его желание, немного поднимается, как живая. Он быстро ударяет ее лапкой и, выгнув спину и взъерошив шерсть, готовится защититься. Это оказывается совсем не игрушка. Оно обиделось за его дерзость, встало во весь рост и оказалось больше, чем сам котенок. Он напуган, но

его мучает любопытство. Кто знает, может, этот свежий красный кусочек съедобен. Враг не хочет нападать, он не обращает внимания на пристальный взгляд узких зрачков, опять готов уснуть. Тогда, внезапно осмелев, котенок решается попробовать шершавым язычком вкус незнакомца. Он осторожно облизывает похожий на что-то съедобное кусочек, который вытягивается так далеко, что приходится вставать на задние лапки, чтобы снова коснуться его язычком. Маленькие лапки с нетерпением перебирают по моей коже и коготками чуть-чуть царапают мне бедро и живот. Внезапно во мне пробудилось сознание, я увидел совсем освещенное зарею купе, поезд стоял.

Женская мордочка, любопытная и смешливая, как у котенка, смотрела на меня. Незнакомка (ведь я даже не знал ее имени), сидя на постели и облокотившись на столик, разделявший диваны, наблюдала за мной. Теперь я мог наконец рассмотреть ее лицо. Оно было по-детски узко и розово. Может быть, свет зари придавал ему молодой и утренний блеск. Первые лучи солнца падали на короткие кудри, как у красивого мальчика, дробились в них тысячами искорок, а в голубых глазах ее светилась мальчишеская шаловливость.

Я проследил направление голубых глаз и почувствовал, что краснею: одеяло было откинуто, снятое белье почти до пояса открывало тело. Это было не совсем скромное зрелище, совсем напротив... Но это зрелище не смутило мою соседку, ее рука перебирала пальцами, чуть-чуть царапала бедро и живот. Мгновенно сон покинул меня. Она сразу прочла это

по той искре, которая одновременно вспыхнула и в ее глазах и под рукой.

Раздался мелодичный и совсем тихий смех.

— Наконец-то, можно ли быть таким соней!

Я хотел потянуться к ней, но она предупредила мое желание.

— Не надо, я хочу к вам...

Она быстро перебросила свое тело ко мне на диван. Я остался лежать неподвижно. Она села в ногах по-турецки, подобрала ступни розовых ног и с улыбкой смотрела мне в лицо. Острия полудетских грудей слабо виднелись сквозь батист рубашки, такой короткой, что она оставила совсем открытыми ее ножки. Блестящие ноготки на них прижимались к полотну простыни, круглые колени слегка приподнимались и безупречной чистоты линии вели от них к бедрам и розовому мрамору гладкого живота. Там, где эти линии готовы были соединиться, на меня смотрел, разделяя их, большой удлиненный глаз. Он не был светел и смешлив, как глаза женщины. За густой тенью приподнятых ресниц его глубокий взгляд пристально и серьезно смотрел мне прямо в глаза. Я не мог оторвать их от продолговатого, слегка расширенного разреза, из которого выглядывал неправильной формы зрачок. Казалось, этот глубокий взгляд таинственно и неслышно дышит, чуть заметно суживаясь и расширяясь... это дыхание приоткрывало какую-то неведомую глубину, давало видеть самое сокровенное существо женской души. Да, да, именно так мне казалось, что сама душа женщины пристально и зовуще смотрит на меня, увеличивая особую красоту по-турецки сло-

женных ножек. Этот настойчивый взгляд потрясал меня, по всем моим членам пробегали искорки желания, и зажженный ее огнем светильник вздыхал огненным языком пылающего тела.

Наслаждаясь волнением, которое она читала в моих глазах, Елена — она уже после сказала мне свое имя — сделала легкое движение, приподнялась на коленях, и мерцающий, гипнотизирующий меня взгляд стал еще глубже, расширяясь с нетерпеливым вниманием. У меня не было силы пошевелиться. Я ждал, Елена придвинулась ближе, круглые колени крепко и ласково охватили мои бедра, она стала медленно приподниматься, и я знал, что через секунду наступит наслаждение, столь же сильное, как и испытанное несколько часов назад. Я ждал, затаив дыхание...

Я почти ощущал, как рука моя погружается в наслаждение. Но едва коснувшись зрачком той точки, которая жаждала погрузиться в его глубину, Елена быстро спустилась ножками на обнаженное тело и стала гибкими кошачьими движениями приближаться ко мне. Не знаю, сколько времени продолжалась эта пытка блаженства. Как будто ни одной минуты тело женщины не оставалось неподвижным, и в то же время изгибы ее были так вкрадчивы и медленны, что, казалось, я никогда не смогу больше увидеть взор, так долго томивший меня. Женщина приближалась, прижимаясь к коже живота, груди, плеч, все так же обнимая меня коленями... и вдруг я ощутил у себя на губах густые шелковые ресницы. Припухшие веки закрыли мой рот и розовый требовательный зрачок коснулся

моего языка... О, теперь я не был безрассуден и нетерпелив, как ночью. Я умел уже рассчитывать на нежность и силу своих ласк. Я знал, какие наиболее отзывчиво, пленительно и послушно откликаются на зов моей страсти, почти жестокой от невозможности найти себе утомление.

Елена сжалась надо мной. Внезапно ее тонкая талия надломилась, руки упали к моим коленям, мои бедра на мгновение ощутили упругость ее груди, и с невыразимым содроганием всего существа я почувствовал ответную ласку. Она была непередаваемо сладостна — ножки Елены сжимали мою голову, ее ноготки бессознательно царапали мне ноги, ее ротик ласкал вибрирующую от наслаждения кожу бесчисленным количеством поцелуев, легких, мгновенных и влажных. Теперь горячие губы впились в мое тело, которое исчезало за их мягкой тканью так, что я чувствовал прикосновение острых зубов, шутливо прижимающих при поцелуе напряженное тело. Я отвечал им с исступлением, момент сильнейшего упоения приближался, тело женщины изгибалось в пароксизме страсти, руки рвали полотно простыни. Вдруг она ослабела. Ее губы оторвались, ножки разжались и безжизненное тело распростерлось около меня... Ее горячая щека лежала у меня на бедре.

Я все еще не был утомлен. Я хотел возобновить ласку, но ее умоляющий голос остановил меня:

— Нет, нет, подожди, дай мне прийти в себя...

Медленно протекали минуты. Солнце поднялось над горизонтом, и шелк волос на теле женщины отливал золотом так близко, что дыхание слегка

шевелило их нити, на которых влага блестела, как роса на утренней траве. Елена приподняла голову и сейчас же опять откинулась, вытянув ножки. Уютная теплота во впадинке под коленкой притянула мои губы.

Это прикосновение пробудило Елену от ленивого утомительного покоя. Мелодичный тихий смешок мешал ей выговорить:

— Ой, ой, оставь, я боюсь... ой, не могу... ха, ха, ха, пусти, я боюсь щекотки...

Слова путались со смехом. Она извивалась, сбивая в клубок простыни, касаясь моего лица то пушистым золотом волосков, то нежным валом коленок и розовым перламутром ноготков на небольших ступнях. Наконец упругие пятки забили с чередованием по моей щеке, и она вырвалась. Одним прыжком она снова очутилась у меня в ногах, оправила рубашку... и я понял, насколько она устала от той полноты утомлений, которую впитала.

— Еще нет? Бедненький! Тебя обидели, о тебе забыли... — Она говорила не со мной, она обращалась прямо к тому, кто смотрел ей в лицо взором полным желания.

— ...Прости миленький, прости глупенький... иди ко мне, ну вот так, сюда...

Опять круглые колени охватили мои бедра, красный язычок выглянул из маленькой жадной пасти. Жаркий зов ее приблизился к горящему перед ним светильнику. Влажное тело дышало возле воспаленного его венчика. Я видел по лицу Елены, что она опять поддается опьянению. Ноздри раздувались, полузакрытые глаза мерцали глубокой и почти

бессознательной синевой. Рот приоткрылся, обнажая мелкий жемчуг зубов, сквозь которые доносился взволнованный шепот:

— Ну, иди... так... теперь хорошо... Нет, нет, не спеши...

Она не только звала, ее рука вела за собой, указывая путь и не пуская дальше, удерживая в глубине своего тела часть моего существа, не давая ему погрузиться совсем в блаженство.

Она вытянула ножки так, что они оказались у меня под мышкой, и откинулась назад всем корпусом. Села на мои колени. Я готов был закричать от невыносимой боли, и в то же время восторг острого наслаждения пронзил меня. Наверное, Елена испытала боль. Ей трудно было говорить:

— Подожди, подожди... еще несколько секунд... Это так восхитительно... Мне кажется, что я сейчас поднимусь на воздух...

И она делала движение, как бы желая приподняться, чтобы облегчить напряжение живой пружины, и снова откидывалась назад, испытывая облегчение. О, это была непередаваемая пытка страсти. Не знаю, смог бы я выдержать до конца, но в то же время, когда Елена, опершись ладонями и, помедлив немного, собиралась откинуться снова на мои колени, раздался лязг буферов, сильный толчок рванул поезд, руки женщины не выдержали падающего тела и она всей тяжестью опустилась на меня, поднимая до самых своих глубин мое, жаждущее минуты последнего слияния тело. Ритм быстро несущегося поезда удесятерил степень моих ласк, и эта последняя минута наступила. Елена

заснула в моих объятиях, розовонежная и обнаженная.

В Вильно поезд пришел около полудня. Я не нашел в себе мужества расстаться с этой внезапно появившейся в моей жизни женщиной. Мысль о разлуке казалась мне дикой и нелепой, все мои силы, мысли, чувства, желания были пронизаны ею.

Вожделением нельзя было насладиться. Особенный приступ я испытал, когда Елена оделась и я увидел ее в строгом черном платье и в густой черной вуали глубокого траура. Контраст этого печального одеяния с теми минутами, каждую из которых помнили все клеточки моего тела, был так соблазнителен, что мне осталось тут же в купе еще раз овладеть ею. Но она резко отстранилась, как будто этот костюм напомнил ей что-то. Тень чего-то не позволяла ей быть прежней. Меня наполнил страх, что в конце дороги окончена наша близость. Я спросил:

— Мы остановимся вместе? Я бы очень хотел.

Мой страх был напрасен — она согласилась, и еще по дороге в гостиницу «Бристоль» я мог убедиться, что она не хотела забывать о моем теле. Ее рука настойчиво укрывалась под складками длинного френча. Я ощутил через двойную ткань одежды ее теплоту. Потом она стала осторожно устранять покровы, мешавшие более интимным прикосновениям. Мы ехали в открытом автомобиле. Она — не слишком близко ко мне. Узкий овал лица под густой траурной вуалью был печален и строг. Ни один человек, глядя на нас, не мог бы заподозрить ничего

похожего на самую мельчайшую вольность, в то же время неумолимая рука женщины гладила, сжимала, щекотала и играла моим телом, как игрушкой, забавной и бесчувственной. Не знаю, каково было выражение моего лица, когда мы вошли в вестибюль гостиницы.

Наши тела слились, как только закрылись двери за коридорным, принесшим наши вещи. И еще много раз в течение дня возобновлялись наши ласки. Сейчас же, как только прошел порыв, охвативший меня при входе в номер, я осведомился по телефону, когда командующий фронтом может принять меня. Мне ответили, что он уехал для осмотра позиций под Ковно и вернется лишь на другой день.

Таким образом, в нашем распоряжении была еще ночь. Я твердо решил, что не расстанусь с этой женщиной. Что я буду делать, как сложатся наши отношения, как скрыть от жены — ничто не сознавалось мной с какой-либо ясностью. Я даже не знал, кто моя спутница. Ее траур подавал мне надежду, что она вдова. Судя по тому, как легко она согласилась занять одну комнату со мной, общественное мнение не пугало ее и не могло служить препятствием к продолжению нашей связи.

Остаток инстинктивной стыдливости, особенно в сочетании с совершенным бесстыдством, с которым она отдавалась, и разнообразием ласк, заставили ее не открывать мне, когда, вернувшись из парикмахерской, я постучал в дверь.

— Нет, нельзя, я не одета.

Я услышал возню передвигаемых вещей. Я настаивал, но она отказалась открывать дверь — рассерженно, почти испуганно, потом полушутливо:

— Я совсем раздета! Вы с ума сошли! Фу, какой стыд, ни за что!

Пожалуй, не стоит добавлять, что, как только я был допущен в комнату, эта стыдливость стала не такой строгой.

Мы все же довольно долго бродили по городу, заходили в старинный монастырь, блуждали по тенистым аллеям сада Капуцинос и даже совершили прогулку по быстрой реке, среди тенистых берегов. Наступал тихий и жаркий июньский вечер, когда мы с ней снова попали в «Бристоль», чтобы отдохнуть и переодеться. Нечего и говорить, что нам удалось только второе. Я все еще не в силах был смотреть спокойно, как из-под глубокого траура платья обнажается стройное тело, гибкое и молодое. Каждое движение его, выловленное моими глазами, немедленно передавалось безошибочным рефлексом по всему моему существу, сосредоточивая кровь, мускулы и силы снова и снова пробуждающимся желанием. Нет, нет, нам не удалось отдохнуть за эти полчаса, и в сиреневом сумраке вечера заметно было, как глубокие сладострастные тени легли у Елены под глазами... Эти глаза мерцали, вспыхивая отблеском пережитого наслаждения или потухая под тяжестью перенесенной усталости. Ее руки, ослабевшие от объятий, беспомощно повисли вдоль склоненного в непреходящей истоме тела. Заласканные мною колена сгибались лениво и бессильно.

Маленькие ступни едва влачились, и медленное их движение отчетливо обвивал вдоль мальчишеских бедер тяжелый шелк черного платья. Когда я следовал за его извивами, мне казалось, что я вижу обнаженные точеные линии икр. Лаская глазами уютные ямочки под круглыми коленями, я созерцал безукоризненный подъем бедер, увенчанный, как ореол сияния, чуть рыжеватыми волосами, над пушистым клубком которых вздымается розовый мрамор живота. Мне показалось, что я погружаюсь взглядом в полную наслаждения глубину таинственных тайников, в которых темнела едва прикрытая дверь, сжатая соединением нежной стройности ножек.

Но в это время усталость все более овладевала мной — она делала вялыми, ленивыми руки, сковывала внезапное движение ног и расслабляющей волной отлива проходила по икрам. Я начал опасаться повторения того странного и ужасного паралича, который так внезапно овладел мной накануне. Я хотел отказаться от ласк, чувствуя, как дремота начинает окутывать мое сознание, но в то же время мечтал о нежности объятий и трепетал от страха, что завтра, может быть, должен буду расстаться с Еленой. Мы рано пришли домой, поужинав у Шуманна, где на счастье удалось получить несколько бутылок вина. Я выпил его почти один, потому что Елена сделала несколько глотков шампанского и больше не хотела пить.

— Ты не даешь мне прийти в себя, я пьяна и без вина.

— Нет, теперь спать, я еле держусь на ногах, —

решительно отклонила она попытку объятий, когда мы вошли в комнату. В несколько быстрых движений она сбросила платье, которое упало к ногам, открывая совсем новое существо. Не садясь на кровать, она, стоя, не держась рукой за спинку стула, сняла чулки, высоко открыв белизну ножек, потянула за тесемку дессу, нетерпеливо пошевелив бедрами, отчего края батистового платья разошлись и снова сомкнулись, обнажив на мгновение кудрявый хохолок. Как будто чужое бешеное существо с невыносимой силой пыталось разорвать преграды, мешающие ему снова насладиться этим зрелищем. Теперь и сдерживаться было невозможно. Вся гордость мужского существа встала на дыбы. Я тоже встал. Елена насмешливо через плечо поглядывала на меня, потом сбросила лифчик, осталась в одной рубашке и, подойдя к умывальнику, стала умываться. Я следил за ней, сжигаемый желанием, сдерживать которое с каждой минутой становилось все труднее. Она подняла высоко над головой руки, потянулась кверху движением, от которого поднялась высоко рубашка над ямочками колен. Я замер в ожидании: еще несколько движений — и снова блеснет... но, как будто угадав мое желание, Елена засмеялась и, нагнувшись над чашей, стала брызгать себе в лицо водой, вскрикивая от удовольствия. Ее торс округлился и приподнялся, ее склоненное тело как бы предлагало себя моим прикосновениям. Я подошел к ней, дрожа от возбуждения. Слегка обернувшись, она смотрела с улыбкой, в которой снова показалось знакомое выражение — мерцание приближающейся страсти. Все мое существо напру-

жинилось, как убийца, готовый вонзить нож в тело своей жертвы. Я вонзил его... погрузил клинок во влажную горячую рану до последней глубины с таким неистовством страсти, что Елена затрепетала, ее голова оперлась на руки, судорожно вцепившиеся в мрамор столика, маленькие ступни оторвались от пола и обвились вокруг моих напряженных икр. Я не знаю, чей стон — мой или ее — раздался, приглушенный новым приливом наслаждения. Упоение охватило Елену почти мгновенно. Она безжизненно повисла на моих руках, ее ножки неуверенно оперлись о пол, и она, наверное, упала бы, если бы ее не поддержала опора более страстная и крепкая.

— Подожди, больше не могу так... Бога ради, отнеси меня на постель.

Я схватил ее на руки и перенес как добычу. Пружины матраса застонали с жалобной обидой, когда на них обрушилась тяжесть наших тел, но Елена молила о пощаде. Прошло несколько сладострастных мучительных минут, прежде чем она позволила возобновить ласку. Ее ножки раскрылись, ее руки приобрели прежнюю гибкость, волна маленьких, как яблоки, грудок высоко подняла твердые жемчужины сосков. Она опять хотела меня. Держа рукой символ моей страсти, она передавала силу своей благодарности, нежности в пожатии длительном, чуть слышном и сердечном. Она любовалась.

— Подожди, дай мне посмотреть, как это красиво! Он похож на маленький факел, пылающий багряным огнем. Я как будто чувствую, как его пламя зажжет все внутри меня.

Она лепетала, теряя сознание от вожделения:

— Дай мне поцеловать его… вот так. Мне кажется, он передает этот поцелуй в глубь моего существа.

И вдруг она шаловливо засмеялась, восхищенная новой мыслью:

— Какой ты счастливый — ты можешь ласкать сам себя! Попробуй нагнуться, да нет, не так, еще сильней. Вот видишь… Неужели тебе никогда не приходило в голову? Я еще девчонкой плакала от того, что не могу поцеловать себя. У меня была сестра на год старше. Мы садились утром на кровати и изгибались, стараясь коснуться губами. Иногда казалось, что остается немножко.

А потом мы ласкали друг друга. Она притянула меня к себе, закинула на шею ножки, впилась в мой торс, и я чувствовал, как упругие, словно маленькие комочки резины, пятки, скользя, то опускались, то снова взбирались по моей спине.

— Еще, еще, — шептала она, задыхаясь.

И я удесятерял свои ласки в стремлении дать ей полное блаженство, погрузиться хотя бы на несколько миллиметров глубже в ее тайники.

— Поцелуй сюда, — попросила Елена, указывая на впадину, разделяющую вздымающиеся груди. — Мне кажется, что он достанет до этого места…

Снова наступил пароксизм страсти, не разделенный мной. Я уже не владел собой — прекратить ласку было выше моих сил, как будто не часть моего тела, а металлический поршень с тупой жестокостью машины терзает распростертое тело женщины. Иногда в ней опять мгновенным огнем вспыхивала жизнь, но эти минуты длились все короче,

судороги упоения наступали все быстрее. Казалось, что все мое тело превратилось в один лишенный мысли и воли орган страсти. Я сам был изумлен, я задыхался и жаждал, чтобы поток влаги потушил наконец жар, не дающий ни мне, ни Елене наслаждения. Она молила:

— Подожди... Оставь меня. Я больше не в силах. Так можно умереть... Ведь это шестой раз.

С новой силой, как бы чувствуя, что эта бесконечная ласка может в самом деле убить, она отчаянным усилием вырвалась из моих объятий, выскочила из-под придавивших ее плеч и распростерлась на постели почти без сознания. Она потянулась к ночному столику около кровати, приподнялась с постели, и я едва удержался, чтобы не вскрикнуть. Я почувствовал вдруг, что настоящее пламя, как струя растопленного масла, охватило нежные покровы тонкой пленки кожи. Елена охватила мое тело ладонью, наполненной одеколоном. Я был так потрясен внезапной болью, что потерял способность осознавать, чего она хочет.

Склонившись надо мной мальчишеской кудрявой головой, Елена дышала на обнаженную кожу и это легкое дыхание давало необычно успокаивающее и нежное удовлетворение. Потом воспаленного места коснулись влажные губы, острый язычок как бы в сновидении, когда мне грезился любопытный котенок, приник к сухой коже и, дразня ее, с бесконечной нежностью начал бродить по чутко вибрирующей, замирающей каждым стоном струне. Ее руки бродили по моему телу, почти не касаясь его. От вздрагивающих пальцев исходил ток все растущей

страсти. Елена как будто передавала на расстоянии всю силу нежности, воспринятую от меня за этот час непрерывной ласки. Концы ее пальцев расточали сладострастное томление, разливающееся по всему моему телу. И когда эти пальцы случайно прикасались к тугому клубку мускулов и кожи, я почувствовал, что минута освобождения приближается. Прикосновения рук, губ, язычка делались все чаще, настойчивее, непрерывнее. Наконец они слились в одно непрерывное наслаждение. Страшная предсмертная дрожь прошла по моим позвонкам. Стон вырвался из стиснутого рта, густая бурная волна взмыла и пролилась, впитываемая жадно приникшими губами Елены. Я видел, как по напряженному горлу ее прошел глубокий вздох, как будто она сделала сильный глоток. Я слабел, таял, терял сознание от блаженства и бессилия. Сон, в который я погрузился тотчас по окончании ласк, можно сравнить со смертью — так крепок, непробуден и безыскусствен был он...

Я открыл глаза утром, Елены не было со мной. Я подумал сквозь сон, что, должно быть, еще рано, и тотчас же снова погрузился в полузабытье, неясные сновидения принесли мне смутные воспоминания исступленных ласк, пережитых накануне. Тревожным и сладостным волнением взмыло отдохнувшую кровь, и в этот миг я услышал четкий стук женских каблуков в коридоре и шелест платья, приближающийся к дверям моей комнаты. Сон покинул меня мгновенно. Я чувствовал, что пробуждаюсь отдохнувший, полный бодрости и сил. Я приподнялся на локте и вытянул голову по на-

правлению к двери, из-за которой должна была появиться Елена, ждал так же напряженно, как... но нет — то была не она. Шаги прозвучали мимо, шелест платья раздался совсем близко и затих в конце коридора. Это становилось странным, отсутствие Елены продолжалось слишком долго. Какое-то непонятное и смутное предчувствие коснулось моего сознания. Я встал и вдруг, еще не осознавая, в чем дело, начал одеваться. Платья Елены не было на кресле около постели. Чемодан, в котором был приказ, торчал из-под неплотно прикрытой двери платяного шкафа, я твердо помнил, что шкаф был заперт на ключ. Убедиться в этом было делом нескольких секунд, и в эти секунды страшное подозрение, как молния, пронзило мой мозг еще раньше, чем я успел открыть дверцу шкафа. В моей памяти мгновенно пронеслась едва освещенная фигура Елены, склонившаяся над моими вещами, ее испуганный голос, крикнувший: «Не смей смотреть!», ее отказ впустить меня в номер, когда я неожиданно вернулся из парикмахерской. Чувствуя, как омерзительный холод коснулся моих волос, я распахнул дверцу и увидел, что мой чемодан отомкнут. Приказ исчез...

Сомнений быть не могло: эта женщина одурачила меня как мальчишку и исчезла, достигнув своей цели. Двадцать пять лет достойной жизни, осмысленной, семья, карьера, честь — полетели в преисподнюю. Я почувствовал, что гибель стоит у меня за плечами. Но, может быть, больше, чем ужас перед ответственностью, страх заслуженного позора и невыносимый стыд за преступную небрежность,

меня мучила мысль, что для этой женщины я был не больше чем случайное происшествие, которое ей пришлось пережить, чтобы достигнуть целей, совершенно не связанных со мной. Она действительно играла мной, как котенок мышью. Меня переполняла злоба. И еще невыносимей было сознание, что никогда больше глубокий, влажный, затененный шелковистой путаницей ресниц, дышащий, то суживающийся, то расширяющийся сладострастный взгляд из-под батиста рубашки не возникнет в моей памяти и не пронзит каждый нерв настойчивым и нежным призывом. Я понял, что лишиться этой женщины свыше моих сил. Я должен был разыскать ее, чтобы исполнить свой долг офицера и... утолить жажду мужчины. Во что бы то ни стало я найду ее и спасу или погибну с ней вместе. Через десять минут я мчался по пыльному шоссе, ведущему к Оранам. Не стоит рассказывать, как мне удалось найти верный след. Даже теперь, пожалуй, я не мог бы объяснить этого. Скорее всего, мне помогла интуиция. Все силы ума, нервов и чего-то неопределенного в нашем сознании, о присутствии чего мы даже не подозреваем обычно и что с необычной силой и точностью начинает действовать в решающие минуты помогли мне к полудню, перебравшись через бесчисленные обозы, эшелоны маршевых рот, нескончаемые ряды тянущихся позиций орудий, грузовиков и телег, нагруженных жалким скарбом крестьян, испуганных слухами о близком начале боев и уходящих бессмысленно на восток, услыхать в деревне Липляны, что совсем молодая худенькая женщина в костюме сестры

милосердия за час перед этим наняла подводу, чтобы ехать в Ораны.

— Такая маленькая, курчавая. Уж я ей казав, що до Ораны не можно, бо там, казали, немцы, так не слухала... 30 рублив отдала.

Машина неслась по выбитой дороге с бешеной скоростью. Но я не сознавал уже бега времени. Наконец вдали показалась жалкая таратайка, в которой рядом с угрюмым белорусом сидела женщина с белой повязкой на голове. Расстояние между нами сокращалось с каждой минутой. Женщина обернулась. Я как будто увидел, как ужас исказил ее лицо, она в отчаянии замахала руками, впилась в плечо возницы, и тот задергал вожжами, захлестал кнутом по лошадям, которые неслись вскачь.

— Стой, — закричал я, выхватывая револьвер и выпуская одну за другой все пули. Прижавшись от страха к сиденью, крестьянин остановил бричку. Елена выпрыгнула на землю и бросилась к маленькому леску в расстоянии нескольких сажен от дороги. Я стиснул шею шофера:

— Корнеев, живей старайся объехать с той стороны леса, караульте там, ловите ее — это шпионка.

Роковое слово было произнесено. На минуту мне стало страшно, что спасти ее уже будет невозможно. Но думать не было времени, и я бросился в чащу невысоких деревьев и густых кустов.

Не знаю, как долго я пробыл в лесу. Все в лесу было неподвижно и безмолвно. Хрустнувшая под ногой ветка, заставляла меня вздрагивать, даже птиц не было слышно в этой близости фронта. Много раз я хотел прекратить поиски и выйти в поле,

чтобы позвать подмогу. Было ясно, что нужна настоящая облава, которая могла бы обыскать каждый куст, осмотреть каждое дерево, но я все не решался идти. Меня сковывала мысль, что, если ее найдут другие, я не смогу еще... и в то же время я страшился, что она может уйти из леса и незаметно скрыться. Надвинулись тучи, стало темно, быть может, приближался вечер. Я стал напряженно прислушиваться. В тишине малейший шорох отдавался в ушах. Коричневая белка пышно распустила хвост, беспечно взобралась на высокую ель. Я бессознательно следил за ней глазами. Она не заметила меня, ее движения были легки и свободны. Она добралась почти до верхушки, перепрыгивая с ветки на ветку, как мячик, с ловкостью акробата, уцепившись за тонкие ветки передними лапками, и привстала, готовясь к новому прыжку... но вдруг затихла, затаилась и подозрительно навострила уши. Вся поза выражала страх и недоверие. В больших глазах блестели испуг попавшей в беду злой старухи-сплетницы. Но она смотрела не на меня. Посмотрев туда, куда была обращена ее встревоженная мордочка, я увидел Елену.

Она судорожно вцепилась в ветви дерева; прижалась к серому стволу, как бы желая спрятаться под его защитой, и, находясь почти на верхушке короткоствольной сосны, глядела на меня таким же злобно-напряженным взглядом, каким следила за ее движениями белка. Я едва не вскрикнул от радости. Нет, то не была гордость офицера, достигшего своей цели и спасшего, может быть, всю армию, меня пронзил восторг встречи с любимой

женщиной. Она была со мной, наедине со мной. В несколько прыжков я достиг дерева и стал взбираться по ломающимся под ногами веткам. Я ничего не говорил. Я еще не мог найти слов. Мне надо было обнять ее, ощутить под руками по каждой черте тонкое, до последнего изгиба сладострастное тело. Она впилась в меня взглядом, полным страха и ненависти, слегка приоткрыв по-детски рот. Наконец моя рука коснулась ее ноги. Я дрожащими пальцами схватил тонкие икры, но она сильным ударом каблука рассекла мне кожу на подбородке и стала взбираться выше по согнувшемуся под тяжестью наших тел стволу. Ничего не сознавая, я поднимался за ней. Дерево дрожало, раздался треск обломившейся ветки, и я на мгновение понял опасность. Мы висели на высоте десяти аршин над землей. Я хотел что-то сказать, объяснить Елене, что хочу спасти ее, что она должна отдать приказ и, если хочет она...

Я поднял голову и увидел глаза, знакомые мне мерцанием страсти, светло-голубые глаза женщины великого, безграничного сладострастия. В них горел огонь непередаваемой ужасающей ненависти. Елена, держась рукой за склоненный ствол сосны, как будто собиралась прыгнуть вниз, стояла, широко расставив ноги на расходящихся, как обломанные рога огромного оленя, сучьях. Порыв налетевшего ветра раздувал ее платье и прямо надо мной темнел голубой, ненасытный, затененный густым шелком вьющихся волосков, таинственный глаз. Почти теряя сознание, я сделал движение вверх.

Острый каблук ударил меня по голове, раздался

треск ломающихся сучьев, тело Елены пролетело мимо меня, и я услышал, как оно ударилось о землю. В тот же миг я был около нее. Она лежала в бессилии, подвернув руку, платье завернулось над открытой белизной ножек, глаза горели болью и отвращением. Не думая о приказе, не произнося ни звука, я накинулся на это тело, мял его руками, рвал скромное платье сестры милосердия, погружался зубами в нежные овалы грудей. Мои сапоги продавливали в неистовстве колени женщины и, разжимая их, царапали тонкую кожу. Она отбивалась с ненавистью и отчаянием. Ее зубы вонзились со страшной болью в мою шею, ногти покрывали лицо страшными царапинами. Она пыталась достать из-под придавленного тяжестью моего тела другую руку, сломанную при падении. Но все было напрасно. Я придавил плечом ее извивающееся в бешенстве бессилия тело, руками развел в стороны мальчишеские бедра, почти разрывая их соединение, и яростно проник в него.

Я не ласкал любимую женщину. Я вгонял жестокое орудие пытки в умирающее в страданиях тело преступника и в глазах Елены читал неугасимую, нечеловеческую ненависть, но мне было уже все равно. Я ждал невольной, почти автоматической ласки, пробуждения страсти. Я был уверен, что через несколько секунд уловлю в ее глазах знакомое мерцание, но в тот момент ни с чем не сравнимая боль смертельной судорогой свела мое тело: Елена единственной здоровой рукой схватила и стиснула, почти расплющив, чувствительный комок нервов, который накануне она ласкала с такой непередава-

емой нежностью. Я закричал как безумный и, теряя сознание от ужасной боли, развел руки. Елена вскочила на ноги и бросилась бежать. У меня не было сил ее преследовать. «Вот она... держи... лови ее...» — раздались крики, я увидел целый отряд солдат, кинувшихся в погоню за ней. Корнеев, обеспокоенный моим долгим отсутствием, привел их, чтобы разыскать меня. Через две минуты Елена была приведена. Я приказал со злобой и ненавистью: «Это шпионка, обыщите ее». Десять рук с удовольствием обшарили молодое тело. Приказа не было. «Где приказ?» — спросил я, чувствуя, как бешенство лишает меня последней способности думать и взвешивать свои поступки. Елена молчала. Ее сломанная рука безжизненно висела вдоль туловища, глаза закрывали кровавые подтеки. «Говори, где приказ?» — в бешенстве закричал я. «Разденьте ее догола». Истерзанное, в синяках и царапинах, но все же прекрасное тело сияло предо мной божественной красотой и наготой. Оно снова и снова пробуждало мою страсть, возбуждение снова охватило меня. Возбуждение, для которого уже не было выхода. «Сознавайся!.. Или я запорю тебя до смерти». Молчание. «Режь ветки... Лупи ее!.. Так, так... Скажешь, стерва?» — кричал я как безумный. Нелепые грязные ругательства слетали с моих уст. Свистящие удары сыпались на голое тело Елены. Она выла от боли, и этот крик пронизывал все мое существо. Каждая новая полоса, каждый новый свист гибкого прута... в любимое тело. Переживание страсти... Круто повернувшись, я пошел прочь. Голова ныла от смертельной боли. Уходя, я услы-

шал грохочущий хохот солдат и сразу опомнился. Эти изверги, скоты насилуют ее?! Эта мысль была невыносима. Делиться Еленой с кем-то? О нет, она не могла быть больше ничьей.

Вернулся. Елена лежала распростертая, без сознания. «Это шпионка, она погубила армию, повесить ее!» — скомандовал я и увидел, как откуда-то появилась веревка и поднялось с земли прекрасное тело. Я увидел, как оно, вздрогнув, вытянулось и повисло над землей. Последняя судорога полного наслаждения прошла по моему телу. Оно было так же остро и полно, как и пережитое в ее объятиях. Мои ласки с Еленой оказались последними и эта волна для меня неповторимой.

Больше никогда в жизни ни одна женщина не была в состоянии зажечь тот факел, огонь которого погас вместе с предсмертными конвульсиями Елены. Я, Лазарь, когда-то воскресший, больше с такой силой не вонзался в женское тело. Это возмездие я ношу уже десять лет.

Я хочу воспроизвести в фантазии образы дикого сладострастия и пережить муки недостаточного желания. Я жив, я полон страсти — и я умер.

Да, может быть, интересно, что стало с приказом? Его нашли в саквояже оставленной таратайки. Там же нашли паспорт на имя Елены Александровны Родионовой, несколько мужских писем, начинающихся словами: «Любимая, ненаглядная Стаси!» Приказ о наступлении опоздал. Меня судили, приговорили к расстрелу, заменив 10 годами каторги. Революция выпустила меня...

РАЗГОВОР МАДДАЛЕНЫ И ДЖУЛИИ О РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ЛЮБВИ, ИЛИ СТРАНСТВУЮЩАЯ РАЗВРАТНИЦА

М. Подожди, Джулия! Скажи, видела ты сейчас Тартару? Видела, как богато она одета? Она вошла в церковь Августинов, и я ее даже не узнала. Думала, это баронесса: ее сопровождают два пажа и два лакея. А рядом — кавалер в шелке и бархате.

Д. Конечно, видела. Я встретилась с ними у церкви и поздоровалась, но она сделала вид, что меня не видит.

М. Конечно, ты рассмотрела ее кавалера, какой-то шалопай в камзоле из золотой парчи и черном сюртуке, прошитом золотыми нитками?

Д. Да, я долго смотрела на них, пока они не вошли в церковь.

М. Ну и что ты скажешь о ее драгоценностях, ее золотой цепи?

Д. Они прекрасны даже на мой привередливый вкус. Я лишь удивляюсь, откуда все это у нее, я

хорошо помню, какой она была в Венеции: оборванка в истоптанных туфлях почти без подошв.

М. Ты еще больше бы удивилась, если бы увидела ее в Риме.

Д. Да? Когда же она там побывала?

М. Года два назад.

Д. А, тогда я уезжала с моим любовником в Неаполь. Прошу тебя, расскажи, что она вытворяла в Риме?

М. Отчего же не рассказать? После Венеции она поехала в Костен, а оттуда в сопровождении своего Карло на ярмарку в Фолино и еще куда-то. После этого он отвез ее в Рим. Здесь дела ее пошли совсем плохо, она так обеднела, что наготу прикрывала зелеными листочками, и вид ее был такой, что не мог не вызвать сострадания. Но она все же хорошо сложена, весела и с хорошими манерами. И когда Тартару увидел Анджело, то взял ее в школу и дал ей возможность заниматься своим призванием. Уже в первую неделю в нее влюбился слуга протентаря Боргезе и регулярно посещал ее. Вскоре протентарь стал кардиналом, а слуга при нем — штальмейстером. У него появились денежки, и он купил ей платье и другие вещи. Потом в нее влюбился старый господин, который был нотариусом. Он сделал ей много хорошего. Затем один за другим пошли различные гуляки, потом и кардиналы, и, наконец, она стала первой куртизанкой Рима.

Д. Тут есть какой-то секрет, чтобы мужчины так волочились за ней? Одна красота не приведет к успеху. Да и что за красота — такой большой рот, длинный нос и спутанные лохмы.

М. Да, Джулия, у нее очень обыкновенная внешность, но она обладает обворожительными любовными способностями, как знаменитая Лукреция. И все же она от шеи и до пят прекрасно сложена. Тело ее упруго и бело, как слоновая кость. Ее полная грудь прекрасно выделяется на теле. У нее зовущие широкие бедра. Руки и ноги прекрасно очерчены. Кроме всей этой красоты, которой ее наградила мать-природа, она обладает еще многими качествами, они придают ей еще большую привлекательность.

Д. Но что это за качества? В чем ее привлекательность для мужчин?

М. Трудно это понять, если нет собственного опыта.

Д. Прошу тебя, говори яснее.

М. Охотно. Ей к лицу улыбка. Она хорошо умеет говорить и знает, о чем с кем говорить. Она имеет знания во всех областях. За столом она сидит с довольным видом: никогда не шепчется с соседями, а смотрит лишь на хозяина дома, который ее пригласил. Если он сидит около нее, она, смеясь и болтая и прижимаясь к нему, всякий раз создает впечатление, что влюблена в него. Если одновременно она находится в обществе двух или трех своих любовников, то обращается к тому, который больше в нее влюблен и к которому имеет большое доверие. Она просит разрешения у этого любовника, чтобы его не обидеть, когда надо выразить свою любезность другому. Свои особенные способы любви она бережет лишь для немногих. Одним она показывает свою благосклонность открыто, дру-

гим — скрытно. В постели со своим другом она весьма разнообразна. Тот, кого она избирает для любви, испытывает такое наслаждение от ее ласк, что не может с ней расстаться.

Д. Что же это за ласки у нее? Что за притягательная сила в них? И откуда ты о них знаешь?

М. Хм, рассказывать об этом надо много времени.

Д. О, милая Маддалена, расскажи. Нам сейчас все равно нечего делать.

М. Рассказ будет долгим, потому что придется описать все виды любви между мужчиной и женщиной и при этом еще и подбирать благопристойные слова.

Д. Я прошу, не стыдись меня. Говори откровенно. Ты знаешь, что я тебя полюбила с первого взгляда как сестру и ничего от тебя не скрываю.

М. Если так, то и я от тебя ничего не утаю, только я сомневаюсь, все ли виды любви знаю. Возможно, некоторые я не испытала и поэтому не будет полной картины.

Д. Тогда условимся так: ты расскажешь мне о тех видах, которые испробовала ты, а я — о тех, которые мне известны. Начинай же.

М. Легко сказать, начинай. Для этого мне нужно перенестись в прошлое, чтобы вспомнить, что я тогда ощущала. Впрочем, наберись терпения. Сегодня пятница — поминальный день у нашего хозяина, и я не иду на свой промысел. Поэтому времени у меня хоть отбавляй.

...Думаю, ты знаешь, какие есть виды любви. Ну, конечно: между женщиной и женщиной, между мужчиной и мужчиной и между мужчиной

и женщиной. В отношениях между женщиной и женщиной имеется один-единственный способ. Между двумя мужчинами, как я думаю, не больше. Между мужчиной и женщиной — множество. Впрочем, мужчина может и наедине испытать наслаждение любви. Женщина может получать любовные ласки не только от женщины, но и от двух мужчин одновременно. Один мужчина не может использовать двух женщин сразу, а только по одной. Но один мужчина может иметь в распоряжении двух мужчин, чтобы создавать разнообразие. Это приносит ему одинаковую радость и удовольствие.

Я расскажу тебе, Джулия, какие я сама испытала виды любви.

...Мой отец, я тебе как-то говорила, был ткачом по шелку. Мы жили вблизи Аллерхейлидевизе. С нами вместе жила вдова брата отца Монна Анна, она имела пятнадцатилетнего сына Федерико. Я была у родителей не одна. Моей старшей сестре Пинне исполнилось шестнадцать. Наш дом был невелик. Родители занимали одну комнату, а я с моей сестрой и с теткой — другую. А Федерико спал в мастерской, где жили и другие подмастерья.

Однажды, когда моя мать и тетка ушли посмотреть карнавал, я понесла стул в мастерскую, но дверь в нее оказалась заперта. Я посмотрела в замочную скважину и увидела Федерико, который, расстегнув штаны, сидел на стуле и держал в правой руке свою писулю. Меня это удивило, и я решила посмотреть, что он делает.

М. Да. В скором времени моя сестра вышла замуж за красивого и состоятельного молодого человека. И мне ничего не осталось, как смотреть в замочную скважину мастерской на занятия Федерико, забавлявшегося со своей рукой.

Но однажды я увидела Федерико вместе с другим очень миловидным юношей. Что они делали? Они целовали и обнимали друг друга, будто парень и девушка. Я очень удивилась и подумала про себя: «Чем кончится их шутка?» Тут я услышала, как один сказал другому: «Делай сначала ты». Другой ответил: «Нет, ты!» Потом приятель Федерико оперся руками о стул, так что голова его оказалась на подушке сиденья, а Федерико, задрав ему рубашку сзади, вынул из штанов свой инструмент, который стал совсем жестким, и засунул его между ляжками приятеля. Тот не капризничал и не возмущался, а только двигал своим задом. Они толкались изо всей силы и скоро замерли. Наконец, Федерико вынул свою палку, вытер ее о рубашку. Потом встал к стулу, и приятель сделал с ним то же самое.

Наглядевшись, я задумчиво возвратилась в свою комнату. Целую ночь я лежала в постели без сна. Мысленно сжимала в объятиях то одного то другого; то Федерико казался мне желанным, то его приятель. Я думала, как бы мне с ними испытать удовольствие. От этих мыслей не находила места.

Мою бессонницу услышала тетка, которая спала со мной, она спросила: «Что с тобой, почему ты не спишь? Тебя кто-нибудь обидел?» Я не хотела отвечать. Она поцеловала меня нежно и сердечно

сказала: «Милая девочка, может быть, я тебе помогу». Наконец, я уступила ее просьбе и рассказала причину моей бессонницы. Она засмеялась: «Деточка, не обращай на это внимания, это единственный способ, которым мужчины друг с другом забавляются. У женщин возможностей больше». «Как, тетя? — удивилась я. — Женщины могут подобные удовольствия иметь без мужчин?» «Конечно! Показать тебе?» Я кивнула. Тогда она стала меня целовать, щупать мою грудь, зад, бедра. Потом, уложив меня на спину, она легла между моими ногами и, целуя все жарче, взяла губами мой язык и стала сосать его. Затем она раздвинула мои бедра и прижала свою щель к моей в том месте, где начинается лобок. Она стала двигаться то быстро, то медленно и вдруг закричала. Я поняла: она испытывает наслаждение. И тут же сама почувствовала то же.

Первая близость нас не успокоила. Тетя целовала меня тысячу раз, и мы опять возбуждались, так что до утра больше трех раз повторяли тот же танец. Мы продолжали наши игры много ночей и имели неописуемую радость. Мы были нежно влюблены друг в друга. И так я научилась любовным отношениям между двумя женщинами.

Д. Ну, а как ты освоила различные способы любовных отношений между мужчиной и женщиной?

М. В разгар наших любовных утех с тетей умер мой отец. Я была вынуждена, к моему большому сожалению и к еще большему тети, спать в комнате матери. В это же время Федерико женился на

девушке из пригорода — довольно милой брюнетке, маленькой, худенькой, с нежным лицом. То ли из-за того что тетка не ужилась со своей снохой, или из-за того, что нам с нею не удавалось спать вместе, она снова вышла замуж за мясника, который жил в Сан-Систо. И в доме остались я с матерью, Федерико со своей женой Катариной и старая служанка. В этом составе в августе мы выехали в принадлежащий нам загородный домик.

В этом доме сразу направо от входа была большая комната — кухня. За ней располагалась маленькая комнатка для Федерико и его жены, рядом были комнаты матери и моя. Мать спала в первой комнате, и я проходила мимо нее в свою. Мою комнату украшало множество икон Святой Мадонны, перед которыми я, прежде чем идти в постель, молилась. При этом обычно в комнате не было света.

Однажды вечером, когда мать уже спала, я заметила слабый свет в щели стены. Я посмотрела в нее и обнаружила, что свет исходит из комнаты Федерико и Катарины. При слабом свете коптилки Катарина, совсем обнаженная, искала в рубашке насекомых. Федерико лежал на кровати и держал в руках свою вертикально стоящую палку, которая была длинной и толстой, будто кегля. Меня эта картина сразу же возбудила, я и представить не могла, что за четыре года член Федерико мог так вырасти. Я покачала головой: «Ах, черт возьми! Его женушка так мала, как же в нее входит такой огромный член? Он разорвет ее на кусочки...» Я предположила: «Он, наверное, притрагивается к ней, как моя тетка делала со мной».

Пока я размышляла над этим, Федерико вдруг позвал: «Катарина, подойди ко мне». Она улыбнулась, увидев, в каком он положении. Он повторил: «Подойди ко мне, будь так добра». Она накрыла Федерико своей рубашкой, потом взяла своими белыми и нежными руками его толстую штангу и сказала: «Тебе не стыдно в таком виде лежать?» Он усмехнулся: «Поцелуй меня!» Она поцеловала его и легла рядом. Он стал ласкать ее грудь и щелку, она тихонько ударяла его по рукам. Потом он, целуя Катарину, положил ее на спину, поспешно лег на нее и вдвинул свой меч в ее ножны. Я ждала, что Катарина закричит от боли, я боялась, что она может от таких толчков умереть. Но ничуть не бывало. Я увидела, как она подняла обе ноги ему на плечи, а Федерико обхватил их обеими руками сзади и притягивал к себе изо всей силы. Катарина при этом сладко стонала и просила: «Сердце мое, сильней!». Он отвечал: «Да, я стараюсь». Но ей хотелось больше, чем он мог, я это хорошо видела.

Наконец, после этой горячей работы, исполненной со стонами и вздохами и с большим усердием, они утихли и долго лежали обессиленные друг возле друга, так что я испугалась: живы ли они? Катарина, однако, скоро пришла в себя, словно пробудилась от глубокого сна, и сразу же взяла в руку член Федерико, который стал таким маленьким по сравнению с тем, каким был вначале. Она начала целовать Федерико, так благодарила его за большое наслаждение. Я очень обрадовалась, что увидела их любовные игры, о которых раньше

ничего не знала. Я подумала, как хорошо бы сейчас и мне побывать в объятиях молодого мужчины. Только где же его взять? Я заснула только под утро.

Но судьба была благосклонна ко мне и вскоре принесла мне сюрприз. Это был сын портнихи по имени Роберто, тот самый приятель Федерико, о котором я тебе рассказывала. Навещая Федерико, он бросал на меня жадные взгляды, давая понять, что влюблен. Неудивительно, что я тоже в него влюбилась. Сначала мы только смотрели друг на друга издали, потом стали здороваться и перекидываться несколькими словами, потом стали разговаривать о том о сем, а потом — о нашей дружбе и, наконец, о любви.

Как-то он мне ловким способом передал письмо, в котором писал о своей пламенной любви ко мне и уверял, что только я могу погасить его любовный жар. Я читала письмо с такой страстью, что совершенно обессилела и не могла ни о чем думать, как только о встрече с моим любимым Роберто. Я написала ему, чтобы он как можно быстрее пришел ко мне. Я пообещала ему все, что только можно пожелать от девушки; что люблю его больше жизни. Едва он получил эту весточку, сразу и прилетел. Я уже придумала способ, как ему попасть ко мне: через люк в конюшне, которая стояла во дворе. В ней мы могли друг другу доказать свою любовь. Роберто пришел, когда стемнело, и имел счастье в нескольких шагах от дома встретить служанку, которая была тогда моей хорошей приятельницей. Она ему показала,

как через люк пробраться в конюшню. Она пришла ко мне и рассказала, что встретила Роберто и что он меня ждет. Я не могла тотчас же броситься к нему. Я пришла в конюшню лишь близко к полночи. К моему счастью, Роберто меня ожидал.

Я должна сознаться, что его первые объятия нагнали на меня большой страх, потому что, как ни ждала я встречи, все-таки она была для меня неожиданной. И мне было стыдно. Впрочем, страх мой быстро улетучился: его поцелуи и ласки говорили мне, что я самая счастливая девушка на свете. Вскоре я стала отвечать ему, и Роберто это заметил. Я ждала под защитой ночной темноты новых любовных ласк. Он подвел меня к деревянному столбу, который был наполовину заделан в кирпичную кладку, смеясь, поднял мою юбку и стал повсюду целовать. Затем вдвинул свой член мне между ног и стал толкать им изо всех сил. Я также толкалась ему навстречу пока, к моему большому удовольствию, не почувствовала, как его член вошел глубоко в меня.

Я выдержала этот первый штурм, и он повторил его еще несколько раз. Причем с меньшим жаром, так как неудобное положение утомило его. Я опиралась на балку наполовину в лежачем, наполовину в стоячем положении. Тогда я обхватила своей левой ногой его правое бедро, отчего, к нашей обоюдной радости, его член вошел в меня намного глубже. После этого мы попрощались, и я, довольная, ушла к себе, думая, что на свете нет большего наслаждения, чем то, какое может дать женщине мужчина.

На следующий день, в те же часы, мы начали свой любовный турнир тем же способом, только на этот раз я обхватила его бедра обеими ногами. Но он посетовал: «Почему, мое сердце, делаем мы это в таком неудобном положении? Так мы не получим настоящего удовольствия. Разве ты не можешь устроить, чтобы мы могли лечь?» Я отвечала ему: «Моя жизнь, прошу тебя не обижаться на ошибки моей невинности. Они от моего незнания. Я сделаю все, чтобы мы могли продолжать наши ласки в более подходящем месте». С этими словами я хотела удалиться, чтобы выполнить свои обещания, но он крепко обнял меня и попросил испробовать еще один способ нашей любовной игры, перед тем как мы расстанемся.

Он поставил меня к той же балке спиной к себе. Я должна была опустить как можно ниже голову, а зад поднять как можно выше и широко раздвинуть ноги. Потом он задрал мне юбку и засунул свою птичку в мою клетку. Я была очень удивлена и неожиданно начала смеяться. Он спросил, почему я смеюсь, и я ответила: «Смеюсь потому, что или путь стал длиннее, или твоя птичка меньше».

Д. Я не думаю, что в таком положении были возможны какие-либо другие способы, кроме тех, о которых ты рассказала.

М. В коровнике находилось довольно большое кресло, в котором любил сидеть мой покойный отец. Мы с Роберто использовали его для нашей любовной игры. Я сидела в нем, Роберто на моих коленях. Я обхватила его рукой, а он гладил мне грудь, которую целовал и сосал, как дитя. Потом

он поцеловал меня в шею и так сильно, что я вскрикнула. Одновременно он гладил мои ляжки и ласкал мою щель. Наконец, он положил свой тугой член мне на ладонь, и я стала гладить его с неописуемой радостью. Потом я приподнялась, а он просунул свои руки между моими, и я раздвинула ноги. Он прижался животом к моему и стал двигать членом. Эта игра приносила нам много удовольствия. Затем я села к нему на колени, и мы начали шептаться: он клялся мне, что любит меня больше жизни; я очень сожалела, что не любила его еще с таким же жаром. Но это не мешало мне отвечать на ласки Роберто, за словами пошли у нас опять поцелуи и после поцелуев объятия, сладострастные прикосновения и, наконец, совокупление в том же положении, о котором я тебе уже рассказывала.

Чтобы доставить Роберто радость, я разрешила ему приходить ко мне каждый день, и он был очень доволен. Я тоже была довольной, потому что вошла во вкус... После нашей любовной игры член Федерико делался таким маленьким, что его вовсе не стало видно, как будто он прятался в тело. Ну как тут не поискать его пальцами. Но как только я дотрагивалась до него, он твердел и распрямлялся и скоро уже не помещался на моей ладони. Ничего не оставалось, как опять задвинуть член к себе, не спрашивая разрешения хозяина. Он и не говорил ни слова, а только смеялся, и я заметила, что это ему нравится. Я, смеясь, совала себе член и потом садилась на него. Моя спина лежала на левом плече Роберто, мои обе ноги покоились на

его правой ноге. Он меня двигал из стороны в сторону, чуть поднимая. Потом ставил меня и засовывал член сзади между моими ляжками, и так мы оба двигались, пока он не кончал. Я нашла это положение очень хорошим, но я его улучшила, сильнее согнувшись, и Роберто мог всовывать член гораздо глубже. Когда Роберто увидел, что я в этом положении нахожу больше удовольствия, чем в других, он повторял его со мной много раз. Другие положения были такие: Роберто брал мою левую ногу под свое левое плечо, и мы двигались вперед и назад, оба получая при этом большое удовольствие. Или он брал обе мои ноги руками и запихивал член так глубоко, как только мог. Чем глубже и дальше член был внутри меня, тем большее наслаждение мы получали.

Иногда мы играли в такую игру: я должна была с широко раскинутыми ногами сидеть, а он с поднятой пикой бежал ко мне, как при турнире на копьях, и втыкал мне пику сходу в отверстие, что доставляло мне громадное удовольствие. Затем он целовал меня, вынимал член и начинал свою скачку снова. В конце мы обхватывали ногами друг друга и двигались так быстро, как только могли. При этом белый сок, ты уже знаешь какой, брызгал наружу.

Несколько раз Роберто садился на стул, раздвигал двумя пальцами губки моей щелки и натягивал их на свой член, как сапог на ногу. Когда он делал это вновь и вновь, мы плавали в сладких муках любви. При этом шептали друг другу слова ласки.

Однажды случилось так, что моя мать вместе с

Катариной поехали в Прато, потому что каждый день ожидались роды у моей сестры. Я осталась одна со служанкой и Федерико в доме. Я была очень счастлива и надеялась, что мои удовольствия могут совершаться без страха и в лучших условиях. Антония получила задание провести Роберто этой ночью в дом. Я сказала ей, чтобы она спала в своей постели тоже голой, и она очень обрадовалась, потому что этой радости ждала давно. С тысячью страстных мыслей ждала я любимого, но напрасно: он не пришел. На рассвете я послала Антонию узнать причину этого несчастья. Она принесла мне горькие известия: Роберто был в горячке и без надежды на спасение. Можешь себе представить мое огорчение. Мы с Антонией решили не говорить об этом печальном случае, чтобы не расстраиваться.

Я искала средство, которое могло бы заменить мою большую потерю. Вскоре после этого, в субботу, очень усталый вернулся из города Федерико. Я подошла к щели в стене и посмотрела. Он лежал на кровати очень печальный. Я подумала: «Бедный юноша, он не имеет рядом своей жены, так же, как я Роберто. Но почему же мне не войти к нему? Если я окажусь ему необходима, то почему мне не удовлетворить его?»

Федерико исполнилось двадцать четыре года, он был среднего роста, со светло-золотыми волосами, маленькой бородкой, очень приятными глазами, чистым лицом и красивыми ногами. Я была, как и теперь, довольно высокая, с тем же здоровым и нежным цветом лица. Я надеялась, что понрав-

люсь ему больше, чем его жена. Я вспомнила, что Федерико не раз при наших встречах смотрел на мою грудь. Я расшнуровала корсет так, что освободилась грудь и, с дрожью решилась открыть дверь его комнаты. Да, я до самого последнего момента колебалась, но потребность любви была сильней страха, и с дерзким лицом я вошла к нему. Он был очень смущен моим внезапным появлением, потому что, конечно, не думал, что я увижу его обнаженный член, который он тут же накрыл юбкой своей жены, но под этим покрывалом стоящий член все равно был отчетливо виден. Я, смеясь и не говоря ни слова, села к нему на кровать. Он спросил меня, одновременно пожимая мою руку: «Маддалена, мое сердечко, что случилось?» И он посмотрел на мою грудь такими горящими глазами, что у меня не оставалось сомнения, что мы будем принадлежать друг другу. Я тут же спрыгнула с кровати, чтобы задвинуть дверную задвижку и заткнуть отверстие, через которое сама за ним наблюдала. Потом снова села около него и сказала совершенно серьезно: «Федерико, я приняла эти меры предосторожности, потому что хочу говорить по секрету о некоторых вещах». Тут он не выдержал, схватил рукой мою грудь и сказал: «Говори, моя любимая, я слушаю». Я продолжала: «Вчера Монна Франческа принесла мне кусок полотна и сказала, что она не может его купить за 38 сольди, как ты требуешь, а только за 34 за локоть. Я прошу тебя дать мне тоже три локтя, потому что я хочу себе сделать новое платье». «Ах, — сказал Федерико, — я

хотел сначала посчитать выручку за проданное сукно, которое получил от купцов. Срок платежа уже прошел десять дней назад, и вчера маклер требовал деньги». Когда Федерико говорил это, он целовал мою грудь, и под юбкой Катарины его член поднимался все выше. Смеющимся взглядом я смотрела на это возвышение под покрывалом, но так, чтобы он не заметил, и отвечала: «Ах, милый Федерико, не отказывай моей просьбе, ты имеешь другие деньги, чтобы оплатить купцам сукно. Требуй от меня все, что ты хочешь, я тебе обещаю, лишь бы было у меня новое желтое платье». При этих словах он поцеловал меня в губы, и я, уверенная в успехе, продолжала: «Дашь мне три локтя?» Он отвечал: «Не только три локтя, но целую штуку».

После этого он пососал мой язык и грудь, поднял юбку и стал щупать бедра. Я держала себя так, словно его ласки были для меня первыми мужскими ласками. Но я не могла позволить себе играть недотрогу, чтобы не остудить его закипавшую страсть. Наконец, он положил меня на себя, — я была и спереди и сзади совершенно голой, — и, раздвигая пальцами правой руки губы моей щели, левой рукой вставил в нее член. Потом, чтобы меня возбудить, он сладострастно меня щекотал, а я невольно двигала задом и поднимала неуклюже и не к месту ляжки, чтобы он думал, что я в любовной игре новичок.

Но член Федерико делал свое дело, и мое удовольствие было настолько велико, а возбуждение столь сильно, что я не почувствовала, как он кончил.

Пришла я в себя, когда он шлепнул меня по заду. Я закрылась рукой и сказала ему с наигранной растерянностью: «Фу, гадкий! Что ты делаешь? Что скажет Катарина, если узнает?» «Как она может узнать?» — отвечал он. Он обнял меня и стал целовать мне грудь, шею, глаза и рот. Во время ласки он клялся, что уже давно меня любит, но не решался этого показать.

И мы повторили наше удовольствие... Потом я ушла в свою комнату, где встретила Антонию, которая меня ждала, чтобы вместе идти в сад. После ужина я легла в постель, но не могла заснуть, меня охватило желание еще раз навестить Федерико в постели, но я стыдилась, и это удерживало меня. На следующее утро я услышала, как Федерико сказал Антонии, что к обеду не придет, так как его пригласил шурин. Это меня огорчило, но я ничего не сказала, мне подумалось, что он уходит из-за того, что я с ним была недостаточно нежна.

После обеда я грустная погуляла по саду, а потом вернулась в свою комнату и легла в постель. Вдруг Антония говорит: «Пришел Федерико». Кровь во мне закипела. Я хотела встать и пойти к нему, когда, к моему удивлению, он сам вошел ко мне. «Что ты лежишь, мое сердце? — спросил он. — Ты больна?» «Моя боль исчезла, — ответила я, — как только ты появился». Он не дал мне подняться, тотчас закрыл мой рот поцелуем, на который я ему жарко ответила. Не раздумывая, он задрал мою рубашку и, обхватив живот и зад, задвинул свой огромный член в мое отверстие, и я, как и в первый раз с ним, забыла обо всем на свете.

Когда я пришла в себя, сон одолел меня, потому что всю прошлую ночь я не спала. Я попросила Федерико немного отдохнуть. Он согласился: «Конечно». Я отвернулась от него и закрыла глаза.

Но едва я стала засыпать, как почувствовала, что очень тихо в мою щель входит его член. Я с радостью пробудилась. Тогда Федерико положил меня на спину, и я испытала новое наслаждение от ударов его стремительного копья. Потом Федерико положил меня на себя. После нескольких толчков мы оба загорелись как факелы и кончили в одно время. Это вот и есть подлинная радость любви, моя дорогая Джулия...

Когда мы отдохнули, он обнял меня и сказал, что хотел бы провести со мной ближайшую ночь, с чем я охотно согласилась.

В назначенное время он явился без опоздания и сказал весело: «Сердце мое, пойдем в постель?» Я того только и ждала, быстро разделась и юркнула в постель. Но неожиданно Федерико пришла причуда, чтобы мы остались совсем голыми. Моя стыдливость должна была уступить его силе и любовной жажде. Он сам снял с меня ночную рубашку, и оказалось, что без нее быть с любимым во много раз приятнее. Обнаженные, мы внимательно и нежно осмотрели друг друга и целовали друг у друга все, что вздумается. Потом мы обнялись и лежали грудь к груди, живот к животу, рот ко рту. Конечно, соединились и наши члены, и мы начали любовную игру. На этот раз Федерико, лежа на спине, поднимал ноги как можно выше и потом сразу вытягивал их. При этом я каждый раз насаживалась на его оружие с

большой силой. Эту игру он назвал «колокольчик». Она понравилась мне, и мы продолжали ее почти полчаса, совершенно не уставая.

После этого мы попробовали другой способ. На этот раз мы сели лицом друг к другу, я обняла ногами его бедра, а руками ляжки. Соединившись, мы без конца могли целоваться и одновременно качаться. В таком положении я два раза кончила, пока Федерико только раз. Можешь представить, какое наслаждение я чувствовала?

Потом мы обнялись и одновременно заснули. Но сон наш был недолог. Скоро пробудившись, мы — ненасытные — повторили ласки в третий раз. Он поднимал то одну мою ногу вверх, то обе сразу... И каждый раз, когда мы с Федерико спали вместе, мы пробовали новый способ. То он лежал, вытянувшись на левом боку, и прижимал мой зад к животу. И я по его желанию раздвигала ноги и впускала его ключ в мою замочную скважину.

В другой раз он делал со мной это же, лежа на правом боку. В следующую ночь он лежал на спине, а я сидела на его инструменте, повернув лицо к Федерико и упираясь ногами ему в подмышки. Для такого положения мы нашли еще несколько вариантов: я повертывалась к нему спиной, а его ноги зажимала своими ляжками. Или я сидела поперек, так что одно мое плечо было обращено к его лицу, а другое, к ногам. Во всех этих положениях мы двигались так, чтобы это приносило как можно большее удовольствие.

Болезнь сестры Федерико, которая лежала при смерти, потребовала, чтобы он срочно поехал во

Флоренцию. Он оставался там два дня и, когда наступило улучшение, вернулся назад. О, как я обрадовалась ему, я расцвела словно красная роза. Однако, боясь на людях выдать наши отношения, я не решилась выйти его встретить. Вечером он сам пришел ко мне, и я ему сказала: «У меня наступили месячные». Он ответил, что это не основание, чтобы отказывать в любви. Я поняла, что нравлюсь ему и в таком положении. Я разделась и легла в постель. Он обнял меня, целовал и водил членом то между моими ляжками, то по груди, то нажимал им на мою ладонь. Наконец, я сжалилась над ним и, положив его горячую головку между грудями, сжала их руками. Он стал двигать член туда и обратно, пока не обрызгал грудь своим семенем. Он вытер меня сам, поцеловал и просил извинить, что такая любовь для меня, конечно, неудобна. Несмотря ни на что, его тянуло ко мне. Он продолжал работать членом между моими ягодицами, между ляжками, даже в подмышку. Этими способами мы довольствовались в течение двух дней, пока я не вошла в форму. Потом мы вернулись снова к тысяче разнообразных способов, которые приносят наслаждение горячо влюбленной паре.

Сестра Пинна родила ребенка, и моя мать с Катариной вернулись в хорошем настроении из Прато. И мы оставили загородный домик и возвратились во Флоренцию, где я не могла уже видеться со своим любимым Федерико, и тем более вступать с ним в любовные отношения. Два раза я посетила Роберто, который все еще болел, и надеяться на

него я не могла. Чтобы встретиться с Федерико, я имела только один способ — это удалить своих из дома. Когда однажды мне это удалось, я подумала, как дать знать об этом Федерико? И в это время увидела, он сам входит ко мне. Я обрадовалась и бросилась к нему, полная страсти, и сказала, что извелась, не зная, как ему сообщить об удобном моменте. Он был в восторге: «Ах, милое сердце, я пришел в удачное время, так не будем его терять». Говоря это, он положил мои ноги себе на плечи и загнал свою птичку в мою клетку. Мы так жадно работали, так свежи были наши силы, что удовольствие длилось без конца.

В другой раз насладились с ним, когда моя мать была дома. Я в тот раз забыла закрыть дверь на ночь. Федерико, проходя мимо, увидел это и, поднявшись по лестнице, тихо вошел к нам. К счастью, луна освещала ту сторону, где стояла кровать матери. Федерико увидел ее одежду и решил, что я лежу в другом углу, в тени. Он ощупал мои домашние туфли, чепчик и узнал их. Тогда он поцеловал меня в губы. К счастью, я тотчас же узнала его, иначе бы подняла шум. Я прижала палец к его рту, чтобы он молчал. Он безумно целовал меня, потом подвинул к стене, поднял на себя, так что мои ляжки находились на его бедрах, а я сидела на краю кровати, и член его быстро отыскал свой путь... И мы повторили нашу радость два раза без остановки. Затем он удалился также тихо, как и пришел.

Минуло много дней без тайных встреч с Федерико. За это время я похудела, так как у меня

неожиданно начались рвоты. Это опечалило моего возлюбленного, и он придумал хорошее средство, чтобы нам помочь. Его мать, а моя тетя, собиралась в обществе своей дочери уехать в Пизу и могла бы взять с собою меня, чтобы я в тайне родила и мои близкие этого бы не заметили. Мне нетрудно было вызвать сочувствие тети, мои слезы подействовали на нее, и наш план кончился удачно. Она обещала оказать мне содействие в чужом городе. Расставшись с родными, я счастливо прибыла в Пизу, где после нескольких месяцев родила ребенка. Едва я избавилась от этой заботы, как меня начала мучать тоска по отцу ребенка... и по мужчине. Такая тоска, что все строгости моей доброй тети, ее желание рассеять и утешить меня ни к чему не привели.

В это время один юный кавалер флиртовал с моей племянницей, дочерью тети. Он был так щедр на обещания, что она уже через два дня ему отдалась. Она доверительно сообщила мне об этом и уговаривала меня, чтобы я тоже взяла себе любовника. Ее уговоры подействовали, и я через пару дней тоже встретилась с молодым господином. К сожалению, он оказался надутым и глупым парнем, и мне пришлось его прогнать. Я взяла другого, как мне казалось, чем-то напоминавшего моего Роберто. Он был так молод и так щедр. Я была счастлива, хоть это продолжалось недолго, но мы успели дать друг другу доказательства нашей любви. Моя племянница и ее поклонник тоже не теряли времени напрасно. Наши любовники жили в доме, который непосредственно примы-

кал к тому, в котором поселились мы, так что они оба составляли одну постройку. Она разделялась деревянной перегородкой, которая нас не могла остановить. Мы вынимали из перегородки неукрепленные доски, которые потом можно было поставить на место. И каждую ночь в полночь через этот проход я шла к моему любовнику и встречала у перегородки кавалера, который шел к моей племяннице. Так миновали счастливые четыре недели. Но потом парень, которого я прогнала, о нем я уже говорила, разрушил это мое счастье. Вот как это вышло.

Подлый человек выведал хитростью от моего возлюбленного о наших отношениях. Он утаил от него, что знает меня, и, расточая похвалы другу, пожелал увидеть меня хоть раз в жизни. Наконец, они договорились провести совместно ночь в ближайший праздник, само собой разумеется, с любимыми. Он благодарил моего возлюбленного за это всей своей жизнью. Он сказал, что на праздник отвезет нас в собственной карете. Мой милый Чезаре Ранчинарди, так звали моего любовника, принимал обманщиков за своих друзей и полностью доверял им. Он сказал мне с радостью, что они самые приятные и галантные кавалеры всей Пизы, хорошие его друзья, и обещали ему в их загородном доме повеселиться вместе. Скоро он прислал мне сказать, что мы должны сейчас же выезжать. Меня ждет коляска, поэтому я должна была одеться поскорее. Это сообщение обрадовало меня, я только сожалела, что очень мало времени, чтобы как следует приодеться. Вскоре я была

готова. Служанка сообщила, что пришел знатный господин. Он почтительно поцеловал мою руку и сказал, что меня ожидает вблизи дома коляска. Я поспешила в коляску. В коляске уже сидел молодой кавалер, которого я прогнала, о чем я уже тебе говорила. У меня сердце екнуло, но он пригласил меня сесть рядом и всю дорогу развлекал меня, пока карета не приехала на площадь за университетом. Здесь он попросил меня выйти и пообещал, улыбаясь, что через два часа я получу то, что заслуживаю. Я поняла это как комплимент и последовала за ним в дом. Он вел меня по каким-то лестницам то вверх, то вниз и вдруг внезапно сбросил с себя маску вежливости и насмешливо заметил, что от моей красоты я сегодня вечером здорово устану, так как мне придется понравиться самым избранным кавалерам Италии, которые прочтут мне лекцию об искусстве любви, которая будет очень полезна для таких потаскух, как я. Сказав мне эти бесстыдные слова, он пошел вниз и скрылся за дверью, пообещав, что сейчас пришлет ко мне хорошее общество. От испуга и беспокойства я совершенно лишилась сил и села на лестничные ступеньки, не зная, чего мне ожидать. Не прошло и четверти часа, как я услышала в комнате внизу шум голосов и затем вдруг передо мною появилась толпа бродяг и нищих студентов, которые потащили меня в пустой зал с голыми стенами. Здесь они раздели меня догола и грозили оторвать мне нос и уши, если я буду слишком жеманничать.

«Праздник», который они со мной праздновали,

ты едва ли можешь себе представить. Сначала они, бросив меня на мою одежду, разыграли в карты на моем животе, кто первый меня возьмет. И я была вынуждена призвать на помощь все свое терпение, так как они один за другим овладевали мною. При этом они дергали меня за уши или хлопали по заднице, так что она горела как огонь, и это бесило меня больше всего из всей этой истории. Я насчитала не меньше чем двадцать пять мужчин, которые сверлили мне отверстие...

Д. О безжалостное небо! Что ты мне рассказываешь! Но ты действительно не виновата, если с тобой сыграли шутку, которая называется низостью.

М. Да, это было действительно так. После своих гнусных танцев они оставили меня лежать и попросили меня с дерзкой насмешкой прийти завтра к ним в этот же час. Они сказали мне, что завтра пойдут к моей тетке, чтобы просить ее найти мне хорошего мужа. В то время как я при свете свечи одевалась, в комнату вошел незнакомый кавалер. Он посмотрел на меня внимательно и стал уверять, что моя печаль трогает его до самого сердца. Если я хочу иметь счастье и из этой гнусной истории сделать правильный вывод, то должна вместе с ним воспрепятствовать таким подлым выходкам. Он рассказал, что виновный в этих грязных делах известный Франческо Анджелли, который был влюблен в молодую девушку, ненадолго приехавшую в Пизу из Флоренции вместе со своей теткой и ее дочерью. Девушка к нему отнеслась презрительно и предпочла другого. И теперь Франческо страшно разгневан... Я сказа-

ла кавалеру, что девушка, о которой он говорит, это я. И он жестоко отомстил мне. После этого я попросила, чтобы он, прежде чем расспрашивать об этом, вывел меня из дома. Он отвез меня в свое жилище. После того как я немного пришла в себя, он начал ласкать мое тело. Так как перед этим я имела сразу двадцать пять мужчин, то еще один мне не был так ужасен. Поэтому я ответила на его ласки и скоро забылась. Мой поклонник, его звали Андрео, был коммерсантом. Он прибыл по делам в Пизу и жил у своего племянника, уехавшего несколько дней тому назад в Рим. Андрео взял меня в постель, хотя и не решился в эту ночь использовать мою щель. Он понимал, что жестокость толпы бродяг сильно подействовала на меня. И в этот раз занимался со мной только между ляжками и грудью.

Вскоре приехал его племянник. Он был очень галантный кавалер и с первого взгляда влюбился в меня. Ему было приятно, что мы будем жить втроем. Кавалеры были ко мне очень предупредительны и убеждали меня, чтобы я не беспокоилась о том, что мои родственники что-нибудь узнают о моем образе жизни. Мне было уже все равно, что подумают обо мне родственники, и я решила в будущем думать только о том, чтобы нравиться обоим моим кавалерам. Это мне хорошо удавалось, я им обоим принадлежала, и они оба меня одинаково любили. Не проходило ни часа, чтобы я то с одним, то с другим не шутила свои шутки. Мы вместе путешествовали в Рим, где они жили при кардинале. Здесь я оставалась несколько

дней, пока дела не заставили их снова отправиться в путь. Вернувшись, они подарили мне несколько дукатов и отдали под покровительство одной дамы, которая содержала куртизанок. У нее я научилась по указанию моих учителей нравиться за деньги, и я не давала себя целовать ни потертым лакеям, ни приказчикам, ни обывателям, если они не договорились в цене с моей хозяйкой.

Д. Дорогая Маддалена, я поражена твоими похождениями и уверена, что ты заслужила награду — венок из горящих сердец, пронзенных стрелами любви. И этот венок тебе должен преподнести Амур — Бог любви и прикрепить его на Капитолии или на входной двери Бельведерского дворца и написать на нем: «Любовное искусство Маддалены из Флоренции».

М. Благодарю тебя, дитя, за твою благожелательность и желаю от всего сердца, чтобы то, что ты узнала о моем «Искусстве любовных наслаждений», тебе пригодилось.

Как тебе известно, имеется бесчисленное множество любовных ласк, поцелуев, которые сопровождают каждый способ и, собственно, создают любовь. О них я еще не все сказала, потому что некоторые из них просто нельзя описать словами. Это все теория, а практика богаче. Одно могу добавить: в этом деле чопорность и стыдливость — настоящие враги того чувства, которое должно возникать между мужчиной и женщиной при половом сношении.

Д. Я не знаю, как тебя благодарить, милая Маддалена, за твои рассказы. Я надеюсь, что твои

поучения дадут мне большие преимущества перед другими.

М. В твоих способностях я не сомневаюсь, думаю, все, о чем я говорила, ты хорошо запомнила. Итак, повтори мою лекцию.

Д. Пожалуйста:

1. Первый способ — если любовники стоят лицом друг к другу и соединяются в таком положении, этот способ называется: «Стоять смирно!»

М. Ого! Ты пойдешь дальше меня, одновременно давая название каждому способу.

Д. Я продолжаю:

2. Второй способ — стоя. Женщина поднимает ногу и кладет ее на бедро мужчине. «Журавль».

3. Женщина сидит и обхватывает ногами оба бедра стоящего перед ней мужчины. «Дверь в дом».

4. Женщина стоит, наклонившись, с опущенной головой и с высоко поднятым задом и предоставляет свои ляжки мужчине, который сверлит ее отверстие своим членом сзади. «Трубочка».

5. Следующее положение: мужчина свои плечи держит под плечами женщины и руками раздвигает губы ее щели. «Немецкий способ».

6. Далее: женщина держит руками свои ноги. «Овечка».

7. Женщина сидит поперек ляжек мужчины. «Луч света».

8. Еще положение: женщина поднимает ноги и упирается своими ступнями в зад мужчины. «Лезть на дерево».

9. Женщина на мужчине; ее плечи покоятся на правом плече мужчины, ее обе ноги на его левой ляжке. «Балующийся ребенок».

10. Женщина сидит; мужчина стоит между ее ляжками и имеет ее спереди. «Солдат на посту».

11. Женщина сидит на ляжках мужчины лицом к нему и обнимает его тело своими ногами. «Спинной пресс».

12. Мужчина держит ногу женщины на своем плече; другая нога упирается под другим плечом ему в спину. «Заплечный мешок».

13. Следующее положение: мужчина держит рукой ногу женщины в воздухе. «Ногу вверх!»

14. Мужчина с торчащим копьем бежит на женщину и ударяет ей в отверстие. «Турнир».

М. Я удивлена твоей памяти, Джулия, но продолжай.

Д. Да, на память я не жалуюсь. Итак, дальше:

15. Мужчина раздвигает руками губы щели у женщины и вталкивает ей стоящий член. «Натягивать сапоги».

16. Оба лежат. Мужчина сверху, между раскинутыми ляжками женщины. «Домашний способ».

17. Такое положение: женщина упирает пятки в свои ягодицы. «Крот».

18. Оба лежат вытянувшись, мужчина сверху. «Испанская труба».

19. Женщина согнулась над мужчиной, который лежит на спине. «Крыша над головой».

20. Оба лежат на боку с лицами, повернутыми друг к другу. «В профиль».

21. Мужчина обхватывает одной ногой бедро женщины. «Щекотать щелку».

22. Женщина держит одну ногу вверх, а другую вниз; мужчина стоит сзади нее. «Позади».

23. Мужчина лежит выгнувшись на женщине, животом прижавшись к животу.

24. Женщина лежит наверху, насаживаясь на член. «Езда на осле».

25. Женщина лежит наверху; мужчина передвигается под ней на спине. «Галеры».

26. То же положение, но женщина лежит поперек. «Скачка на диком звере».

27. Мужчина сидит с раздвинутыми ногами на кровати, женщина так же, но на ногах мужчины. «Мавританское седло».

28. Женщина на краю кровати предоставляет мужчине свой зад, при этом держит ягодицы раздвинутыми; мужчина атакует ее, стоя сзади. «Клистир».

29. Женщина сидит на краю кровати, ногами упершись в стену; в это время мужчина проталкивает в нее член, поочередно поднимая и опуская то одну, то другую ногу. «Колокольчик».

30. Женщина лежит на животе, ее ноги обхватывают затылок мужчины. «Цепь на шее».

31. Мужчина опирается ногами и руками о пол, его живот поднят вверх, женщина сидит в корзине, в которой есть отверстие, совпадающее с ее щелью. Корзина раскачивается, поднимаясь и опускаясь, при этом член мужчины находится то снаружи, то внутри, пока любовная игра не закончится. «Колокольный звон».

32. Мужчина пальцем ласкает щель женщины до тех пор, пока она не кончит. Она одновременно

ласкает его член. Этот способ называется «Трясти копье». Им пользуются, когда угодно и в любом положении — стоя, сидя, лежа. Этот способ хорош, если партнерша или нездорова, или не может подвергать себя риску забеременеть.

М. Милая Джулия, позволь тебя поздравить! Ты настоящий мастер в нашей области. С большой радостью вижу, что ты знаешь больше меня. Поэтому, если не возражаешь, давай продолжим разговор об искусстве любви, время у нас еще есть. Я все рассказывала тебе личные переживания первых лет моего любовного опыта. Но вот что обрела потом... Женщина, которая хочет нравиться одному или нескольким друзьям, должна помнить главное правило: вести себя не в соответствии с тем или иным способом полового сближения, но с учетом склонностей и вкусов каждого из своих друзей. Потому что некоторые мужчины любят удовлетворять свои распутные желания единственным способом, иные им и в голову не придут. Другие любят, прежде чем дойдут до дела, бесчисленное число раз целовать руки, губы, глаза, язык, и щупать, смотреть, целовать, лизать роскошное нагое тело женщины, пока не утолят свою похоть. Чтобы достичь этого, они теряют голову, забывают о приличиях, чести, душе и способны на подлость и другие гадости, которые осуждены и запрещены не только у христиан, но и у диких народов и варваров. Чтобы нравиться таким мужчинам, мы должны прежде всего отказаться, не раздумывая, от какого-либо чувства стыда, мы должны соревноваться с ними в распущенности и

распутности, хотя вначале лучше быть посдержаннее, чтобы сильнее разжечь их страсть.

Есть мужчины, которые остыли уже от жаркой любовной ласки, и стали стыдливыми — и по отношению к телу женщины, которой они дарят последние любовные ласки, и по отношению к своему собственному телу.

Есть и такие, которые еще больше соблюдают приличия, стыдливость совершенно лишает их смелости. Любовные наслаждения они имеют либо ночью, либо в затемненном помещении, в котором спущены все занавески или закрыты ставни, через которые пробивается лишь слабый свет дня, чтобы можно было различать только место любовного турнира. Эти кавалеры кажутся мне наиболее приличными и пристойными. Я довольна тем, что они не слишком много от нас требуют, кроме того, хорошо платят, наконец, во время близости с ними я чувствую себя в отношении здоровья намного увереннее, чем с развратниками, которые доводят нас обычно до изнеможения, а в конце еще и обсчитывают.

Д. Милая Маддалена, я нахожу твой опыт бесценным и клянусь тебе всем, что мне дорого, что мое сердце не пропустило ни одного твоего слова. Твои наблюдения, выводы, убедительность и простота речи делают всех риториков и моралистов беспомощными детьми. Однако, чтобы не прерывать твои драгоценные уроки, я сейчас тебя поцелую и буду слушать дальше.

М. Твоя искренняя любовь ко мне — это высшая награда, о которой можно мечтать. Сохрани эту

любовь для меня и верь тому, что я говорю. Тебе это может пригодиться... Да, мы, женщины, сильно нравимся страстным мужчинам, другим — меньше, потому что они более благоразумны и приличны. Но есть и третий тип любовников, к которым мы должны относиться с большим терпением и осторожностью. Это не злодеи, но и не то, что считается приличными людьми; правильно было бы назвать их «ударники». Это люди, которые вследствие врожденных недостатков или по возрасту, или по каким-либо другим причинам не в состоянии исполнить сам акт любви. Но, несмотря на это, они требуют от нас страстных чувств. Мой опыт отношений между мужчинами и куртизанками дает мне право сказать: эти импотенты в своих любовных ласках намного горячей и вспыльчивей, чем остальные мужчины. Я понимаю, отчего это у них. Их семя никогда не выходит наружу, хотя природа беспрерывно требует его выброса. И поэтому их возбуждает непрерывное и страстное желание разрядиться от семени. Чтобы удовлетворить эту потребность, они идут к нам, куртизанкам. Эрекция членов у некоторых из них вызывает непрерывную дикую страсть. Они работают с женщиной целый час, это бессмысленное совокупление сопровождается щипками и дерганьем за уши, так что потом на теле остаются ссадины. Другие мужчины — их противоположность — хотели бы войти в женщину, но их член не встает, если кто-то третий рукой или палочкой не щекочет их зад. Есть среди них мужчины, которые от нас требуют, чтобы мы легкими удара-

ми били их по ягодицам. Это помогает возбудиться их члену. При этом они от избытка чувства вращают глазами, как будто на самом деле кончают. Эти мужчины мне теперь больше подходят, у них нет той страшной эрекции, и женщина от них не так сильно устает.

Еще один класс мужчин, о котором надо сказать. Это пожившие старцы и несозревшие подростки. Если их кровь возбуждать, ударяя по заду, они тоже кричат: «Сильней, сильней!» Я имела таких клиентов, которые за каждый удар мне много платили. Почему бы и нет? Палач также считает свои удары. Другие находят удовольствие в том, чтобы истязать женщину, которая к тому же еще должна быть совсем или наполовину голая. Конечно, они ударяют не сильно, но это им приносит неподдельное удовольствие. В таких действиях обычно находят удовольствие старики. Увы, мы идем на это, пусть со стыдом и сопротивлением, но если удовлетворим их желание, то получаем лучшую плату, чем от тех, которые ходят к нам только работать членом. Таким господам, которым я разрешаю изощренные удовольствия, я всегда говорю, что они исключение. А исключение дорого стоит. Ну, что ты думаешь об этом?

Д. Ты полностью права, надо брать все от наших любовников — и потентов и импотентов.

М. С тех пор как я живу в Риме как куртизанка, я до тонкости продумала все правила любви, которые помогают мне время от времени пополнять мой кошелек. Теперь я стала благоразумней и думаю о тех годах, когда буду старой и что в старости мое

искусство любви уже не пригодится. Я решила, милая Джулия, что не последую примеру Тартары, которая знает, что хорошее время не может долго продолжаться, а все равно таскается с кем попало. Я пойду по стопам Беллафлоры, Мелитты, Ундизы и других очень известных куртизанок последнего времени. Какая у них была слава, но когда их аппетит утих, они подумали о старых богатых вдовцах и о женатых солидных людях. С ними, как ты знаешь, они себя прилично содержат: одежда, платья и все вещи — все им оплачено. Кроме того, они встречаются с некоторыми из своих почитателей и получают пару дукатов.

Д. Уверяю тебя, Маддалена, я тоже твердо решила следовать благоразумным правилам. Хочу в ближайшее время как следует подумать, когда я смогу покинуть открытый рынок любви, чтобы посвятить себя только избранным клиентам. Я хочу начать другую жизнь, милая Маддалена. Я хочу по меньшей мере не быть куртизанкой. Но тише, мы должны говорить тихо.

М. Действительно. Ах! Мое небо, кто это? Конечно, нас подслушивают, что же делать? Сейчас мы вернемся спокойно в дом, как будто ничего не случилось, и постараемся войти в доверие к нашим подругам, которые нас подслушивали, чтобы они не использовали наш разговор против нас. Да будет так...

СОДЕРЖАНИЕ

А.Салов
ГАЛЧЕНОК .. 3

Р.Браун
СТРАННЫЙ ПАРЕНЬ 95

Н.Сандх
ПИСЬМО ВПОПЫХАХ 104

РАССЕЯННАЯ ДЖЕННИ 109

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОЦЕЛУЕ. Из журнала
"Клаб Интернейшнл" 113

ВОЗМЕЗДИЕ .. 118

Аретино
РАЗГОВОР МАДДАЛЕНЫ И ДЖУЛИИ О РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ЛЮБВИ, ИЛИ СТРАНСТВУЮЩАЯ
РАЗВРАТНИЦА 154

СЕКС-ПИР.
БУЛЬВАР КРУТОЙ ЭРОТИКИ
Выпуск 8

Оформление художника Г. Комарова

ЛР № 061409 от 8 июля 1992 г. Подписано в печать 08.10.93 г. Формат $70\times100^{1}/_{32}$. Тираж 50 000 экз. Усл.-печ. л. 7,74. Бумага офсетная. Печать офсетная. Цена договорная. Заказ № 623.

1500р

Информационно-издательская фирма «Мистер Икс»
127254, Москва, а/я 32

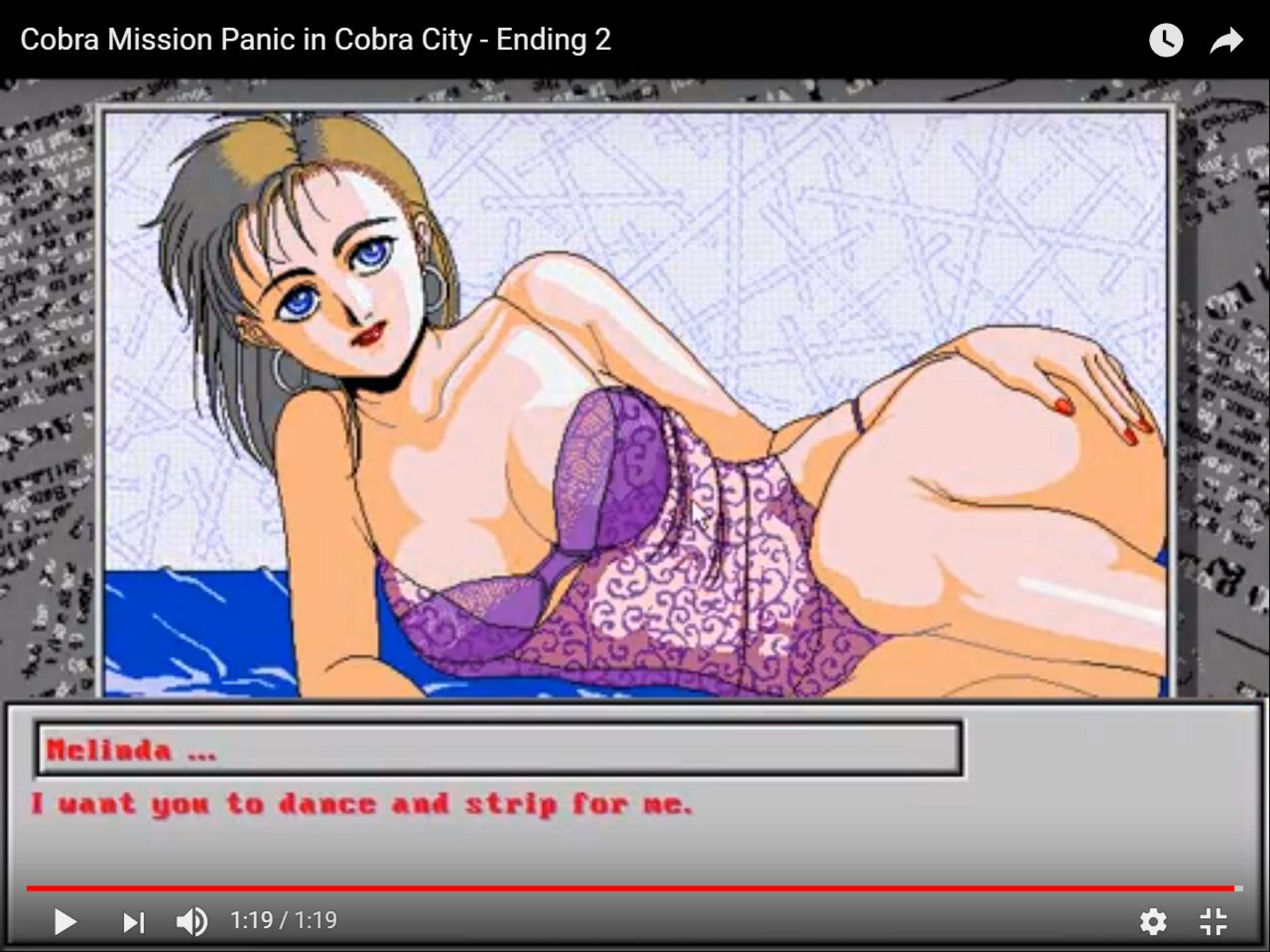
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ИПО Профиздат,
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

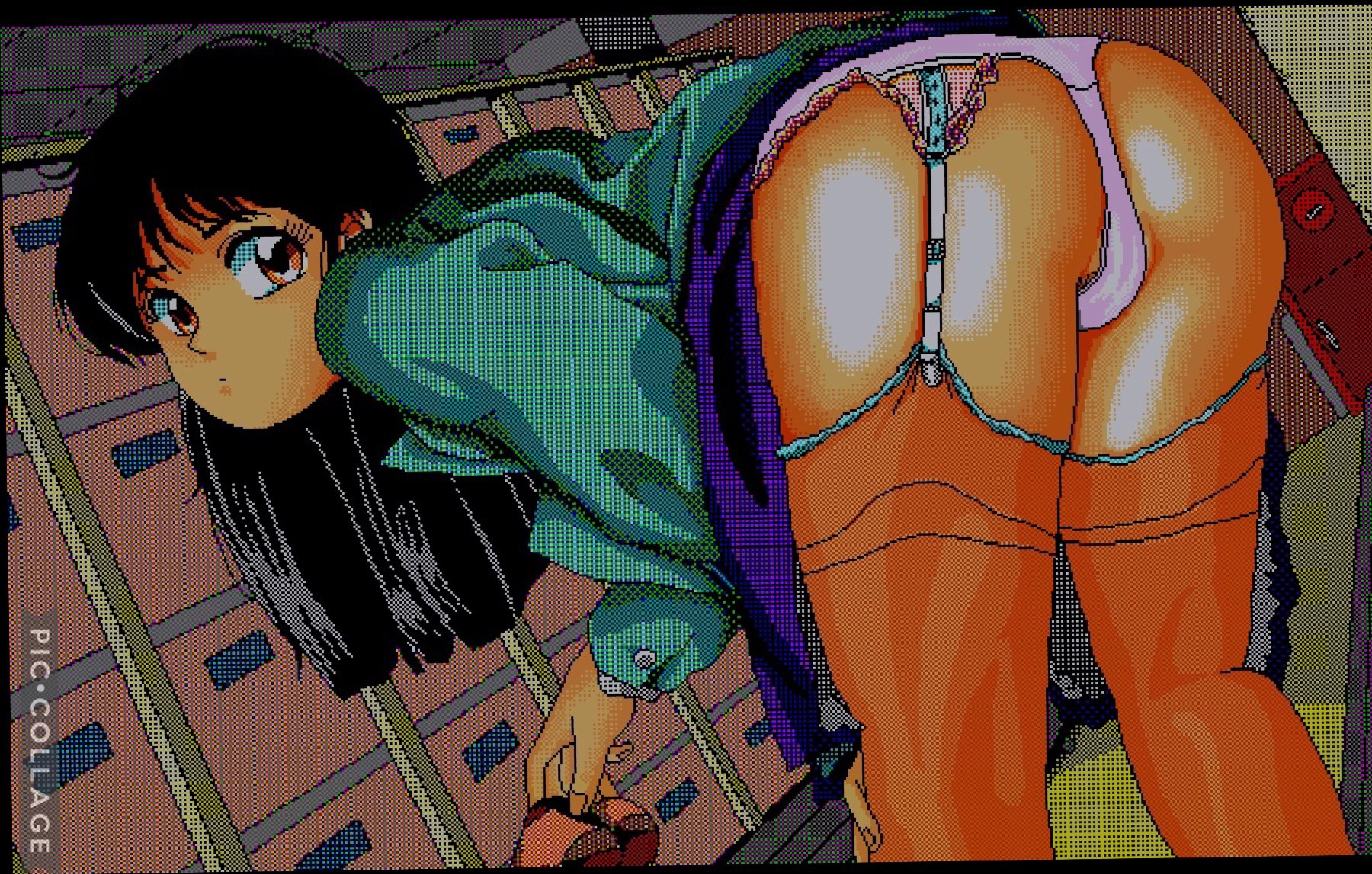
Бульвар крутой эротики

Секс Пир

ISU
PIC•COLLAGE

Cobra Mission Panic in Cobra City - Ending 2
Melinda ...
I want you to dance and strip for me.
1:19 / 1:19

PIC•COLLAGE

Fitting Room

4:29 / 4:50

PRINCESS LEIA

Flexibility exercises - Leg Strength and Contortion
0:14 / 0:45

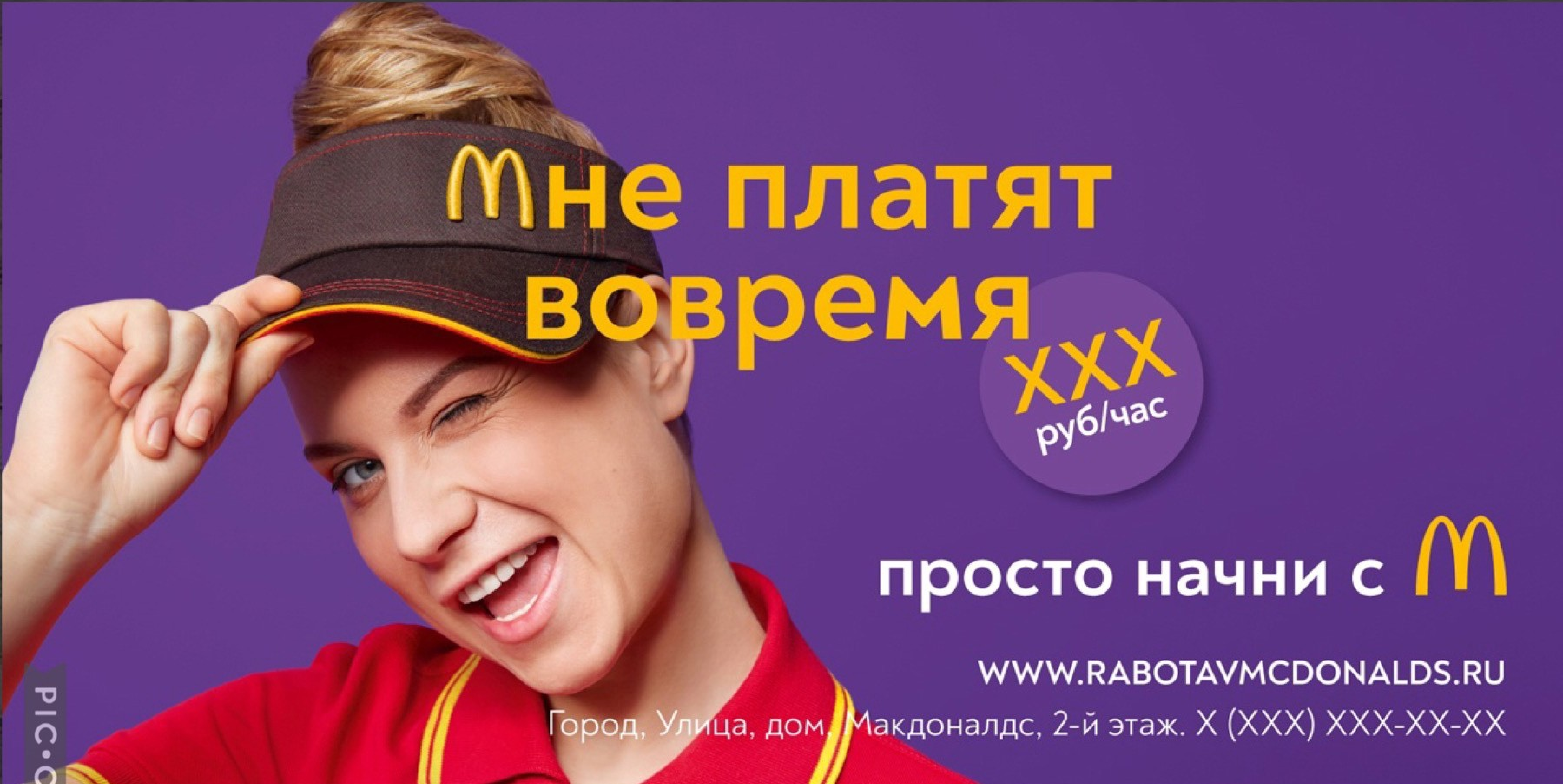

МОСКОВСКИЙ
ТЕАТР
МЮЗИКЛА
THE 7 Fingers
при участии
ПРАЙМ ТАЙМ
МЮЗИКЛ
2–28
АПРЕЛЯ
12+
ПУШКИНСКАЯ ПЛ., 2

АНАСТАСИЯ
Мне
нравится
команда
просто начни с
Заполни анкету на сайте
WWW.RABOTAVMCDONALDS.RU

PIC•COLLAGE

PIC•COLLAGE

Мне платят
вовремя
XXX
руб/час
просто начни с M
WWW.RABOTAVMCDONALDS.RU
Город, Улица, дом, Макдоналдс, 2-й этаж. X (XXX) XXX-XX-XX